

Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук РТ
Институт изучения Северо-Восточной Азии (NEAR-Center)
Университет префектуры Симанэ
Институт кавказских, татарских и туркестанских исследований
(ИКАТАТ)

**Культурные, экономические,
технологические
контакты и взаимодействие
Японии и Татарского мира:
история и современность**

МАТЕРИАЛЫ

Международной научной конференции,
посвященной 80-летию мечети в г. Кобе

Казань – 2015

УДК 93+325.2(571)
ББК 63.3(255)
К 90

*Издание подготовлено и осуществлено в рамках
Распоряжения Кабинета Министров Республики Татарстан
№ 1652-р от 29.07.2015 г.*

Составители:

М.М. Гибатдинов, Ш.Ф. Садыков, Р.Р. Абызова

Ответственный редактор:

М.М. Гибатдинов

Редактор-переводчик японских текстов:

Л.Р. Усманова

Культурные, экономические, технологические контакты и взаимодействие Японии и Татарского мира: история и современность. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 80-летию мечети в г. Кобе (Токио-Мацуэ, 19, 23 октября 2015 г.) / Под ред. *М.М. Гибатдинова, Л.Р. Усмановой.* – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. – 160 с.

ISBN 978-5-94981-209-9

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015

ВВЕДЕНИЕ

Конференция «Культурные, экономические, технологические контакты и взаимодействие Японии и Татарского мира: история и современность», материалы которой представлены в этом сборнике, прошла в октябре 2015 года в двух городах Японии – в столице страны Токио и в столице префектуры Симанэ городе Мацуэ. Она стала, с одной стороны, кульминацией долгого подготовительного процесса неофициального взаимодействия японских татароведов (в широком смысле слова) и татарстанских ученых (не только японоведов), а с другой стороны, начальным этапом для создания общей научной и культурной площадки для изучения истории татаро-японских связей. Этот процесс активно поддерживается с татарстанской стороны официальными государственными структурами и лично Президентом Республики Татарстан Рустамом Нургалиевичем Миннихановым. Центром этой деятельности в Казани является Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук РТ. С японской стороны, помимо множества ученых различных государственных и негосударственных университетов страны, проект поддерживается Университетом префектуры Симанэ, в лице его ректора Юичи Хонда, и администрацией префектуры Симанэ, а также Японской культурной ассоциацией под руководством Такаси Ватанабе и университетом Токай.

Идея создания форума для взаимодействия ученых двух стран, которую коротко можно обозначить как «Япония – Татарский мир», возникла давно, она обусловлена длительной историей взаимодействия двух культур, о которой, к сожалению, пока мало известно академической и широкой общественности как в России, так и в самой Японии. Отношения татарского мира с Японией с давних пор строились больше на догадках и образах. Прямые контакты татар с Японией, да и японцев с татарами, начались в конце XIX – начале XX века, и их история составляет яркие страницы в российско-японских отношениях. Поэтому совместный татарстано-японский проект «Япония – Татарский мир» ставит своей задачей открытие этих страниц, а также стимулирование развития академических, экономических и

культурных отношений между Республикой Татарстан и Японией. В связи с тем, что в Японии находится небольшая татарская диаспора, имеющая длительную историю существования и разделенная на старую, прибывшую в страну после 1917 года, и новую, сформированную в 1990-х–2010-х годах, проект «Япония – Татарский мир» ставит своей задачей поддержать деятельность российских соотечественников по сохранению своей культурной идентичности в этой стране.

В сборник вошли также материалы ряда конференций и круглых столов, организованных Институтом истории имени Ш. Марджани АН РТ по данной проблематике в 2014–2015 гг. в Казани, Москве и Хамаде.

Sakurama Akira

Middle Volga Region as a Contact Zone: From the Post-socialism Anthropological Perspective

This paper is intended to demonstrate one perspective of study on the contemporary Middle Volga region. This region is known as one of the most multi-ethnic and multi-religious regions in the Russian Federation. The author proposes to pay attention to the interconnection of religious and ethnic groups, and regard this region as a “contact zone”. Besides, the author supposes that we should consider the impact of socialism, and presents the “post-socialism anthropology” as a way to analyze the contemporary situation. In this paper, at first the terms “contact zone” and “post-socialism anthropology” are explained. After that historical process and the contemporary situation of a “pagan ritual” will be examined by these terms as an example of further research on religion and culture in this region.

Keywords: Middle Volga Region, Contact Zone, Post-socialism Anthropology, Religious and Ethnic Interconnections, “Pagan Ritual”.

Introduction

The Middle Volga region is known as one of the most multi-ethnic and multi-religious regions in the Russian Federation. Finno-Ugric, Turkic, and Slavic peoples have lived and co-existed for centuries in this region. They regard local beliefs, Islam, and Christianity as their historical religion. More interestingly, they have achieved a peaceful co-existence, while armed conflicts have been ongoing in the Caucasus region.

Many scholars have studied the history of this region. Their attention has been centered on the Muslims (especially the Tatars) in the Russian Empire. For example, Naganawa studied Muslim society when it was under the control of Russian Empire, and showed that Muslims at that time had created their public spaces through their contacts with the Russian Authority (8). Kefeli depicts Muslim and Baptized Tatars' lives in the imperial era, suggesting that trade networks and Islamic myths, which had been translated for centuries, enabled them to retain their Muslim identity, even among the Baptized Tatars (5).

At the same time, Nishiyama and Werth analyzed multi-ethnic and multi-religious situations in the late nineteenth and the beginning of twentieth centuries (9, 15). These works showed that ethnic and religious identities had been interconnected, and formulated through negotiations with the state authority and communications with other local groups.

Studies on the contemporary Middle Volga region are concentrated on political problems (7). However, we can now observe the unique development of ethnic cultures and the religiousness of peoples in the Middle Volga region. In particular, the co-existence and interconnection of Christianity and Islam is distinctive in this region. The author posits that study of the Middle Volga region contributes to deepening the understanding of ethnic and religious co-existence in the modern world.

Then, in order to understand the contemporary situation in the Middle Volga region, the author regards it as instructive to use the terms “contact zones” and “post-socialism anthropology,” which are proposed by Japanese anthropologists.

In this paper, the terms “contact zone” and “post-socialism anthropology” will be explained first, and how these terms can be used to study the contemporary situation of the Middle Volga region will be considered. Next, as one concrete example, the author will analyze the “pagan rituals” that were observed in the field research conducted from 2008 to 2010. Finally, we will examine the possibility of a contemporary Middle Volga region.

1. The Middle Volga Region as a Contact Zone

The term contact zone is proposed by Japanese anthropologist Tanaka (14). He cited this term from the work of the American literacy theoretician Pratt. She defined a contact zone as “the space of colonial encounters, the space in which peoples geographically and historically separated come into contact with each other and establish ongoing relations, usually involving conditions of coercion, radical inequality, and intractable conflict” (11, p.7). She intends “to foreground the interactive, improvisational dimensions of colonial encounters so easily ignored or suppressed by diffusionist accounts of conquest and domination.” Her emphasis is on “how subjects are constituted in and by their relations to each other” (11, p.7).

Tanaka insists that this approach should be applied in all areas of the world where globalization is occurring. According to Tanaka, anthropolo-

gists have paid more attention to examining the “pure” figure of each culture in developing countries. Consequently, they have examined “tribal zones,” in which a particular ethnic group with a unique language, physical type, culture, and custom lived in a certain area. However, with the advance of globalization, tribal zones have become contact zones that have been impacted by modernization. Tanaka argues that anthropologists should study contact zones as a main field (14, p.13).

Tanaka enumerates three merits of using the view-point of contact zones. To begin, we can consider the power relationships and violence evident in this field, and pay attention to the crises and resistance that characterizes people’s lives. Second, each culture will be understood, not as an autonomic unity, but as a complex entity created through negotiations with others. Third, peripheral areas that have been ignored can be examined (14, pp.16–17).

The author posits that the Middle Volga region which has a history of interconnections between religious and ethnic groups can be well researched from this point of view.

The Finno-Ugric peoples lived in this region as indigenous groups. Then the Bulgars, a Turkic people, created the kingdom and received Islam. After the Mongol reign, in the sixteenth century, Ivan the Terrible conquered Kazan, this region came under the rule of the Russian empire, and the Russian Orthodox mission was started. This mission’s activities were supported by the Imperial authority. As a result, many local people converted to Christianity, but kept their traditional customs and lifestyles. Many Muslims resisted the mission’s activities, and remained Muslim. However, most of these “Muslims” also retained the ancient practices.

The practices the local people conducted were based on traditional beliefs, but they were also influenced by Islam and Russian Orthodoxy. On the one hand, Islam and Christian authorities regarded these customs as “wrong beliefs”. On the other hand, anthropologists and ethnic activists often evaluate these rituals as having been “polluted” by Islam and Christianity. However, we may be able to positively evaluate these rituals as a result of intercommunications between ethnic and religious groups in a contact zone.

Recently, anthropologists have begun to pay attention to the ambiguities of Islam and Christianity. Some Japanese anthropologists have researched religious practices in Central Asia, where traditional beliefs and Islam are merged. They argue that we should examine the believer’s own interpretations of these rituals (2, 6). This approach can be applied to the

contemporary situation in the Middle Volga region. Besides, religion is often related to the ethnic identity and culture of the people in this region. For example, Islam is an important identity factor for Tatars. Maris often regard the ancient belief as a core of their ethnic identity, though most Maris received Christianity. This complicated situation can also be understood from the view point of a contact zone.

In addition, we should consider the historical background and process. In particular, the experience of socialism is an important factor that should be considered in understanding the contemporary situation in the Middle Volga region. In this regard, we can draw on the idea of post-socialis manthropology.

2. The Middle Volga Region and Post-socialism Anthropology

A Japanese anthropologist, Takakura proposes the idea of post-socialism anthropology. Anthropologists in Western countries could conduct field research only after the 1990s, and when they did, they found that socialism had penetrated deeply into all spheres of life in the former Soviet space. These scholars subsequently identified the co-existence of “tradition,” the “Soviet system” and a “post-Soviet presence” in contemporary former Soviet space (13, p.6).

Takakura insisted that anthropologists should examine post-Soviet life as a complexity comprised of these three historical aspects, from the perspective of contemporaneousness, on the basis of micro ethnographic observations. He expected that this kind of research would contribute to a reconsideration of modernity, which has been regarded as equivalent to Europeanization (13, p.7).

For example, as American sociologist Brubaker showed, Soviet authority institutionalized ethnicity (*narodnost*) as an administrative and political categorization of people in the USSR (1). This categorization has been internalized by Soviet citizens, and deeply influences people and their creation of an “ethnic culture”. Takakura noted that from the viewpoint of post-socialism anthropology there is room to examine the relationship between “institutionalized ethnicity” and “ethnicity as a social phenomenon,” considering the traditional group system, the Soviet legacy and the present situation (13, pp.8–11).

Religion is also an interesting subject to study in the context of post-socialism anthropology. Each religion, such as Islam and Russian Orthodoxy was used to categorize people in the imperial era, but the Soviet au-

thority adopted atheism as one of its basic ideologies. After the collapse of USSR, people began to show interest in religion again. Now, religion is an important part of the identity of people, and often relates to ethnicity. However, religious revival exposes disagreements over people's understanding of religion; someone seeks the "true belief" according to a religious authority, others continue to observe the traditional religious practices. Moreover, many people have a religious identity as Christians or Muslims, but do not show any interest in practicing the religious rituals. This confused situation could have been formulated only through the Soviet experience, and therefore, it can be examined in the context of the post-socialism anthropological framework.

Anthropological studies by Western (including Japanese) scholars have concentrate on conducting research in Siberia, the Far East, and Central Asia¹. However, the author regards the Middle Volga region as an interesting field for understanding the post-Soviet space, and in particular, the spheres of ethnicity and religion.

In the next section, based on his field research², the author will analyze the process and contemporary situation of the Kriashen's sacrifice rituals as an example of the above-mentioned study.

3. "Korman" in the Contact Zone in the Post-socialism Era

Missionaries and ethnographers from the imperial era found that while many local people accepted Russian Orthodoxy, they continued to practice ancient rituals. Orthodox missionaries, in principle, regarded these rituals as being derived from pagan customs, and, therefore, "true Christians" should not continue practicing them. However, mission a ries also acknowledged that these rituals often included Christian or Islamic aspects. For example, in some villages, people pray for rain using sacred Christian words and crosses. In other places, villagers read words from the Koran top ray to God (10).

Non-Russian youths who received their education in Il'minskii schools raised their Christian identities, and when these students went

¹ Now in Japan, Goto is engaged in the ethnographic research on Chuvashes. He also examines the historical process and interpretation of traditional religion of Chuvashes (3).

² This data was collected in field research, by the author, from 2008 to 2010 in the Republic of Tatarstan. This research was conducted with financial support from the Heiwa Nakajima Foundation.

back to their home villages, they criticized elderly people for preserving “pagan” rituals. One Kriashen boy, who graduated from an Il’minskii school, criticized the sacrifice ritual called “Kiremeti,” and bought an icon with money that had been collected to purchase offerings to Kiremeti (4). In this way, the practice of many ancient rituals declined at the beginning of the twentieth century.

However, the customs were not completely eradicated, and the situation changed after the Russian Revolution. Bol’sheviki adopted atheism as one of their main ideologies, and attacked religious authorities. Many Christian churches and Islamic mosques were destroyed. However, “pagan rituals” were not strictly prohibited, because these customs were interpreted not as “religious practices”, but as “local traditions.” Indeed, local people, in some cases in secret, in other cases in public, continued to practice these rituals.

Ancient practices that contained Christian or Islamic factors enabled people to retain their religious identities. Local people kept the icons and sacred texts in their houses, and used them to conduct the rituals. In this way, they confirmed their Christian or Muslim identities through their “traditional practices”.

After perestroika, religious authorities such as the Russian Orthodox Church recovered their power, and restarted their mission activities. A lot of churches and mosques were revived. Christian priests and mullahs were sent to regions to propagate the “true religion”. These clerics again tried to eradicate the “pagan rituals” that had been practiced in the Soviet era.

Some clerics succeeded in disbanding “pagan” rituals. According to my field research in a Kriashen village, some people made porridge in order to call for rain. An Orthodox priest who goes there to hold a service persuaded the villagers to stop practicing this custom, and to instead begin to pray to God for rain. In the end, the villagers gave up the ritual.

However, the author found a village in which a ritual called “Korman” has been preserved. Korman is conducted on the second Sunday of July. Participants assemble at the center of the village, and make porridge from grain. They then pray to the icon of Russian Orthodoxy for rain, together with regarding Christian sacred texts. After that, they place two eggs and coins in a spring, with the wish that the spring will continue to have water. Villagers commented that they had conducted this custom even in the Soviet era, and that a “priest”³ had led it.

³ Probably this “priest” was not one officially appointed by the Russian Orthodox Church, but was only a man who could read Christian texts.

In 2006, a Christian church was built in this village, and an Orthodox clergyman began to live there. The clergy insisted that Christian villagers not conduct “pagan” rituals. Some inhabitants, especially immigrants from other villages, agree with the clergy, and do not participate in Korman.

However, main participants regard this ritual as a Christian practice. They suppose that they can keep their connection with God through Korman. On the other hand, many participants acknowledge that this ritual is not connected with Christianity, but they consider it to be a tradition they have inherited from ancient times.

Kriashen ethnic activists consider this kind of ritual as part of the “Kriashen ethnic culture”. Kriashen intellectuals are engaged in an “ethnic revival movement,” and regard Kriashen as a distinct ethnicity. Those involved in this movement emphasize that Kriashen has a “unique culture” and “tradition,” both of which, in the Soviet ideology, were regarded as pre-conditions for being an ethnic group. Customs such as Korman are often referred to as examples of their cultural distinctiveness.

This ritual is, in principle, based on local practices. A Russian ethnographer Sevast’ianov pointed out that other rituals similar to Korman have been observed in other villages of Udmurts (12, p.48). That is, we are able to confirm cultural interconnections among local peoples. At the same time, Korman was strongly influenced by Russian Orthodoxy and Islam. The fact that some people regard it as a part of Christianity illustrates the diversity of Christianity, which is merged with local beliefs and Islam in a “contact zone”.

Besides, it has changed under Imperial mission activities, and Soviet policy. People’s understanding of “Korman” reflects these influences. The interpretation of Korman as a part of Christianity seems to be more directly connected to local ideas that have been formulated, in large part, through the interconnections of local beliefs, Islam, and Christianity. The idea that Korman is part of the tradition of Kriashen’s ethnicity or the village is more connected with Soviet policy, which denied religion, but emphasized “ethnicity” and “tradition”. Now the revival of religious authority has led people to rethink their identities, and may ultimately lead to the elimination of practices like Korman.

These complex interpretations of Korman reflect the overlapping historical processes inherent in the interconnections of religion and ethnicity.

Conclusion

In this paper the author presented one viewpoint for understanding the contemporary situation in the Middle Volga region. As a multi-ethnic and multi-religious region, we can observe unique customs in each ethnic group. These customs are formulated through the interconnections of each ethnic group and their religion. Ancient customs did not disappear, but only merged with Islam and Christianity, which themselves have been changed by the interconnection with local beliefs. As a result, unique religious identity has been formulated.

At the same time, we have to pay attention to the impacts of the Soviet experience. Soviet authority adopted atheism as one of its main ideologies, and promoted an ethnic identity and secular culture. It attacked religious authorities, but did not strictly prohibit local practices. These local practices were regarded as part of the local and ethnic culture, but they also enabled people to retain their religious identities. Now, the revival of religious authorities has forced people to rethink their beliefs and ethnicities, which are often related to their religious identities.

To this point, the author has shown only one perspective of the study of religion and ethnicity in the Middle Volga region. Now there is room to examine the customs of each ethnic group in this region from the viewpoint of a “contact zone” and “post-socialism anthropology. These studies will enable us to examine one aspect of religious and ethnic identity of people in the Middle Volga region. Besides they will provide interesting knowledge on religion and ethnicity in the modern world.

References

1. Brubaker R. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge; New York: Cambridge University Press. 1996.

2. Fujimoto T. *Yomigaeru Shisyu Girei: Gendai Kazafu no Isuramu Fukkou* [Reviving Memorial Service: Islam Revival among Contemporary Kazakhs]. Tokyo: Fukyo-sya, 2011.

3. Goto M. Metamorphosis of Gods: A Historical Study on the Traditional Religion of the Chuvash, *Acta Slavica Iaponica*, 2007, no.24. Available at: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/acta/24/goto.pdf>

4. Iz zhizni kreshchenykh inorodtsev Kazanskogo kraia za 1887 god [From the Life of Baptized Aliens in Kazan Province in 1887]. *Izvestiia po Kazanskoj eparkhii* [News of the Kazan Diocese]. 1888, no.1, pp.4–32.

5. Kefeli A.N. *Becoming Muslim in Imperial Russia: Conversion, Apostasy, and Literacy*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2014. – 289 p.

6. Kikuta H. *Uzbekisutan no Seija Sukei: Touki no Machi to Posuto-Sovieta Jidai no Isura-mu* [Uzbekistan and Fear of Holies: A Town of Crockery and Islam in the Post-Soviet Era]. Tokyo: Fukyo-sya, 2013.
7. Matsuzato K. Muslim Leaders in Russia's Volga-Urals: Self-Perceptions and Relationship with Regional Authorities, *Europe-Asia Studies*, 2007, no.59 (5), pp.779–805.
8. Naganawa N. Holidays in Kazan: The Public Sphere and the Politics of Religious Authority among Tatars in 1914. *Slavic Review*, 2012, no.71 (1). Available at: <http://www.jstor.org/stable/10.5612/slavicreview.71.1.0025>
9. Nishiyama K. *Rosia Kakumei to Toho Henkyo Chiiki: "Teikoku" Chitsujokara no Jiritsu wo Motomete* [The Russian Revolution and the Eastern Border Region: Seeking the Independence from the "Imperial" Order]. Sapporo: Hokkaido Daigaku Shuppankai, 2003. – 464 p.
10. Odigitrievskii N. *Kreshchenye tatory Kazanskoi gubernii: etnograficheskii ocherk* [Baptized Tatars in Kazan Province: Ethnographic Essay]. Moscow, 1895. – 66 p.
11. Pratt M. *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturalation*. London and NewYork: Routledge. 1992.
12. Sevast'ianov I.V. Rol' sviashchennykh mest v sovremennoi sisteme verovaniia tatar-kriashen [The Role of Sacred Places in the Contemporary Belief System among Tatar-Kriashens], *Natsional'nye tsennosti: traditsii i sovremennost'* [National Values: Tradition and Presence]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, 2006, pp.45–53.
13. Takakura H. Posuto Syakaisyugi Jinruigaku no Syatei to Yakuwari [The Perspective and the Role of Post-Socialism Anthropology]. Takakura H. and Sasaki S. eds. *Posuto Syakaisyugi Jinruigaku no Syatei* [The Perspective of Post-Socialist Anthropology]. Suita: National Museum of Ethnology, 2008. – 1–25 p.
14. Tanaka M. Kontakuto Zo-n no Jinbungaku he [Toward the Humane Studies of Contact Zone]. *Kontakuto Zo-n no Jinbungaku I: Mondaikei* [Humane Studies of Contact Zone I: Problematique]. Kyoto: Koyo-Syobou, 2011. – 3–19 p.
15. Werth P.W. *At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region*. Ithaca: Cornell University Press, 2002. – 275 p.

Ёнэхара Кен

Свет и тень японского национализма: Куга Кацунан¹

В данной статье речь идет о первых представлениях японцев о татарах и влиянии «татарской» темы на представителей японского национализма, в частности Куга Кацунана, японского интеллектуала, который размышлял о взаимовлиянии вестернизации и азиатского традиционализма в период модернизации Японии, период Мейдзи.

Yonehara Ken

The Light and Shadow of Japanese Nationalism: Kuga Katsunan

In this article presented are ordinary views of Japanese on Tatars based on Japanese historical records and its influence on Japanese intellectuals of Meiji period like nationalist Kuga Katsunan. He was an intellectual, editor of famous newspaper “Japan” and studied interactions between Westernization and Japanese traditionalism during Meiji period.

Татары и мохэ (чжурчжэни)

Татарами (в китайском произношении *дада*, в японском – *даттан* – Л.У.) японцы часто называют народность «мохэ» (*макацу* – по-японски, предки чжурчжэней, живших на севере Маньчжурии – Л.У.). Мохэ – народность тунгусского происхождения. Название «татары» встречается в литературе династии Тан и переводится как «потомки мохэ». В период начала новой истории народы, проживавшие в центрально-азиатских странах, в том числе монгольский народ, причислялся к «татарам».

Услышав слово «татары», первое, что приходит на ум современным японцам, – ассоциации со словом «татарский пролив». Иногда пишут, что им является пролив Мамя, но Мамя Риндзо (1775–1844) установил, что открытый им пролив не является Татарским проливом, что отделяет Сахалин. Согласно утверждениям Мамя в его «Восточно-татарских дневниках» об изучении восточной части

¹ Тезисы доклада на секции Международной конференции в Мацуэ. Перевод с японского Л.Р.Усмановой.

«татарского» региона, в этом районе кроме тунгусских народов проживало и множество других.

Еще одно произведение имеет отношение к слову «дат-тан» – «Дневник путешественников среди татар» (на его основе написана новелла Сиба Рютаро «Записки о татарской буре»).

В апреле 1644 года японские торговцы, направляясь на Хоккайдо (префектура Фукуи), штормом были вынесены в залив (бухту) Посьета (на границе современной Северной Кореи и России с российской стороны), где и высадились на берег. Из 58 человек 43 были убиты местным населением. Остальные 15 человек были отправлены в город Шеньян и после допросов доставлены в Пекин. Они прибыли в Пекин не ранее ноября 1644 года, так как в сентябре манчжуры, оккупировавшие летом Пекин и основавшие династию Цинь, массово переселялись в город. После годичного пребывания в Пекине японским торговцам было разрешено вернуться на родину, и циньские чиновники сопровождали японских торговцев до Сеула. От Сеула до Пусана они проехали, сопровождаемые корейскими чиновниками, и добрались через Осаку до дома в префектуре Фукуи лишь в июне 1645 года. Сегунат Токугава отправил письмо благодарности в адрес корейской администрации. Однако из-за того, что в письме Циньская династия была названа «татарским государством», возник конфликт между Японией и Кореей (см. Сонода «Исследование «Дневников путешественников среди татар», 1939 г.).

Маньчжур Нурхацзи из т.н. «чжурчжэней» (скорее всего, из «татар») (под именем «Айсиньгиоро») сделал Шеньян столицей и основал в 1616 году империю «Великая Золотая» (переименованную в 1636 году в государство Цинь). Если посмотреть статью в Энциклопедии «Британика» об этой империи, то можно прочесть, что «чжурчжэни» – «это название народа тунгусского происхождения, жившего с конца X века в восточной части Маньчжурии», «преемник народа «мохэ», создавшего государство Бохай». После гибели Бохайского государства бежавшие оттуда племена были названы чжурчжэнями.

Государственный национализм Куга Кацунан

Одним из ярких представителей японского национализма называют Куга Кацунана (1857–1907). Он был старшим сыном в самурайской семье Накаты Кентоси в поселке Хиросаки (ныне префектура Аомори – *Л.У.*). Впоследствии к его имени присоединилась фамилия

родственников Куга. В 15 лет он перевел стихотворение китайских классиков «Мощный ветер приходит с юга, где живут мохэ», за что удостоился похвалы. В 1888 году с помощью Сугиура Сигетаки, Тани Татеки и других стал выпускать газету «Токийский телеграф», а через два года после принятия Японской Конституции переименовал ее в «Япония» (став главным редактором и издателем). Газета «Япония» в 20-х годах и до первой половины 30-х годов периода Мейдзи (1888–1900 гг. – Л.У.) была очень популярна. Именно в это время здесь выросли будущие журналисты периода «демократизации Тайсё» (1912–1926 гг. – Л.У.) Хасегава Нёдзекан, Тории Сосен, Маруяма Тадасидо. Известным журналистом газеты был Масаока Сики.

Дипломатическая проблема первой половины периода Мейдзи была связана с необходимостью пересмотреть неравные договора, заключенные с европейскими государствами сегунским правительством (права таможенных сборов и права экстерриториальности иностранцев). Ставший в 1880 году министром иностранных дел Иноуэ Каору решил добиться отмены права экстерриториальности, особых условий для иностранцев на территории страны, но встретил сильное сопротивление со стороны кабинета министров (в частности, Тани Татеки и Густава Эмиля Буассонада). На этом политическом фоне разворачивалась деятельность Куга Кацунан по изданию газеты. Следующий министр иностранных дел Окума Сигенобу, отталкиваясь от предложений Иноуэ, провел переговоры на выгодных условиях. Однако договор, опубликованный в «Лондон таймс» до его подписания и перепечатанный газетой «Япония» в 1889 году, разочаровал членов паназиатского (ультранационалистического) политического общества «Геньося», которые совершили покушение на министра.

Второй кабинет Ито утвердил условия, предложенные министром иностранных дел Муцу в 1893 году и одобренные Обществом Великой Японии, в котором участвовала и газета «Япония», и провел договоры в жизнь. В 1894 году был заключен англо-японский торговый договор об отмене консульской юрисдикции, и достигнута договоренность о новом таможенном договоре, который начал действовать с 1899 года. Полностью таможенный договор был пересмотрен в 1911 году.

Газеты «Японец» и «Токийский телеграф» Кацунана, идеология которых строилась на критике вестернизации, что проявилось в поддержке переговоров о пересмотре договорных условий с западными странами, были созданы в 1888 году. Причиной их появления послу-

жило чувство опасности разрушения японских ценностей вследствие вестернизации, выражаемой, к примеру, в строительстве министром иностранных дел Иноуэ Каору дворца для приема иностранных гостей Рокумейкан – символа вестернизации Японии. Кацунан настаивал на «сохранении национального духа», но это не означало, что он отрицал заимствования из западной культуры. Кацунан утверждал, что внутри страны необходимо «объединение граждан», а во вне – выражение «особой национальной позиции». С другой стороны, разделяя политику и культуру, он признавал универсальность политической системы. Одним словом, перенимая конституционные основы политического строя стран Западной Европы, он призывал сохранять уникальность традиционной японской культуры. Для объединения национального сознания Кацунан проповедовал принцип «глобальные идеалы – региональные (национальные) идеи», утверждая, что граждане страны «осознают себя целым этносом по крови, осознают себя целым по языку, осознают себя целым по традициям, обычаям, искусству, литературе, политическому строю».

В 20-е годы периода Мейдзи (1890-е гг.) общественное мнение разделилось. Газета Кацунана «Япония» и газеты Сохо Токутоми «Друг националиста» и «Националистическая газета» заняли жестко отрицательную позицию в отношении предложений по изменению условий договоров с западными странами, предлагаемых министром иностранных дел Окума. Предложения Окума, совпадающие с предложениями бывшего министра иностранных дел Иноуэ, разрешали наем на государственную службу иностранцев, но в отличие от предложений Иноуэ они были более прогрессивными. Кацунан критиковал обоих: «нет большой разницы», а Сохо поддержал его: нет совершенства. Кацунан, будучи реалистом в политике и преследуя цель достичь успеха, указывал на то, что многие забывают о «благородной цели», критиковал взгляды на «свободу» и «силу человеческого разума» тех, кто проповедовал движение и неизбежность истории. Он объяснял свою позицию в политике о связи практики и разума, отвечая на вопрос у кого приоритет – у консерватизма или прогресса, так, что «не следует помогать проявлению привычного, но следует идти за практицизмом, даже если это сложно, но это естественно». Он считал парадоксальным обращение к «человеческому разуму» и «практике» ориентированных на традицию консерваторов, так как во внутренних делах все вынуждены использовать обычай, а во внешних делах – практицизм.

В своих взглядах Куга Кацунан выступает одновременно с двух сторон – как традиционалист и консерватор, с одной стороны, и конституционалист и либерал, с другой. В качестве первого он на стороне государства и императора. Согласно Кацунану, конституция западных стран обращена к потребностям граждан и ограничивает права монарха, а японская конституция, основанная на «большом сердце императора», не может ограничить права императора в пользу гражданского управления. Так как «права императора, которые не ограничены гражданами», обусловлены «ограничениями в отношении системы божественности предков и религии», то есть, коротко говоря, именно основываясь на традиции, японцы принимают на себя ограничения. Императорский двор – не только «суверен истории и политики», но и духовный лидер. Синтоистский храм в Исэ – не только святыня императорского двора, но и национальный мавзолей, а синто – не только религия, но и «наш национальный дух». Следовательно, синто и храм в Исэ должен почитать каждый гражданин страны (типичная позиция «государственной религии синто»).

Кацунан проповедывал заимствование западной культуры в «тех пределах, пока они отличаются от национальных особенностей». Он признал, что это не более чем «идея самозащиты», так как западная культура выглядит универсальной. Но он критиковал принцип «братство четырех морей», который в христианском мире становится империализмом. Из этого признания видно, что Кацунан критиковал японских западников, «стремящихся бойкотировать китайцев, близких по расовому принципу». И, таким образом, оценивал ограниченную вестернизацию Империи Цинь негативно в отличие от свободной вестернизации Японии, которая принесла Японии «изначально практические выгоды». Однако, оценивая факт возникновения японо-китайской войны, он считал, что ее цель «в завоевании дикаря в лице Китая», ибо Циньская Империя – «одно из варварских государств Востока».

Влияние японо-китайской войны на Корейский полуостров велико. Победа Японии, уже видимая в октябре 1894 года, оказала влияние на Кацунана, который написал длинную редакционную статью «Теория внешней политики», представляющую собой теорию охраны севера и продвижения на юг. Он считал, что для того чтобы сохранить влияние на Корейский полуостров в будущем, следует конкурировать с Великобританией в сотрудничестве с Россией за право влияния на Циньскую империю. Основой этих аргументов было признание того, что Россия и Великобритания борются за господство в мире, за коло-

низацию Азии, сердцем которой является Тайвань. Однако вопреки ожиданиям Кацунана после окончания японо-китайской войны именно Россия приобрела влияние на Корейском полуострове. Миссия Миура Горо, который пытался вернуть утраченное, привела к отставке Миура и последующему перевороту с убийством корейской императрицы. Кацунан, который находился в близких отношениях с Миура, настаивал на жесткой политике в отношении Кореи, и нельзя сказать, что это не связано с жесткостью самого Миуры. По смене отношения Кацунана к России видно, что он с самого начала прогнозировал последовавшие с марта 1896 года события (смена корейского императора при поддержке российского консульства).

В заключение хочется сказать, что слова стихотворения, которое он перевел в юности и за которое был отмечен, «мощный ветер приходит с юга, где живут мохэ» (или «сильный ветер приходит с татарского юга») стали пророческими и лейтмотивом его жизни. В японском национализме он занимает место интеллектуала, размышляющего о взаимовлиянии и взаимодействии паназианизма и вестернизации.

Модернизации традиционной татарской общины в конце XVIII – начале XX века¹

Татарский народ вступил в эпоху социально-экономических, духовных и культурных преобразований в конце XVIII – начале XIX столетия, в период бурного развития капиталистических отношений.

Реформы Екатерины II, ее политика веротерпимости способствовали появлению у татар многочисленного и успешного предпринимательства, создавшего конкурентные отрасли кожевенного, ткацкого, мыловаренного производства. Татарский деловой мир упрочил свои позиции как на внутрироссийском рынке, так и в торговых связях с Китаем, Казахской степью и Средней Азией.

В результате сформировалась богатая и влиятельная элита, состоявшая из гильдейского купечества, возглавлявшая многочисленные мусульманские общины в Центральной России, Поволжье, Приуралье и Сибири. Большое значение для консолидации татарского народа имело созданное Екатериной II в 1788 году Оренбургское магметанское духовное собрание. Этот государственный орган контролировал деятельность официальных имамов, регулировал семейно-бытовые, имущественные, благотворительные и иные отношения в мусульманских приходах. Духовному собранию в XIX веке подчинялись 4254 общины, в которых проживало 3,4 миллиона мусульман.

Во второй половине XVIII – начале XIX столетия начинается массовое строительство мечетей, создание крупных медресе, налаживается многостороннее взаимодействие с признанными религиозными центрами Средней Азии. Именно первым татарским предпринимателям, с недавним феодальным прошлым, выпала историческая роль стать идеологами и финансистами стремительной исламизации татар, вытеснения из жизни народа древних этнических традиций и языческих представлений. Это был объективный процесс начального этапа формирования буржуазной нации, когда в разобщенную с сильным родоплеменным сознанием социальную среду внедрялся особый стандарт ислама, направленный на консолидацию народа, стандарт, созвучный новым капиталистическим реалиям.

¹ Тезисы доклада на секции Международной конференции в Мацуэ.

Конечно, в нем были очень сильны элементы бухарской схоластики и догматики, естественно необходимые для упрочения веры в полукочевом и полужыческом обществе. Однако здесь с самого начала закладывались совершенно определенные основы, приведшие через несколько десятилетий к общенациональному реформаторскому процессу. Среди них: очевидная конкуренция с православной церковью и миссионерством, стремление к учреждению сети профессиональных учебных заведений, вакуфных структур, серьезная поддержка наиболее одаренных имамов и мударрисов, опора на указное духовенство в противовес многочисленным суфийским братствам, негласное поощрение творческого свободомыслия.

Во второй половине XIX века, в эпоху «Великих реформ», начался новый этап социальной деятельности национальной буржуазии, выразившейся в масштабных преобразованиях мусульманской школы, а затем и всех сторон жизни тюрко-татарского сообщества Российской империи. Процесс этот был во многом инициирован государством, которое стремилось административно подчинить независимую прежде систему конфессионального образования, директивно внедрить в программу мектебе и медресе изучение русского языка, ввести обязательный языковой ценз для молодых людей, желающих стать имамами и мударрисами.

Поэтому обновленческое движение, возглавляемое татарским предпринимательством и духовенством, имело, в том числе, и охранительный характер. Его основной целью стало создание конкурентоспособной мусульманской школы, которая могла бы противостоять миссионерским мерам правительства и в тоже время соответствовать технократическим реалиям бурно развивающегося капитализма.

Определяющий вклад в эти реформы внесли выдающиеся татарские просветители и богословы: Габденасир Курсави, Каюм Насыри, Хусаин Фаезханов, Шигабутдин Марджани, Рашид Ибрагимов, Ризаэтдин Фахрутдинов, Галимджан Баруди, Зия Камали, Муса Бигиев и другие представители научной и педагогической общественности.

К началу XX столетия вся система татарских религиозных училищ пережила глубокую трансформацию. Произошел решительный отказ от средневековых способов обучения грамоте. Огромную популярность получил новый звуковой метод преподавания (ысуле джадид), предложенный И.Гаспринским. Из-за чего вся реформа стала именоваться джадидской, а ее сторонники – джадидами.

Изучение духовных наук сосредоточилось только на Коране и Священной Сунне. Труды многочисленных средневековых коммен-

таторов бухарского толка исключались из программы, в духовно-педагогическую практику шакирдов начал активно включаться родной язык.

Традиционная исламская школа стремительно европеизировалась. В городах крупная буржуазия строила для медресе современные, специально оборудованные здания со всей необходимой инфраструктурой. Оснащение таких учебных заведений ничем не отличалось от классических гимназий.

С расширением линейки преподаваемых предметов, в первую очередь, общеобразовательных, формировался педагогический персонал таких училищ из числа прекрасно образованных специалистов.

Так появилось татарское медресе нового типа, в котором, помимо религиозных, большое внимание уделялось преподаванию гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

В качестве примера можно привести возникшее в Казани в 1882 году новометодное медресе «Мухаммадия», которое возглавлял видный педагог и реформатор Галимджан Баруди. Усилиями казанского предпринимательства это медресе работало в великолепном трехэтажном здании, с собственными мастерскими, лабораториями и помещениями для занятий спортом. Учебный процесс осуществляли 15 преподавателей, которые обучали своих подопечных математике, химии, физике, истории, литературе, праву, родному языку и многим другим предметам. В отдельные годы здесь получали образование до 500 молодых людей. В стенах этого медресе получили путевку в жизнь наиболее выдающиеся представители татарской интеллигенции.

Аналогичные учебные заведения появились в этот период в Уфе, Оренбурге, Касимове, Троицке, Астрахани и других города и селам России.

Следует особо подчеркнуть, что все эти преобразования происходили без какой-либо финансовой поддержки со стороны государства, только силами и средствами самой общины, которая стала основным полем общественных реформ татарской буржуазии.

Татарская махалля – локальная мусульманская община приобрела в этот период элементы выборного самоуправления (попечительства, меджлис старейшин и уважаемых людей), а также собственные независимые финансовые фонды, формировавшиеся, как правило, за счет вакуфных пожертвований.

Серьезная концентрация материальных ресурсов на уровне махалли позволяла в дальнейшем мусульманской буржуазии обращать заинтересованное внимание на решение общих для татарских поселений

проблем: искоренение нищеты, борьбу с неграмотностью и болезнями, социальное призрение престарелых, сирот и неимущих и т.д.

В начале XX века у татар появились сотни благотворительных и культурно-просветительских организаций с солидным уставным капиталом, которые играли определяющую роль в проведении реформ.

Впечатляющие результаты джадидского движения, мощного национально-культурного возрождения проявились после Манифеста 1905 года, когда у татар действовала сеть современных новометодных учебных заведений, начала формироваться светская интеллигенция, возникли книгоиздательства, национальная пресса, другие институты гражданского общества.

В этот же период происходил расцвет всех форм татарской культуры. Профессиональная литература, театр, музыка, изобразительное искусство пользовались огромной популярностью не только у татарского населения, но и у всех мусульманских народов России. Навсегда в историю отечественной культуры вписаны имена Габдуллы Тукая, Гаяза Исхаки, Габдуллы Кариева, Галиаскара Камала, Салиха Сайдашева, Баки Урманче и других подвижников татарского художественного творчества.

Джадидское движение, охватившее все стороны жизни татарского народа, стремительный рост самосознания обусловили активную борьбу мусульман России за гражданские права, способствовали органичному их взаимодействию с основными политическими силами империи. Несмотря на серьезные идеологические противоречия в самой мусульманской среде по поводу социально-культурных преобразований и путей дальнейшего развития нации, татарской элите удалось провести три общероссийских мусульманских съезда в 1905–1906 гг. Их решения определили единый курс на достижение национально-культурной автономии, что стало первым серьезным шагом к самоопределению народа.

Логическим итогом джадидских реформ стало образование в 1920 году Татарской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР), появлению которой предшествовала многолетняя многогранная деятельность национальной интеллигенции, предпринимательства, духовенства, выразившаяся в проекте штата Идель-Урал, Татаро-Башкирской республики.

Возникновение ТАССР, отражавшее стремление к национальному самоопределению, в то же время стало важным шагом в формировании и развитии федеративных отношений в рамках России.

Образ Японии в восприятии татар начала XX века

В статье рассматриваются представления татар о Японии и Дальнем Востоке до 1920-х годов. Для исследования привлечены различные источники: художественные произведения, публицистика, фольклор, мемуары. Статьи о Японии в начале XX века публиковались в татарских периодических изданиях, образ передовой восточной страны фигурировал в научных и художественных текстах. Основными проводниками информации стали мигранты, участники русско-японской войны, путешественники, предприниматели. В условиях буржуазных преобразований Япония служила для татарского народа примером умелого сочетания западных новаций и национальных традиций.

Ключевые слова: Япония, реформы Мейдзи, татары, модернизация, джадидизм, русско-японская война.

Татарский народ долгие столетия живет в центре Евразии, поэтому на протяжении всей своей истории он испытывал на себе воздействие то Востока, то Запада. Интересно, что еще в языческую пору у татар (вернее, их предков – древних тюрков) каменные памятники-идолы всегда были обращены лицом на восход. Поэтому и молились древние тюрки, обращаясь лицом к востоку. По замечанию ученого Гали Рахима, на древнетюркском языке слово «вперед» означало «на восток». Он же писал о том, что «Восток у древних считался страной и передовой, и священной» [4, с.180]. Тут надо заметить, что о передовых достижениях Востока ученый-фольклорист писал в 1920-е годы, и здесь угадывается дореволюционный дискурс татарских интеллектуалов той поры. Гали Рахим родился в 1892 году в казанской купеческой семье и был типичным представителем джадидской молодежи. Это биографическое замечание необходимо нам для того, чтобы расшифровать восприятие «передового Востока» (ассоциируемого, прежде всего, с Японией) татарской общественностью начала XX столетия.

Вторая половина XIX века для российского общества стала временем динамичных изменений в самых разных сферах жизни. Развитие рыночных отношений, появление новых форм общественных

органов управления, уменьшение роли сословий, выделение социально-профессиональных групп, рост публицистической активности свидетельствовал о появлении прообраза гражданского общества. Кроме того, пореформенное время было связано с переменами в традиционном мировоззрении, с рационализацией поведения людей. Все эти тенденции нашли свое отражение и в жизни татар-мусульман Российской империи и дали мощный импульс развитию татарской культуры в указанный период. Например, литературоведами начало XX столетия именуется как «золотой век» татарской словесности [6, с.164]. Однако расцвету художественной литературы предшествовали и важные социокультурные преобразования, вроде открытия на рубеже XIX–XX веков новометодных мусульманских училищ, благотворительных обществ, книгоиздательской деятельности.

В этот период продолжалась интеграция мусульман в общеимперское социально-правовое, экономическое и культурное пространство. С одной стороны, это было результатом наступившей буржуазной эпохи, с другой – связано с желанием сохранить религиозные устои общества. Как инородцы, татары на протяжении всей истории Российской империи в разной степени становились объектом ассимиляционной политики государства. В XIX веке наблюдались более завуалированные попытки русификации: открытие специальных инородческих школ, русских классов при конфессиональных училищах, выпуск православной литературы на татарском языке и т.д. На таком фоне и возникли идеи о реформации исламского образа жизни, для того чтобы он больше соответствовал требованиям времени и тем самым смог противостоять внешнему натиску. В конце XIX – начале XX века обозначались два лагеря – кадимисты (консерваторы) и джадиды (реформаторы). Они постоянно полемизировали между собой. Первые ратовали за традиционные устои общества, вторые приветствовали европейские веяния, все чаще появлявшиеся в татарской повседневности. В джадидских новометодных медресе применялся звуковой метод обучения, в учебной программе, помимо религиозных предметов, появилось значительное количество светских дисциплин. Поначалу реформация охватила лишь учебные заведения, но постепенно она проникла и в другие сферы жизнедеятельности.

Повышение общей грамотности населения способствовало тому, что среди татар в начале XX века наблюдался издательский бум, появилось множество периодических изданий на татарском языке.

Посредством книг, особенно газет и журналов, налаживались контакты между различными регионами, где компактно проживали татары. Вопросам образования придавалось огромное значение в татарской прессе. В каждом номере газеты или журнала встречалась статья, поднимающая проблемы образования мусульман, именно с просвещением связывалась возможность развития и национального прогресса. Кстати, термин «прогресс» стал одним из самых часто употребляемых в начале XX века. Это слово то и дело появлялось на страницах периодических изданий и в литературных произведениях. Даже в сводках жандармских органов джадидов (реформаторов) называли мусульманскими прогрессистами.

Как примеры прогресса и высокой культуры в татарских образованных кругах рассматривались различные страны мира: как европейские державы, так и Османская империя. Это государство еще с конца XIX века являлось главным импортером западных нововведений для российских мусульман. Основными факторами привлекательности данного варианта западной продукции являлось единство религии с посредником (турками, арабами), отсутствие языкового барьера (многие выпускники татарских медресе владели турецким и арабским языками).

В начале XX века татары начали проявлять особый интерес и к русской культуре. Знание русского языка, знакомство с русской художественной и научной литературой рассматривалось как некий форпост на пути к западным новациям. Таким образом, складывалось новое понимание культуры и образованности как неотделимой частички западной цивилизации.

Помимо Османской империи и европейских стран, еще одним примером для подражания стала Япония, которая с конца XIX века совершила колоссальный рывок вперед, сделав упор, в основном, на науку и технику. Реформы императора Муцухито Мейдзи были созвучны с идеологией татарских джадидов. Он тоже говорил об открытом диалоге с мировой культурой, но в то же время ставил во главу угла единство и успешность японской нации. Реформы эпохи Мейдзи, как и джадидские преобразования, имели охранительное значение. Буржуазные перемены практически не коснулись японского традиционализма, в виде основ духовной культуры, политической системы, частного уклада жизни [16, с.316–317].

О переменах, охвативших далекую азиатскую страну, вскоре стало известно и узкому кругу татарских интеллектуалов. Например, популярный драматург Галиаскар Камал в пьесе «Өч бәдбәхет» («Три подлеца»), написанной в 1899 году, одному из героев дал следующую реплику: «Еще десять лет назад никто ничего не знал о японцах. А теперь японцы за счет просвещения сами что-то создают и конкурируют с самой Европой, везде их торговцы. И нам, мусульманам, надо просвещаться и научиться делать что-то самим». К этому времени в татарском обществе уже наметились определенные изменения, и на этом фоне рассказы об успехах Японии, еще недавно жившей традиционными представлениями, безусловно, оказывали сильнейшее воздействие и вселяли надежду.

Япония и Дальний Восток заняли определенную нишу в бытовом сознании благодаря усилению миграционных потоков в эти края. Первые переселенцы-татары появились на территории Китая в 1830-х годах. Среди них много было выходцев из Центральной России и Поволжья. Мусульмане оставляли свои родные места, в основном, из-за нежелания служить в царской армии [7, с.129]. До военной реформы 1874 года армейская служба длилась 25 лет. Наряду с этим предприимчивых татар привлекали и новые возможности для развития торгового дела. Например, в 1851 году Китай и Россия заключили соглашение, согласно которому в Кульдже и Тарбагатае отменялись торговые пошлины для российских подданных. Поэтому уже в 1860-х годах особенно много татарских эмигрантов проживало в Кульдже, большая часть семей была занята в сфере торговли [13, с.53–54].

На рубеже XIX–XX веков, в связи со строительством Китайско-восточной железной дороги, татары-мигранты начали заселять территорию Маньчжурии. Они работали на лесоповалах, участвовали в строительстве железной дороги, позднее стали активно развивать инфраструктуру новых станций: содержали торговые лавки, пункты общественного питания. В Харбине к 1904 году сложилась официальная мусульманская община города [1, с.22–24]. Очевидно, что о Китае и пограничной Японии некоторые татары узнавали из рассказов и писем уехавших за лучшей долей на Дальний Восток родственников и знакомых.

Но большинство жителей Российской империи о Японии узнали, главным образом, после русско-японской войны 1904–1905 годов. Например, в татарском фольклоре сохранились различные вариации

баитов (народных песен) о русско-японской войне. Все они повествуют о тяжелой доле солдата, призванного на фронт. Несмотря на использование известных шаблонов в создании таких песен, в некоторых упоминаются различные географические названия: Порт-Артур, Ляоян, Ялу, Мукден, Сеул, Харбин. В баитах обычно присутствует образная оценка врага как источника войны («япон дигэн йезе кара харап итте безлэрне» – «погубил нас японец с черным лицом»). Лишь иногда встречаются выражения, связанные с одеждой, пищей и жилищем японцев [10, с.50–73]. Но эти образы были нужны лишь для художественного усиления описания положения самого солдата. Поэтому данные сведения, как правило, далеки от реальности. В целом в народном сознании образ Японии и японцев был довольно размытым.

Хотя военный поход, в том числе пребывание в японском плену, не могли остаться незамеченными. В единичных случаях личное общение с представителями другой культуры имело и продолжение. Так, один татарский солдат, призванный на фронт из Буинского уезда Симбирской губернии, вернулся на родину с женой-японкой. Они жили в той же губернии в татарской деревне, и сегодня в Казани проживают потомки этой семейной пары. Безусловно, такие моменты влияли на общественное сознание.

В начале трагических событий «военные в запасе, несчастные, во второй раз оторванные от дома и детей, даже приблизительно не знали, где разразилась эта война и кто такие японцы, и, в этом полном неведении попав под первый же огонь японцев, пали на корейских и маньчжурских просторах – уснули вечным сном», – писал поэт Г.Тукай. В своей газетной статье 1906 года он сравнил Японию со «львом» – животным, которое традиционно считается в татарской литературной традиции «царем всех зверей». Литератор сокрушался над самонадеянностью российских правителей, которые посмели вступить в военный конфликт с таким сильным государством [12, с.89, 94].

Задаваясь вопросом, в чем секрет японского чуда, многие татарские интеллектуалы сходились на том, что все дело в просвещении и старательности (исполнительности) [8, с.87]. Известный казанский богослов Галимджан Баруди в своей статье, опубликованной в 1908 году в журнале «Әд-дин вә эль-эдәп» («Религия и нравственность»), тоже обращает внимание на вопросы просвещения. Он сопоставил количество учащихся и учителей в Японии, проанализировал число

учебных заведений и библиотек и пришел к выводу о том, что данная страна уступает лишь США и Великобритании. Помимо технического прогресса Галимджан хазрат особо подчеркивал политическую зрелость японцев. «В этой связи нечего удивляться высокому уровню их политического правления и условий жизни, – писал он. – Такой уровень прогресса, кажущийся необычным, зиждется, в конечном счете, на просвещении и воспитании и плюс на природной их склонности к старательному и честному труду» [15, с.154].

До русско-японской войны 1904–1905 годов ничего не знал о Японии и известный общественно-политический деятель, журналист Габдурашид Ибрагимов. На него оказало сильное воздействие победа Японии в войне, и после этого у него возникло желание изучить эту страну изнутри. Впоследствии Г.Ибрагимов сыграл особую роль в популяризации Японии среди татар. Впервые он посетил Японию в 1909 году, где прожил почти полгода. За это время успел посетить множество населенных пунктов, культурные и социальные учреждения, принял участие в публичных мероприятиях, встретился с разными людьми (его интересовали как простые крестьяне, так и ученые, высокопоставленные чиновники и другие деятели). Для того чтобы лучше понять внутреннюю жизнь Японии, татарский интеллектуал начал даже изучать японский язык. Его больше всего восхищал «национальный дух» японского народа, умелое сочетание западных новаций с японскими традициями [14, с.369–373]. Путевые заметки Г.Ибрагимова о Японии публиковались в казанской газете «Баян-эл-хак» («Изложение истины»). Как известно, неутомимый общественный деятель, приверженец панисламистских идей Г.Ибрагимов позднее эмигрировал в Японию и прожил там последние годы своей жизни с 1933 по 1944 год. Примечательно, что сын Г.Ибрагимова – Ахметмунир Ибрагимов в 1913 году поступил в один из частных университетов в Японии [9, с.362].

Об интересе к Японии со стороны татарской общественности 1910-х годов свидетельствуют и публикации, принадлежащие перу других авторов. Например, в 1915 году на страницах оренбургского журнала «Шура» выходила серия статей «Экскурсия в Японию» Салихжана Урманова [5, с.77–78]. По данным историка Р.Амирханова, в начале XX века некоторые татары вели свои торговые дела в Токио. В числе таких предпринимателей он называл И.Аптюшева [3, с.105]. Таким образом, накануне 1917 года представления о Японии у

некоторых татар становились все более осязаемыми. Очевидно, распространение фотографии и развитие книжного дела, появление изданий с иллюстрациями помогли визуальному представлению далекой Японии среди широких слоев населения. Например, в произведении «Осенний рассказ» еще юный Гали Рахим главную героиню – татарскую девушку Гаухар сравнил с «прекрасной японкой». Рассказ был написан им в 1918 году [11, с.300].

Интересно, что Япония продолжала фигурировать в художественных и научных текстах татарских интеллектуалов и в советское время. Например, комедия Тази Гиззата «Мактаулы заман» («Славная эпоха»), опубликованная в 1936 году, начинается с монолога одного из героев пьесы о Японии. Конечно, в свете тогдашней политической ситуации страна восходящего солнца представлена как империалистический агрессор. Между тем включение в реплику героя пьесы рассказа именно о Японии представляется неслучайным. Тази Гиззат как литератор состоялся благодаря культурному наследию дореволюционной поры. Ученый-тюрколог Гибадулла Алпаров в конце 1920-х годов в полемике о латинизации татарского алфавита приводил в пример Японию с ее иероглифами. Он был противником латинизации и настаивал на сохранении арабской графики. В одной из своих публикаций ученый заметил, что некоторыми татарами латиница воспринимается как символ западной цивилизации, а потому с переходом к новому письму они связывают и надежды по быстрой модернизации татарской культуры. Алпаров считал это большой глупостью и призывал обратить внимание на Японию, где сложнейшие иероглифы японского алфавита не стали препятствием в развитии культуры, и основанием послужила мощная экономическая база [2, с.57].

Трансформацию традиционного татарского общества невозможно представить без влияния других культур. В условиях буржуазных преобразований для татарского народа в начале XX века прекрасным примером умелого сочетания западных новаций и национальных традиций служила Япония. Помимо своей запоздалой модернизации, татары и японцы имели и некоторые схожие черты. Например, татарский народ привык противопоставлять себя западному миру и идентифицировать себя в большей степени с Востоком, Азией. Это было обусловлено и историческими корнями (наследники гуннов, древних тюрков и других восточных народов), так и религией (мусульмане традиционно ассоциировались с Востоком).

Открытие культуры страны восходящего солнца для широких слоев татарского населения началось после 1905 года. Различные публикации в прессе, личные поездки некоторых деятелей помогли сформировать положительный образ страны. Оказавшиеся позднее в Японии белые эмигранты из числа татар подтверждали это мнение, подчеркивая импонирующие им «мусульманские черты характера» японцев: скромность, доброжелательность и трудолюбие [1, с.169]. Татарское население советской России в силу сложившихся политических обстоятельств к 1930-м годам постепенно изменило свое отношение к Японии, воспринимая ее уже не как образец для подражания, а скорее как империалистического агрессора. Но это уже сюжет для другого исторического исследования.

Литература

1. Адутов Р. Татаро-башкирская эмиграция в Японии. – Набережные Челны: Набережночелнинский госпединститут, 2006. – 234 с.
2. Алпаров Г.Х. Сайланма хезмәтләр. Фонетика, графика, орфография мәсьәләләре. – Казан: Мәгариф, 2008. – 287 б.
3. Амирханов Р. Татарский народ и Татарстан в начале XX века. – Казань: Татар. книжн. изд-во, 2005. – 152 с.
4. Габдрафикова Л.Р. «Древние тюрки говорили «вперед», обозначая этим «на Восток» (Фрагменты из лекций Г.Рахима «Фольклор казанских татар») // Эхо веков – Гасырлар авазы. – 2012. – №3/4. – С.177–185.
5. Госманов М.Г., Мәрданов Р.Ф. «Шура» журналының библиографик күрсәткече. – Казан: «Милли китап» нәшрияты, 2000. – 264 б.
6. История татар с древнейших времен в семи томах. Т.VII. – Казань, 2013. – 1008 с.
7. Мы из Китая. Сборник воспоминаний. – Алматы: КИЦ «АВС», 1999. – 164 с.
8. Нуруллин И. Тукай. – М.: Молодая гвардия, 1977. – 236 с.
9. Рәми И., Даутов Р. Әдәби сүзлек (элекке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәлек). – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 399 б.
10. Татар халык ижаты. Бәетләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. – 350 б.
11. Татар хикәяләре. XX гасыр башы. – Казан: Мәгариф, 2007. – 400 б.
12. Тукай Г. Избранное. – Казань: Магариф, 2008. – 223 с.

13. Хамамото М. Связующая роль татарских купцов Волго-Уральского региона в Центральной Евразии: звено «Шелкового пути Нового времени» (вторая половина XVIII – XIX в.) // Волго-Уральский регион в имперском пространстве XVIII–XX вв. – М.: Восточная литература, 2011. – С.39–58.

14. Хисао К. Мусульманские интеллектуалы в Японии. Панисламистский посредник Габдерашит Ибрагим (Ибрагимов) // Габдерәшит Ибраһим: фәнни-биографик жыентык. – Казан: Жыен, 2011. – С.365–387.

15. Юсупов М. Галимджан Баруди. – Казань: Татар. книжн. изд-во, 2003. – 224 с.

16. Яковлев А.И. Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX–XX веках. – М.: Ленанад, 2010. – 504 с.

Noriyuki Kakuda

Origin of Japanese ancient iron production: Comparison of history of iron production in Japan and Korea¹

Judging from the archaeological sites of ancient iron production, the earliest iron making in the main island of Japan can be traced back to the late 6th century, late *Kofun* (“burial mounds”) period. In this period, iron was produced in the *Kibi* region, the area located in Okayama prefecture and the eastern part of Hiroshima prefecture. There are ancient iron production remains in Fukuoka, Shimane, Hyogo, Kyoto, and Shiga prefectures. This indicates that the iron making technique became widespread in a relatively early stage. At first, iron ore was used as the source material in the *Kibi* region, soon the use of iron sand became popular. The fact that iron sand smelting began in the late 6th century is confirmed.

Furnaces used in the late *Kofun* period had a plane part, and the shape of the plane part was either circular or square-shaped with round corners. The both sides of the furnace had four to six blowing holes in total lined up. Because of those plural holes on the furnace wall, the structure was suitable for smelting iron sand, which has smaller particles and lower air permeability than iron ore. The external appearance of the furnace which had relatively tall cylindrical shape with a small bottom area gave a different impression from the box-shaped furnace of *Tatara-buki*, *Tatara* ironworking method. However, it follows from the fact that the basic structure of both furnaces share commonalities such as blowing holes on the both walls and self-standing structure, that the cylindrical furnace in the late *Kofun* period can be said to be the initial form of the box-shaped furnace.

In the 16th and 17th centuries, the cylindrical furnaces were developed. The length of its furnace was extended to increase its capacity and the shape became box-shaped with a rectangular plane part. In Okayama prefecture, which was the center of ancient iron production, a small size box shaped furnace whose size is approximately 60~80 cm long and 40 cm wide was employed. Iron sand smelting with a box-shaped furnace,

¹ The theses of the paper presented on the panel of international conference in Matsue.

which is the basic characteristics of Tatara ironworking method, was established at this point.

On the origin of iron production with a box-shaped furnace in the main island of Japan, one view considers that a smelting technique was developed in Korean peninsula and was introduced to Japan, and the other view considers that an ore smelting technique was brought to Japan from Korean peninsula and was devised in the main island of Japan in order to make it more effective.

The former is the opinion based on the research findings obtained by the investigation of A-4 furnace at Chung cheong buk-do Seokjang-ri site, which is famous for an archaeological site of ancient iron production in the Three Kingdom's period. This furnace is considered to be the prototype of the Japanese box-shaped furnace. However, there are issues to solve. For example, there are differences between A-4 furnace and the Japanese box-shaped furnace. Furnace wall with blowing holes, which is the distinctive features of a box-shaped furnace, have not been found in A-4 furnaces. Since box-shaped furnaces and sings of iron sand smelting have not been found at archaeological iron making sites dating to Three Kingdoms period, it is difficult to locate the direct origin of the Japanese box-shaped furnaces in the Korean peninsula.

If we had to draw a conclusion on the origin of Japanese box-shaped furnaces at this stage, it would be the one found at Gyeong sang nam-do Sachon site. It is best described as a ground type vertical furnace, which is one of the circular furnaces in Three Kingdoms period. This is because there are other factors suggest the relation between Japanese box-shaped furnaces and Korean furnaces such as the fact that self-standing cylindrical furnaces existed in Japan in the late *Kofun* period, and ore smelting was used and the remains of charcoal furnaces with side doors are concentrated in the *Kibi* region, where many remains from this period are located. However, there are, in fact, differences in a ventilation system and a slag removing method and the research material is not sufficient to trace the origin of iron smelting of both areas and to argue about the relationships between them.

It is considered that early iron production in Japanese islands started with the influence of a ground type vertical furnace in Three Kingdoms period. However, the insufficiency of iron ore in the area compared to the Korean peninsula led to its unique development with the use of iron sand. In the Korean peninsula, only iron ore was used as the source material and a vertical furnace with one large blasting tube installed was enough to

smelt. On the other hand, iron sand, which was the main source material for smelting, had homogeneous coarse granularity. Because of this, it was difficult to raise smelting temperature by circulating with only one large blasting tube. Accordingly, the self-standing cylindrical furnace with small plural blowing holes on the both long side walls is believed to have come into existence and to have developed into the box-shaped furnace.

It can be said that the box-shaped furnace was created in order to make iron sand smelting more efficient. Since there was no furnaces that beard a physical resemblance to it in Three Kingdoms period in Korea, the furnace is believed to have been created as a result of the technical improvement added to a ground type vertical furnace. *Tatara-buki*, Tatara ironworking method, is the completed form of its iron smelting, and it can be said that it is an extremely uniquely developed ironmaking method even in the East Asia.

Какуда Норюки

Генеалогия производства железа древней Японии: сравнительное исследование истории японо-корейского производства железа²

Начало производства железа на японских островах, судя по руинам мест производства, – время поздней древности, эпохи Кофун, вторая половина VI века. В это время производство железа появилось и в основном сконцентрировалось в районе префектуры Окаяма и восточной части префектуры Хиросима (регион Кибидзи), с одной стороны, и в префектурах Фукуока, Симанэ, Хьюго, Киото, Сига, с другой, где также распространены руинные остатки производства. Таким образом, можно сказать, что технология производства железа распространялась по древней Японии довольно быстро. В качестве сырья для производства сначала использовалась железная руда (железняк), но вскоре, к концу второй половины VI века, стал использоваться железный песок (специально раздробленный железняк).

Плавильные печи последнего периода эпохи Кофун были плоской, круглой или полукруглой формы. Для той и другой формы делали ряд из 4–6 шпуров (цилиндрическая горная выработка диаметром до 75 мм и глубиной до 5 м, образуемая в результате бурения – *Л.У.*). Несколько шпуров, создающих стенку печи, – это конструкция, наиболее подходящая для эффективной плавки железного песка за счет мелкой вентиляционности его частиц по сравнению с железной рудой. Высота печи проявляется как высо-

² Перевод с японского языка Л.Р.Усмановой.

ко-цилиндрическая форма по отношению к площади основания печи, таким образом, плавильная печь принимает отличную от прежней форму.

Однако обе стороны печи, имея множество шпуров, одинаковы по основной структуре в носящей основе, и именно поэтому можно говорить, что цилиндрическая форма последнего периода эпохи Кофун является основной формой печной коробки. Цилиндрическая печь периода VII–VIII веков, с увеличенной длиной плавильной камеры, способствовала увеличению внутреннего объема печи. Плоская форма за счет удлинения и представляет собой коробку печи.

Металлургия периода Кофун, которая концентрировалась в префектуре Окаяма, представлена печными коробками малой формы: длина 60–80 см, ширина 40 см.

Основной особенностью металлургического способа «татара» является то, что в печи плавил железнорудный песок.

Если исходить из того, что генеалогия японской металлургии произошла от технологий плавки и формы печи, созданной и пришедшей с корейского полуострова, то можно предположить, что на корейском полуострове преобладала технология плавки руды, а на японских островах смогли эффективно плавить железный песок.

Если учесть результаты исследований печи А-№4 на руинах Тобарисато известного региона Чхунчхон-Пукто (Чусей Хокудо – *по-япон.*, Л.У.) периода Трех государств (Троецарствия), то форма печи в Японии была камерной. Однако печь А-№4 имеет отличие в том, что нельзя подтвердить особые стенки печи со шпурами в плавильной камере. С плавильной камерой остаются проблемы, которые необходимо решить.

На руинах металлургического производства до периода Троецарствия установить нахождение печи и плавильных камер невозможно. Нельзя не сказать о трудностях непосредственного отслеживания проникновения формы плавильной печи на японские острова с корейского полуострова.

На сегодняшний день, если принять за основу японской формы плавильную камеру, то следует говорить и о надземной вертикально-стоящей форме печи круглой формы периода Троецарствия, как это представлено на руинах деревни Гионгнам Сун-мура. То есть металлургические печи периода конца эпохи Кофун имеют цилиндрическую форму. И этим подтверждается существование независимо стоящей на земле цилиндрической печи. В районе Киби, в котором сконцентрированы руины этого периода, проводилась плавка железной руды на широко распространенных здесь горизонтально открытых месторождениях. Этот факт подтверждает отношения с другими корейскими плавильными печами. Однако этот метод отличается от метода выдувания и метода освобождения от шлака, и для того чтобы утверждать генеалогию между двумя странами, неоспоримо ощущается нехватка подтверждающих материалов.

Думается, что металлургическое производство на японских островах началось под влиянием заимствованной печи вертикально стоящей на земле формы периода Троецарствия. Однако, так как на японских островах наличествует сравнительно малое количество месторождений железной руды, металлургическое развитие пришло к особому способу плавки из-за перехода на сырье в виде железнорудного песка. На корейском полуострове осуществлялось производство только железной руды, поэтому его было достаточно для выплавки стали в печах, лишь установив одну большую трубу воздухоудвки в вертикальной печи. В отличие от этого, в Японии основным металлургическим сырьем стал железнорудный песок, элементы которого были мелки и однородны, и так как было трудно увеличить температуру подачей воздуха в сопло лишь одной трубы. Можно предположить, что именно поэтому в камерной печи были разработаны и установлены множественные независимые отверстия по длине цилиндрической части для дополнительного поддува.

Камерная печь была сравнительно эффективна для плавки металла. Поэтому нет серьезного отличия ее от печи периода Троецарствия. Но в результате развития технологии вертикально стоящей печи в Японии была создана улучшенная камера плавильной печи. Технология поддува «татара» придала законченный вид этой камере, и можно сказать, что в Восточной Азии метод плавки железнорудного песка имеет выраженные особенности.

**Metal Mining and Metalworking in Mediaeval Crimea
and among the Crimean Tatars:
A Historical and Archaeological Commentary¹**

The problems of metal mining and metalworking in the Crimea during the Middle Ages have not yet been solved by the scholarship, particularly because of the lack of scholarly interest to this occupation of mediæval peoples inhabiting the Crimea. There is also need to mention that not all the archaeological materials discovered have been published. The forges and bloomeries unearthed by excavations remain either unpublished or simply mentioned in generalizing studies. However, the history of metal mining and metalworking in the Crimean Peninsula started in the period which is called in archaeology as the Early Iron Age, which is the ninth to third centuries BC. In this period, the steppes of the Crimea and the area adjacent to the peninsula were successively inhabited by such peoples as the Cimmerians, Scythians, and Sarmatians. In the mountainous part of the Crimea there lived the Taurians, who produced local Kizil-Koba archaeological culture. The Hellenes established their colonies in the coastal area. One way or another, all these populations knew and used ironware, partly mined and processed locally. Among the oldest Crimean sites probably related to metalworking is the metallurgical complex at Uch-Bash settlement in the south-western of the peninsula, discovered by the team Evelina Kravchenko of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. The excavator relates this complex to the Kizil-Koba archaeological culture, which is usually connected in scholarship with the Taurians of Greco-Roman sources. There are traces of metal production and metalworking at the Late Scythian settlements in the Crimea. According to Yurii Zaitsev's oral information, there are fragments related to metallurgy, namely of a blast pipe and a bloom, excavated at the fortified settlement of Ak-Kaia in the Belogorsk administrative area and at Scythian Neapolis located at place of the modern city of Simferopol. Igor' Khrapunov's research discovered a blacksmith's grave in the cemetery of Druzhnoe, which belonged to Sarmatian-Alanic popu-

¹ The theses of the paper presented on the panel of international conference in Matsue.

lation. Unsurprisingly, the materials of Greco-Roman cities, towns, and villages in the Crimea supply a great number of artefacts related to the iron production in the period of antiquity.

First Turkic tribes appeared in the Crimea in the Great Migration period. According to some researches, they were the Huns, related to the tribes of Xiongnu roaming in the Chinese frontier, who started their migration to the West in 155 to 160 AD. These nomads used ironware and could new ways and techniques of iron mining and metalworking. Moreover, Rashid ad-Din informs that Turkic tribes produced iron two thousand years before Genghis Khan. Therefore, we can relate this account to the Huns as well. Unfortunately, the specificity of nomadic life and the low level of knowledge of the material culture of the Crimean Huns prevent us from getting deep into the problem of metalworking among these tribes. It is also important to note that the Hunnic expansion into the Crimea started from the Kerch Peninsula, where the largest iron veins were located. The same can be said about all the following waves of nomads of mostly Turkic tribes. Although all these tribes knew ironware, no settlement with documented traces of iron making were discovered so far. The finds of metallurgical furnaces in some settlements from the Saltovo period, such as unpublished materials from the eighth century at the fortified settlement of Tepsen, might testify to metal production in the Crimea in the said period. The Khazars, who lived in the Crimea in the eighth and ninth century, inherited many Turkic traditions and customs. They also valued iron smelting and blacksmith's industry. Since they possessed Kerch and the Kerch Peninsula, which was rich in iron veins, we can suppose that the Khazars mined these ores. This is supported by the analysis of blooms, slag, and fragments of metal ware from Sarkel, despite no bloomers have been found in vicinity of Kerch so far.

As for the Pecheneg and Cuman tribes, written sources inform that these nomads produced ironware by themselves. For example, Giovanni da Pian del Carpine states that their men did nothing but arrows, though their wives produced all the daily life articles, such as fur coats, dresses, boots, sandals and other leather artefacts.

Our source also informs that: "*The heads of their arrows are exceedingly sharp... and they always carry a file in their quivers to whet their arrowheads*" (translated by Samuel Purchas).

Many small iron artefacts discovered in their graves, particularly horse bits, stirrups, buckles, knives, and fire-lighters, have stable forms and, therefore, were made by the nomads. Sabres were another invention

of the nomads, who, at least originally, hammered them by themselves. Later on, when settled peoples borrowed the idea of sabre, and their armourers started the production of sabre blades, the nomads got the possibility of purchasing sabres from their neighbours. Svetlana Pletneva, an expert in nomadic archaeology, considered that the nomads had their own manufacture of weapons, horse trappings, and other handicraft products. She supported this conclusion with the uniformity of forms, which simultaneously changed in various individual artefacts.

Among the interesting complexes from the twelfth to fourteenth century are the collections of metal ware from the fortified settlement of Bakla in the Bakhchisaray administrative area of the Republic of the Crimea. These materials have been published by V. Rudakov and A. Tsi-bul'nikova. Unfortunately, no remain of a metallurgical furnace or a blacksmith's shop have been found within the settlement area. Perhaps they were located outside the settlement walls. The finds from the area of this and other settlements include not only iron artefacts but also fragments of slag and blooms. According to the forms of the artefacts, the artisans of Bakla knew different ways and techniques of metalworking. Among the most important aspects is the origin of iron, especially since Bakla population was closely related with the nomadic cultures of the steppe. There are few known iron veins the Crimea, which were possibly mined in the Middle Ages. The veins near Balaklava contained a high degree of manganese, which was not typical of the Bakla ironware. The lack of inclusions in case of Bakla iron does not allow one to relate the origin of the raw materials with the Asia Minor, where ores contained a high degree of arsenic and manganese. The materials of the Bulgarian and Alanic population in the Don area contained inclusions of manganese and vanadium, also differing from the Bakla materials. Insufficient percentage of arsenic and phosphor does not allow one to relate the origin of the raw materials of the Bakla artefacts with the mines near Kerch. From the analysis of the metal of the Bakla ware, the researchers conclude that the metal was mined and worked in the same area, at least in two veins. The craftsmen of Bakla knew two ways of obtaining metal: first in crucibles, according to the method popular in mediaeval Crimea, and second in furnaces, as the find of a two-horned bloom suggested. By the way, the blooms from the nearby Byzantine city of Cherson are of another form, therefore the find of the two-horned bloom in Bakla testifies to the local manufacture. Unfortunately, at this stage of research it is not possible to

discuss the shape of furnaces and the specificity of metal-production at Bakla.

In the period of the Golden Horde and, later, Crimean Khanate dominance in the Crimean peninsula, the materials on iron making and iron working are still rare. In comparison with rich culture and advanced level of handicraft manufacture in the Golden Horde towns in the Volga area, and particularly the development of metal industry there, strange enough is that synchronous Crimean culture did not have large metallurgical complexes or large-scale iron ore mines. The list of raw materials imported to Genoa's Crimean colony of Caffa shows, in the first lines, iron, particularly semi-finished products like bunches, rods, and sheets. Controlled by the states, these imports from Western European countries were prohibited to non-Christian polities. Therefore, most of this iron was processed in Caffa, thence ready-made artefacts were delivered to the Tatars.

Nonetheless, there is information in possession on different industries in the Golden Horde, particularly iron-making and ironworking. For this case, especially demonstrative are metallurgical complexes in Bolgar from both pre-Mongol and Golden Horde periods. The metallurgical furnaces drastically changed in the late thirteenth and first half of the fourteenth century. Their sizes tended to increase perhaps due to the growing demand on black metals. Iron was used in making of various daily life artefacts, particularly tools and weapons. Cast iron making developed to a considerable extent. Technological analysis of Golden Horde blades allows the researchers to underline their high quality and to state that the sabres were made of "Damascus steel."

Therefore, despite iron forges from the Golden Horde period are still not known in the Crimea, there are some traces of iron making in such forges. From the parallels with furnaces at Golden Horde centres such as Bolgar, Tsarevskoe, or Vodianskoe, we can reconstruct iron forges in the Crimean centres in the same period.

The metal mining and metalworking probably existed also in the age of the Crimean Khanate, a cultural, social, economical, and state descendant from the Golden Horde, but the lack of archaeological materials and scholarship on the material culture of the Khanate does not allow a deeper research of the questions addressed by this paper. Contemporary travellers mentioned that blacksmith's industry in the Late Mediaeval Crimea was the occupation of the Gypsies. In the Crimean Khanate, the Gypsies were a particular Turkic-speaking ethnic group called "çingene." Most likely, the mining of iron ore and other metals was controlled by the state. Polish

diplomat Martin Broniovius (Marcin Broniewski) in his description of the Crimean Khanate informs that: “*from the South and East, it [Crimea – E.S.] is mountainous and woody, and has everywhere marvellous high, large, stony mountains. In which, between Cremum [Krym – E.S.] and Capha, it is reported that veins of gold and silver, and the best iron, were whilom found by the inhabitants*” (translated by Samuel Purchas, p. 636).

Peter-Simon Pallas, who created a description of the Crimean Peninsula in the early nineteenth century for Czar Alexander I, also mentions numerous deposits of iron ore.

Since the ethnographic displays of the Crimean museums, such as the khan’s palace in Bakhchisarai, contain the so-called blacksmith’s bellows, we may conclude that the Crimean Tatars used bloomeries and bellows for blowing air in metalworking during the Middle Ages and in later period. Although these bellows were used when making metal ware, they might also be applied for smelting iron of ore in bloomeries. It is especially interesting since the Crimean Tatars are descended from all Turkic tribes that lived in the Crimea in different periods. Unfortunately, traditional Crimean Tatar industries do not survive due to the tragedy of the deportation. However, today these industries are under renovation, which goes slowly, using historical, archaeological, and ethnographical data. The renovation of the traditions of iron making and iron working is still far from the end, also because of insufficient results of scientific research.

As it has already been mentioned in this paper several times, the topic under study is poorly analysed, first of all since the iron-mining and iron-working form a complicated research task, which is, therefore, not so popular. However, the perspectives of research in this direction would discover many aspects of cultural and economical interrelations of Eurasian peoples in the Mediaeval period.

**Preserving of mother tongue, religious
and cultural identity of Tatar migrants
(as an example the Tatar community in Finland)**

The Tatars arrived over a hundred years ago and were the first Muslim immigrants to Finland. This Muslim minority presently has about 700 members. The Tatars have preserved very well their own religion and culture; the fifth generation is still using the Tatar language. At the same time, the Tatar minority has adjusted well to the larger society with no problems due to their ethnicity. They have a double-identity: they follow their own traditions at home and the Finnish way of life outside. To preserve their language, the Tatar congregation accepts only members who belong to this old minority and who speak the Tatar language. Only the midday and the Friday prayers in the mosque are open to any Muslims. The Tatar families' financial situation has been fairly good ever since the migration. Also the wealthy congregations has been able to arrange and offer range of common activities for their members. The families typically meet in conjunction with various religious and cultural events which preserve old traditions and transfer them to the younger generations. Additionally, the congregation has afford to maintain instructions of the religion and mother tongue, the kindergartens, language trainings, public lectures, summer courses, and private literary activities to their members. Despite the present vitality, the future of the Tatar culture in Finland may be endangered; the community grows smaller, the members grow older, and as a result of mixed marriages. However, the community is very well organized: it has a strong administration and good incomes to keep activities going on also in the future.

Keywords: Finland, Tatar, Finnish Turks, Mishär, Muslim, double-identity, preserving the language.

The Tatar Community in Finland

The Tatar community in Finland emerged already at the end of the nineteenth century, when a number of Tatar merchants arrived from Russia, mainly from the rural villages of Sergachsky District in the Oblast of Nizhny Novgorod. At the time, the Grand Duchy of Finland was part of the Russian Empire, which meant that there were no barriers to Tatars extending their trade from Russia to Finland. They were pedlars to begin with, gradually turning their trade into a permanent all year business. These merchants of textiles, clothing and furs with their families first settled

down in the largest commercial centres, that is, in Helsinki, Turku, Tampere, Vaasa and Kemi. Almost all Tatars were merchants as late as the 1940s, but the range of occupations is now as wide as among the other Finns. Although the Mishār Tatars were the first permanent Muslim immigrants in Finland, already in the beginning of the nineteenth century many Muslim soldiers in the Russian army had lived in the country. These Muslims, however, moved back to Russia. There was also an imam in Helsinki who operated as a spiritual guide for Muslim soldiers, many of them were Tatars. Due to their long presence in Finland, Tatars are today considered not as immigrants but rather as a traditional minority. The Tatars have very well adjusted in the larger society with no problems due to their ethnicity. At the same time they have preserved their own religion and culture so well that the fifth generation is still using Tatar language among their community.

Congregation

The Tatar community is extremely well organized with respect to both religion and culture. After independence in 1917, once the Finnish Parliament had legislated for freedom of religion in 1922, the Tatars founded the Mohammedan Congregation of Finland in 1925, with 528 members at the time. The order of the Congregation is explicated in the list of the basic tenets of Islamic doctrine and practise. These consist of ten principles, of which the first five are generally associated with the Islamic faith, whereas the latter five express the concerns of Finnish Muslims at the time. They emphasize the good will towards others and respect for all religions and people and portray Tatars as law-abiding citizens who want to put themselves to the service of the general welfare of society. The first translation of the Quran into the Finnish language was compiled already in 1942 and its aim was to give a balanced picture of Islam to the Finns. These ten principles are as follows:

1. Believing in One God and His Prophet Mohammad
2. Praying five times a day and officiating at a public religious service in the mosque every Friday.
3. Fasting once a year for one month.
4. Donating the fortieth part of one's property to the poor.
5. Making a pilgrimage to Mecca once in a lifetime, if one was a wealthy Mohammedan.
6. Respecting all religions.
7. Observing physical and spiritual purity.

8. Observing truth in everything.
9. Respecting fellow people and endeavouring to benefit society.
10. Wishing good to all people

During the following decades the institutional development of the Congregation was extended by the establishment of a primary school, as well as efforts to construct an independent House of Islam. A five story building in the centre of Helsinki was completed in 1961. Two of its upper floors now house a prayer room, festival hall and kitchen, kindergarten and school rooms, library and offices. The lower floors of the building are rented for use as offices. The permission to marry its own members was granted to the Congregation in 1932. The Tatars have had a cemetery in Helsinki since 1870. It was enlarged in the 1950s and is used only by the Congregation. In 1956 the Pro-Finlandia Memorial was erected for the honour of the Finnish Tatar soldiers who were killed in the Second World War. The congregation changed its name in 1963 to the Finnish Islamic Congregation (Finlandiya Islam Cemaati) and now includes around 600 members. A branch of this congregation was established in Tampere in 1943, with about a hundred members today. As such, the congregation has proved to be a source for a strong sense of unity among the members of the Tatar community. The congregation is also financially very secure because of the wealth accumulated over the years, and it has never had a need of financial support from the Finnish state.

The identity of the Finnish Tatars

The identity of the first generation of the Tatars in Finland was primarily based on Islam and the mother tongue. Although the congregations are grounded in religion they constitute a linguistic rather than a religious minority, as the members are required to know the Tatar language. The ethnic composition of this minority has not always been entirely homogeneous: in its early stages, the community had an influx of some Muslims from Central Asia who nevertheless adopted the Tatar language. Some Tatars called themselves “Finnish Turks”, with reference to their Turkic linguistic identity. The second generation were romantically drawn as a “Northern Turks” to the new independent and progressive Turkey. The congregation employed as late as the 1960s teachers/imams raised and educated in Turkey. They were Tatars by birth, but their linguistic identity was more or less Turkish. After the Russian Revolution 1917, several Tatar intellectuals and nationalist activists moved temporarily to Finland. Some of them acted for years as teachers and educators of the Tatars in

Helsinki. At the same time, Turkey was actively propagating the pan-Turkish cause, and the opposing tensions gave rise to two camps among the Tatar minority in Finland, with pan-Turks at the one end and nationalist Tatars at the other. The collective term of Finnish Turks gradually gave way to the name of Finnish Tatars in the 1990s. Much of this change was down to increased emigration from Turkey to Germany and from the ensuing problems. At this time also the Tatars of the former Soviet Union made their way to the general western consciousness. However, the old juxtaposition is still evident in the name of the cultural association of Finlandiya Türkleri Birliği, founded in 1935. This association of “Finnish Turks” popularly goes by name of FTB, because the T can stand for either Türkleri or Tatarları. Also the present “Tatar camp” has some light identity problems. Some Tatars identify themselves also as Mishärs while some prefer to be only Tatars. Some internal juxtapositions may remain, but the congregation’s Islamic way of life fits into the framework of the majority culture, and there are no conflicts between the Tatars and other Finns. It is justified to say that the Finnish Tatars have a double identity. They are Finns outside their homes, while at home they speak their own language and observe their own traditions. Since the end of the 1950s it became possible for Tatars to renew their contacts with their surviving relatives in the Soviet Union. Since the 1960s there has been an active cultural exchange between the Russian and Finnish Tatars, and some Finnish Tatars have turned especially towards Kazan in search of their roots.

Spoken language of The Finnish Tatars

The Mishär Tatar language used by the Tatar minority of Finland is closely related to the Kazan Tatar of Tatarstan, so much so that the languages are mutually intelligible. The more isolated Finnish variant of the language is more archaic, while Kazan Tatar has been much influenced by Russian. The spoken language of Finnish Tatars presents a number of variations in pronunciation. The older generation commonly speaks with an “authentic” Tatar accent – in “original speech sounds”, with hard and distinct vowels. For their part, the younger generations have more or less clearly adopted the accent, stress, speech sounds and loan words from the Finnish. Some loan words have been taken from the Turkish language, which has influenced the vowel sounds of common words. The impact of the cultural life of Tatarstan and its dominant language, Kazan Tatar, has gradually started to grow among the Finnish Tatars, who listen to Tatar music and watch Kazan TV, picking up local words and idioms and imi-

tating the pronunciation. Modern Tatar literature and press, however, tend to be sidelined, because Finnish Tatars are not familiar with the Cyrillic alphabet. Tatars use Finnish loan words often as a kind of slang. This is often down to sloppiness or because the speakers simply do not know the Tatar word. Comparisons of adjectives and the genitive constructions of nouns – and the use of cases in general – imitate the Finnish language. The word order has become free as in Finnish, and subordinate clauses – even if less frequently used as such – are entirely constructed according to the Finnish model. English loan words are equally common in both Mishär and Finnish languages, primarily originating from the use of computers, tablets and phones.

The literary activities of the Finnish Tatars

At the turn of the 19th and 20th century, it was the Volga Tatars among the Turkic peoples in Russia who published the most books, with thousands of titles. [2. p. 136]. In Finland we have a large Turcica collection, unique by Western standards, in the National Library of Finland thanks to the right and obligation of the University of Helsinki to obtain a copy of every publication printed in Russia for its collections. This collection contains a wealth of books published in Russia in several Turkic languages in 1828–1919. The data has been detailed in Handbook of Oriental collections in Finland. Manuscripts, xylographs, inscriptions, and Russian minority literature by Harry Halén [2. p. 136–267]. These works carry on the old traditions as a distinct branch of Tatar literature. This background makes it easy to appreciate the Tatar literature published by the Volga Tatars in Finland, too. To begin with, the Finnish Tatars made use of 19th-century books published in Kazan, including the Quran, Quranic commentaries, Hadith books, textbooks of religion, books of poetry and school books. They made facsimile prints in Finland for new readers, and the books were later used as templates for new literature to suit Finnish Tatar needs. In view of their relatively small population, the Finnish Tatars have a surprisingly rich literary heritage, which is manifested in a large number of publications in various fields, including religious instruction, musical and cultural education, as well as language teaching. The publications comprise both individual books and booklets and periodicals, used in community meetings, public lectures, summer courses, language training and private literary activities. The most intensive publishing period was between the 1930s and 1950s, but the activities continue to the present day. The most productive Tatar writers include Hasan Hamidulla (1900–

1988) [4. pp.7] and Sadri Hamid (1905–1987), who became writers because they wanted to do all they could to preserve the Tatar language and culture in Finland. Hamidulla and Hamid have gained a prominent place as historians, poets, journal editors and public educators within the Finnish Tatar community. Besides them, the Finnish Tatar community has also fostered other productive writers. By the year 1979 there were 157 publications written, published or printed by Finnish Tatars [3. pp. 3–26]. Presently, Tatar literature in Finland now lists more than 200 titles and are presented in the book compiled and edited by Kadriye Bedretdin in the year 2011. *Tugan tel – Mother tongue – Kirjoituksia Suomen tataareista* [Writings of Finnish Tatars]. This collection includes articles by both scholars and the Tatars themselves on the history, life and culture of Finnish Tatars. [1. p.ix].

Orthographical traditions among the Tatar minority in Finland

The Tatar minority began to publish books, leaflets and magazines already in the 1920s. All materials published in the 1920s and early 1930s used Arabic letters. From the 1930s, under the impact of the Turkish language reform and the simultaneous Latinisation movement (*Yañalif*) in the Turkic areas of the Soviet Union, Roman letters were increasingly used also among the Finnish Tatars. Turkey's adoption in 1929 of the Latin alphabet also split opinions among the Tatars in Finland. Younger generation was no longer able to read Arabic scripts while the older generation did not approve the new alphabet. This was due to the Turkish teachers who started to teach mother tongue in Turkish alphabets. This was one reason to shut the Turkish school. Often, a single publication included the text in both Arabic and Roman letters, so that the different generations were equally able to understand it. For this reason, for example, Hasan Hamidulla started to publish his books with concurrent texts in the Arabic and the Latin letters. The Finnish Tatar community still uses facsimiles of Qazan *basması* religious publications originally printed in Kazan. It took until the 1960s to officially adopt the Latin alphabet in the teaching of the mother tongue to children. However Arabic letters are still taught and used. In the computer world, Finnish programmes prevail, while Turkish letters are more common in official texts. In other words, orthographic norms are still lacking. There are great individual differences according to age, education, place of residence and attitude to one's mother tongue. There has been a certain tendency to comply with the standard language of modern Kazan Tatar. It has always been possible to obtain Tatar litera-

ture from Kazan, but most Finnish Tatars are not familiar with the Cyrillic alphabet. Over the years, many children's books in particular have been "translated" from the Cyrillic alphabet to the Latin letters to help the study of the mother tongue.

Other activities based on the Tatar language

In addition to literary activity, the Tatars in Finland have had their own choirs and drama clubs. As musical activities a group of young Tatars founded the band Başkarma in the late 1970s, releasing three albums: "Bezneñ belän", "Sagınam duslarım" and "Kızläü". The cultural association FTB is still active and has published two extensive collections of folk songs, song books and 4–5 records, the first of which, "Ak İdel buyları" came out in 1986. Also a book of traditional Tatar food, "Milli aşlarıbız", was published in 1991 and came out in Finnish in 2014. Finlandiya Türkleri Birliği is celebrating this year its 80 years anniversary and for honour of it published a song book *Balalarımız yaratkan cırlar / Our childrens' beloved songs in Tatar*. A Tatar sport club Yolduz has been active since 1945, bringing together young Tatars in particular. A sense of community is being fostered by the Tatar language, as all the bulletins of the cultural and sporting associations are published in Tatar.

Cultural exchanges

A part of the cultural exchanges are the almost annual visits by artist groups. Tatarstan has sent to Finland singers and dancers, musicians, music teachers. Also the Finnish Tatar amateur actors acted in Kazan in 1992 and 1993 and in New York in 1995. Also such researchers from the University of Kazan as archaeologist Alfred Halikov, folklore scholar İlbaris Nadirov, professors of Tatar, Diljara Tumaşeva and Flora Safiullina as well as docent of Tatar literature Hatip Miñnegulov and historian Mirkasim Osmanov have visited Finland. Cultural links are also active with Turkey. The congregation has hosted a number of acclaimed cultural Tatar representatives ever since the 1950s, including professors Reşid Rahmeti Arat, Alimcan İdris, Abdullah Battal Taymas, and Nadir Devlet.

Preserving cultural heritage

Finnish Mishär Tatars have maintained their own language for five generations already. This is a rare and impressive feature for a community of fewer than a thousand persons. Already the first generation laid the institutional foundations for religious activities by founding in 1915 the first

Islamic association which was registered as Suomen musulmaanien hyväntekeväisyisyhdistys ry (The Charitable Muslim Society of Finland). It was founded in order to create some kind of institutional base for the promotion of cultural and religious traditions in the new environment. From the beginning religion and own language have existed side by side and strongly supported the community's identity. Religious teachings both for adults and for children have happened in Tatar since the previous imams, although from Turkey, were Tatars themselves. Especially the survival of the language has been helped by the conservative nature of the Tatar population, their clannishness and family-orientedness, cultural and associational life and mutual social control. Members of the congregation must know Tatar, which is the language of all social and religious interaction. This means that although there are now in Finland tens of thousands of Muslims from many different countries, they are not eligible to join the congregations. Only the Friday prayers and other midday prayers in the mosque are open to other Muslims, too. The Friday Hotba are in the Tatar language. The Tatar families' financial situation has been fairly good ever since their migration. The wealthy congregations are able to arrange and offer a range of common activities for their members. The families typically meet in conjunction with various religious and cultural events thus preserving and keeping alive the traditions. These occasions are also naturally transferring them to the younger generations. The congregation has given a special attention to the language. It established a Turkic primary school (Türk Halk Mektebi) which functioned in Helsinki in 1948–1969, following the national curriculum set by the Finnish Ministry of Education. Even if the school carried a Turkish name, it was the first and only Tatar-language primary school in Western countries. The decreasing pupil numbers led to the closing of the school. The Finnish Islamic Congregation has since arranged summer courses of 2–4 weeks' duration in various educational centres until 1991 when the congregation bought own educational centre in Kirkkonummi, near Helsinki. Presently these summer courses teach Tatar children from Finland, the United States, Sweden, Turkey and Estonia. In summer 2014 there were also four children from Russia, from the Sergachsky region. The children's Sunday club, which began in 1949, and the Saturday school for 3–6-year-old children since the 1960s, are still active, focusing on language and religious teaching through song and arts and crafts. The Tatar-language Sunday club and the Tatar-language courses do not admit children who do not speak the language at home. While many children from mixed marriages used to be

deprived of Tatar teaching, the survival of the language was helped by a negative stance on mixed marriages. Today, however, and as a departure from previous practice, the congregation provides Tatar teaching to children from mixed marriages. Since 1966, the Tatar language has also been taught in the University of Helsinki. The Tatars themselves see their identity to depend mainly on Islam and their Tatar language. Less attention has been given to the people's clothing and homes and their interiors which follow the Finnish and international trends and environment. Still some old and also new ethnic items can be traced in the Tatar homes. However, the own traditional food and dishes are still made and kept in value.

Future prospects of the Finnish Tatar community

Despite its present vitality, the future of Tatar culture in Finland may be endangered: the community grows smaller, its members grow older, and some integrate into the majority culture as a result of mixed marriages. The Tatars are so well adopted in the Finnish society that assimilation is a threat. It takes an effort to maintain one's own culture as each new generation identifies more strongly with Finnishness. Finland has two official languages: Finnish and Swedish. The Tatar language is one minority language among others, and its survival depends on those who use it. Before so lively literary activity has decreased with time, although not vanished. Even the spoken Tatar is at risk to be forgotten and to fall into decay. Previously, one was not allowed to speak other than Tatar at home, now some have even started to speak Finnish among family members. The Finnish vocabulary, structures and pronunciation has had a powerful influence and many new concepts come directly from the Finnish language. Some Tatars do not feel the need nor are they any longer able to express themselves in writing in their mother tongue. Due to the Finnish school education they are more familiar with writing in the Finnish language than their own mother tongue. Many feel a sense of inadequacy when it comes to the correct linguistic form. However, even if the vocabulary does not permit the most abstract and nuanced interaction, the mother tongue still matters as an emotional language also among the youngsters. It touches the Tatar at a deeper level than Finnish, which is seen as a more rational language. [5, pp. 253–254]. The opening borders have enabled visits to ancestral villages in Russia, and many members have availed themselves of this opportunity. There is also a minor renaissance among some drawn to their Tatar background. The younger generations in particular have

found the joys of a shared language among those raised in totally different circumstances in Tatarstan. Some people have also found Tatar spouses from the Russia. A well organized congregation and common property guarantee that the Tatar community as a linguistic and religious community still have a long future in Finland. The use of language may lose its position while the religion will stay as it is. The tatars' Islamic way of life is well integrated into the Finnish majority culture and the Tatars like to emphasise their dual identity. Tatar ethnicity is important to all community members who at the same time feel home in the Finnish environment and identify Finland as their permanent home country.

References

1. Bedretdin K. ed. *Tugan Tel – Kirjoituksia Suomen tataareista*. [Mother tongue – Writings of the Finnish Tatars]. Helsinki: The Finnish Oriental Society, 2011. 395 p.
2. Halén H. *Handbook of Oriental Collections in Finland. Manuscripts, xylographs, inscriptions, and Russian minority literature*. (SIAS, Monograph Series, 31). Bangkok, 1978, pp. 134–288 (Turcica 1828–1919).
3. Halén H. A bibliographical survey of the publishing activities of the Turcic minority in Finland. *Studia Orientalia* 51:11. Helsinki, 1981, pp 1–26.
4. Halén H. *Lahjan hedelmät. Katsaus Suomen volganturkkilaisen siirtokunnan julkaisuihin*. [The Fruit of the Gift. A Survey of the Publications of the Volga Turkish Colony]. *Unholan aitta* 6 [The Storehouse of forgotten times], Helsinki, 1996. 44 p.
5. Leitzinger A. *Mishäärit – Suomen vanha islamilainen yhteisö*. [The Mishärs – The old Finnish Community]. Kirja-Leitzinger, Helsinki, 1996. 278 p.

Nakamura Mizuki

Language Situation and Attitude Towards the Tatar Language: The Case of Tatars in Tashkent, Uzbekistan

The paper analyzes the actual language situation and language awareness towards the Tatar language among Tatars in Tashkent through the result of individual interviews.

Policies toward national integration of Uzbekistan are considered as one of the main reasons to cause languages and cultures suppression of minorities. Language and education policies of Uzbekistan are generally based on Uzbek language and Uzbek cultures; therefore, high Uzbek language proficiency is being required widely even for non-Uzbek minorities. This *wave of Uzbek language* is spreading widely in Uzbekistan, even among Tatars who have been speaking Russian as a principal language. On the other hand, some of minority groups are taking actions to protect and keep own ethnic language and culture. Tatar is one of them. While *the wave of Uzbek language* causes Tatars a sense of danger to lose identity as Tatar, some young Tatar citizens paying attention to saving Tatar language and cultures have appeared. This way of thinking is spreading among Tatars in Tashkent. Language awareness towards the Tatar language is also changing in particular among young generation year after year.

Keywords: Tatar language, Tatar Diaspora, Language Situation, Language Awareness, Uzbekistan, Individual interviews.

Introduction

Various reforms towards national integration have been adopted in diverse fields such as education and language policies of Uzbekistan after independence from the Soviet Union. In the wake of independence of the state, Uzbekistan faced to construct the new national identity as *O'zbekistonlik* (Uzbekistani nation); although this policy tends to be considered as one of the causes of languages and cultures suppression of minorities. This kind of policy for national identity construction as *O'zbekistonlik* is generally based on Uzbek language and Uzbek cultures [6, pp.18–19]. On the other hand, some of minority groups' actions to protect and revive own ethnic language and culture are hidden in the background of this argument.

Most of the minorities in this country have been living with Russian language even after independence of the state because ethnic language education was limited; at the same time Russian language education was expanded during the Soviet era [5]. Nevertheless, Uzbek language proficiency is being required widely in contemporary Uzbekistan due to Uzbek nationalistic movements.

By noticing language situation and language awareness towards the own ethnic language of Tatars, a minority in Uzbekistan, we gave them individual interviews. “*The wave of Uzbek language (and cultures)*” is spreading even among Tatars who have been speaking Russian as a principal language. While this wave of Uzbek language causes Tatars a sense of danger to lose identity as Tatar, some young Tatars citizens paying attention to protecting and reviving the Tatar language and cultures have appeared. Let’s say, this “*wave of Tatar language*” is spreading along Tatars in Tashkent, language awareness towards Tatar language is also changing among young generation year after year, especially generation born after the Soviet era.

In this paper, we analyze the actual language situation and language awareness towards the Tatar language among Tatars in Tashkent through the result of individual interviews.

Brief history: who are Tatars in Uzbekistan?

Huge Tatar communities are existed in Central Asia, in particular in Uzbekistan. According to population census conducted in 2000, about 325,000 Tatars are living in Uzbekistan – namely, 36% of them are living in Tashkent. Crimea Tatar population is not included in this amount of “Tatar” population. This small section of brief history is summarized by the author, based on Il’hamov’s «*Etnicheskiy atlas Uzbekistana*» [2, pp.202–206].

Ancestors of Tatars in the territory of today’s Uzbekistan mostly appeared in the 19th Century; however, history of Tatars in this place is much longer. The first Tatar merchants have appeared in the middle of the 14th Century. These Tatar merchants had a strong trade relation between citizens of *Transoxiana* at this time that was continued until the 19th Century. In the 18th Century, *Catherine the Great* allowed Tatar merchants the freedom of trade and movement in the purpose of promotion of trading relation. The number of Tatar merchants in Central Asia massively increased after this decision: even permanent residents appeared. In the 19th

Century, huge Tatar communities were formed in today's Tashkent and Samarkand.

Not only these merchants but also a lot of Tatar immigrants moved to Uzbekistan mainly from the Middle Volga Region such as Kazan and Ufa for richer fields and warmer climate in 1950's, after Stalin's reign. Tatar population in Uzbekistan reached to around 530,000 in 1979. Although the population decreased after *perestroika*, the biggest number of Tatars in Central Asia is still living in Uzbekistan.

Brief situation of Russian language in Uzbekistan

According to analyses conducted by OSCE Academy [4, p.7] Russian proficiency among the younger generation is significantly lower than the older generation; nevertheless, Russian is considered to be the native language of the majority of the non-Uzbek populations including Tatars, and few of them knows the own ethnic language in most cases. However, as time proceeds from the collapse of the Soviet Union, number of Russian classes was cut out in Uzbek schools¹, which did not have Russian as the main educational language.

Although English is becoming popular instead of Russian among the young generations in particular, however, this popularity is still far from the position of Russian. According to a survey conducted by *R. Nazaryan* [3], only 1% of respondents (students, teachers, professors and bureaucrats) use English in their professional activities and reading publications.

Survey analysis

The author conducted individual interviews to 45 Tatar informants (22 males, 23 females) in Tashkent. This survey was taken from September to December of 2013 in *Mirzo-Ulugbek District (Mirzo Ulug'bek Tumani)*, Tashkent. For the balance of informants' gender, age and social status, we attempted to ask every informant to introduce us the next informant with different gender, age and social status from him/her.

¹ Schools in Uzbekistan can be divided into two types: Uzbek school and Russian school. The previous one is a school that every class is given in Uzbek language, and the latter one is mainly in Russian.

(1) In which language did you study at primary and secondary schools?

Age	Russian	Uzbek
10 – 19	5 (62.5%)	3 (37.5%)
20 – 29	5 (62.5%)	3 (37.5%)
30 – 39	7 (87.5%)	1 (12.5%)
40 – 49	6 (100%)	0 (0%)
50 – 59	5 (100%)	0 (0%)
60 – 69	5 (100%)	0 (0%)
70 – 79	5 (100%)	0 (0%)

More young generation, in particular teens to twenties studied (in case of some teen informants are still “studying”) in Uzbek during primary and secondary educations. The older generation born during the Soviet era mostly studied in Russian since ethnic language education was limited, on the other hand, Russian education was expanded at this time. Judging from the above graph, most of the Tatars in Uzbekistan tend to choose Russian as the language of education. Nevertheless, the popularity of Uzbek is increasing especially among young generations as well. However, as we have already mentioned, still able to say that Russian is considered to be a dominant language for the majority of Tatars in Uzbekistan.

(2) Can you have any easy conversations in Tatar?

Age	YES	NO
10 – 19	2 (25%)	6 (75%)
20 – 29	3 (37.5%)	5 (62.5%)
30 – 39	1 (12.5%)	7 (87.5%)
40 – 49	0 (0%)	6 (100%)
50 – 59	0 (0%)	5 (100%)
60 – 69	1 (20%)	4 (70%)
70 – 79	1 (20%)	4 (70%)

“Easy conversations” of this question means greetings, self-introduction and some such easy basic conversations. This graph shows

that only some old and young informants can say something easy in Tatar. Interestingly, most of the informants who have received education in Uzbek answered “Yes” to this question. Here we can suppose that their Uzbek knowledge makes them easy to speak Tatar since they have similar vocabularies and grammar as Turkic languages. We can see even some informants learnt in Russian and speaks in Tatar. The one is studying Tatar through the Internet², and the other has studied and worked in Kazan during youth.

(3) Which language can you speak the most fluently?
(The choices: Russian / Uzbek / Tatar / other language)

Age	Russian	Uzbek	Tatar	Other
10 – 19	5 (62.5%)	3 (37.5%)	0 (0%)	0 (0%)
20 – 29	5 (62.5%)	3 (37.5%)	0 (0%)	0 (0%)
30 – 39	8 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
40 – 49	6 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
50 – 59	4 (80%)	1 (20%)	0 (0%)	0 (0%)
60 – 69	5 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
70 – 79	4 (80%)	1 (20%)	0 (0%)	0 (0%)

We prepared four choices: Russian, Uzbek, Tatar and the other language. Every informant chose only Russian or Uzbek. Most of those who answered “Russian” received education during the Soviet era. By contrast, those who answered “Uzbek” are comparatively young. Some informants in the fifties and seventies took Russian education during the Soviet Era; however, they grew up in suburb areas where Uzbek was more frequently spoken. Interestingly, those who received (or still receives) education in Uzbek all answered “Uzbek” to this question (*Cf. table 1*).

Knowledge of Russian still carries certain advantages in Uzbekistan, but it is becoming difficult to get a job without Uzbek proficiency in this country. For this reason, it seems that the number of non-Uzbek parents who want to send their children to Uzbek school is increasing.

² For this aim, “ANA TELE” a portal site for online lessons is often used. (anatele.ef.com)

(4) Do you study Tatar? Or do you have the will to study Tatar?

Age	YES	NO
10 – 19	3 (37.5%)	5 (62.5%)
20 – 29	4 (50%)	4 (50%)
30 – 39	1 (12.5%)	7 (87.5%)
40 – 49	1 (20%)	5 (80%)
50 – 59	0 (0%)	5 (100%)
60 – 69	1 (20%)	4 (70%)
70 – 79	1 (20%)	4 (70%)

In this question, more than 75% of informants answered “no”, no willing to study Tatar. Those who answered “yes” are mostly younger than the twenties. Some young informants answered “yes” told us following opinions:

– *“Knowledge of Tatar language is necessary for saving own culture”*. (21, male)

– *“I am not Russian, I am not Uzbek, but I speak only in Russian and Uzbek. I think I need to know Tatar to keep my identity as Tatar”*. (19, female)

Willingness to study Tatar for own identity as Tatar is one of the most remarkable opinions from them. In contrast, informants who have no willing to study Tatar gave us such opinions:

– *“Russian is enough for me to live in Uzbekistan. If not, then I may move out to Russia or somewhere Russian is a dominant language”*. (28, male)

– *“I have no problem to live even without Tatar proficiency”*. (44, female)

– *“Russian is one of the world languages – this language is enough for me to know various things”*. (49, male)

Knowledge of Russian language is enough – this is the most outstanding opinion within informants answered “no” to this question.

Conclusion and prospects

In this paper, we have discussed on the language situation and language awareness of Tatars in Tashkent focused on awareness towards Tatar language. Through the every result of these questions to Tatar informants analyzed above, certainly Russian is still a dominant language

among the majority of Tatars in Tashkent as various research papers have ever been mentioned. However, in this paper, we can add some more interesting facts to this situation: *Awareness towards Tatar differs by generations*. Informants received educations during the Soviet era mostly have less Tatar proficiency and more positive opinions towards Russian compared to Tatar. Contrary to this, younger informants received education after the collapse of the Soviet Union have stronger interests towards Tatar language, in particular those who has received education in Uzbek. We suppose that this is because of language closeness between Uzbek and Tatar.

The situation of Tatar language is currently being changed in Tashkent as much as Uzbek language increases its dominance. Currently, the Representatives of the Republic of Tatarstan to Uzbekistan and Tatar Society in Tashkent are trying to cooperate with each other to promote Tatar language and cultures. They may open Tatar language course and cultural school. These actions can change the situation and the future of Tatar language not only in Tashkent but also in Uzbekistan.

In this paper, we focused only on the language situation and language awareness of Tatars in Tashkent. Now we are in needs to know how the Government of Tatarstan supports the Tatar Diasporas outside of Russia. At the same time, comparisons with other cities in different situations are necessary as well. Through these approaches, clarifying how the Tatar Diasporas are trying to revive and develop own language may be possible. For the comparison, the author is interested in the situation of Tatar language in other cities of Central Asia. For instance, Astana and Almaty, Kazakhstan where the Representatives of Tatarstan and local Tatar communities have stronger cooperation and actions are widely spread.

References

1. Arutyunyan, Yu.V. “Russkie v blizhnem zarubezh’e (po materialam sravnitel’nogo etnosotsiologicheskogo issledovaniya v Estonii i Uzbekistane)” [Russians in Near Abroad (Based on the Approach of Ethno-sociological Research in Estonia and Uzbekistan)], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, No.3, Federal’noe gosudarstvennoe byudzhetnoe uchrezhdenie nauki Institut sotsiologii Rossiyskoy akademii nauk. pp. 31–40.
2. Il’khamov, A.A. “*Etnicheskiy atlas Uzbekistana*” [Ethnic Atlas of Uzbekistan], Institut Otkrytoe Obschestvo – Fond sodeystviya – Uzbekistan, Sovmestnoe izdanie “IOOFS – Uzbekistan” i LIA”R.Elinina”, 2002, pp. 202–206.

3. Nazaryan, R.G. “Yazykovaya situatsiya v Uzbekistane: real’nost’ i perspektivy” [Language Situation in Uzbekistan: Realty and Prospects], <http://www.mapryal.org/content/языковая-ситуация-в-узбекистане-реальность-и-перспективы>
4. Aminov, K. et al. “Language Use and Language Policy in Central Asia”, *Central Asia Regional Data Review*, 2010, No.2, 1, pp. 1–29.
5. Pavlenko, A. “*Multilingualism in Post-Soviet Countries*”, Bristol, Buffalo, Toronto, Multilingual Matters, 2008, pp. 8–29.
6. Fumagalli, M. “Ethnicity, state formation and foreign policy: Uzbekistan and “Uzbeks abroad”, *Central Asian Survey*, 2007, 26 (1), pp.105–122.

Петр Подалко

**Русская колония в Кобе.
Из истории послереволюционной эмиграции**

Потребность в человеческой истории не проходила никогда – и в наше время есть все возможности для такой науки: мы говорим не о возвращении к былому, простодушному бытописанию, а к личной истории, опирающейся на все научные завоевания последнего столетия.

Н.Я.Эйдельман

Petr Podalko

**The Russian Community in Kobe: A History
of Post-Revolutionary Emigration in Japan**

This article contributes to the body of research on the history of Russian post-revolutionary emigration to Japan, describing the general differences between Eastern and Western emigration by Russians. There were three main periods, or «waves», of emigration to Japan: 1917–1923, 1924–1940, 1945 – late 1950s. The role these emigrants played in the «westernization» of Japan in spheres such as food and light industries was as great as their contribution to Japanese culture in such activities as ballet, teaching of the foreign languages and so on. This article is constructed as a historical portrait, that is, historical processes and phenomena are described primarily through personal stories of people representative of the epoch. The author based his work on numerous materials, some of them unpublished, including private correspondence and memoirs of Russian emigrants who lived in Japan during the 1920s–1990s, audio tapes, interviews and so on. Special attention was paid to field-work at the Foreign Cemetery of Kobe, and particularly to the «Russian graves». The city of Kobe, well-known for its truly international spirit, became a real home for many Russian-born refugees. Its Russian population played a significant role in Japanese modernization between the two World Wars. A few short personal stories are also included to give an illustration of the people who formed the Russian diaspora in Japan. The Appendix includes lists of names of the Russian emigrants in Japan, mostly composed by the author on the base of archival materials.

Введение

Февральские и октябрьские события 1917 года в России явили миру феномен массовой послереволюционной эмиграции, численность которой перекрывала не только все известные исторические прецеденты (как, например, эмиграцию в годы Великой французской революции XVIII в.), но была даже сопоставима с населением небольшого государства. За менее чем пять лет Россию покинуло, по различным оценкам, от полутора до двух с половиной миллионов человек, принадлежащих практически ко всем слоям тогдашнего общества. Небольшая часть этих людей впоследствии смогла вернуться на родину, но подавляющее большинство так или иначе вынуждено было смириться со сложившимся положением и как-то устроиваться на чужбине. Российские эмигранты, навсегда оставшиеся в Японии, среди которых было немало талантливых и выдающихся личностей, внесли заметный вклад в культурное развитие этой страны.

По нашему мнению, история русской диаспоры в Стране восходящего солнца представляет несомненный интерес для современного российского читателя.

Предлагаемая вниманию читателей статья обращается к истории русской колонии в городе Кобе, одном из центральных городов Западной Японии, ставшим с момента своего возникновения в середине XIX века одним из символов модернизации и интернационализации японского общества.

Говоря в данной статье о русских эмигрантах, их могилах и т.д., за исключением особо оговариваемых случаев, автор использует определение «русский» не столько в этническом, сколько историко-культурно-географическом смысле, обозначая им всех выходцев из бывшей Российской империи как носителей, прежде всего, некоей общей культурной традиции, и уже во вторую очередь бывших представителями тех или иных национальных групп и землячеств. Именно в этом ключе эмигрантов длительное время рассматривали японские государственные органы, что породило такие непривычные русскому слуху сочетания, как «польский русский», «татарский русский», «украинский русский» и пр. Спустя несколько десятилетий определение «русский» уступило место аналогичному определению «советский», также отражавшему обобщенное восприятие всех выходцев из тогдашнего СССР.

Основная идея автора состоит в том, чтобы показать историю эмиграции и зарубежной российской диаспоры через судьбы отдель-

ных людей, которые волею тех или иных обстоятельств временно оказались на переднем крае исторического процесса. Думается, что в наши дни назрела необходимость в подобных «портретных» публикациях, дабы ускорить преодоление барьеров взаимного незнания, разделяющих столь же близких географически, сколь и далеких во всех других смыслах соседей – Японию и Россию.

1. Японское «окно в Европу»

Главным требованием «ансэйских договоров» (период «Ансэй», «Стабильная власть», продолжался с 1854 по 1860 г.), заключенных Японией с правительствами ведущих западных держав, было открытие некоторых японских портов для захода в них зарубежных судов. Первыми такими портами стали Нагасаки, Канагава (впоследствии – Иокогама) и Хакодате. На очереди было также открытие в 1863 году Осаки и еще одного порта в окрестностях старинного города Хёго на берегу Внутреннего моря, который был назван впоследствии «Кобе» – по имени небольшой деревушки «Камбе», находившейся неподалеку. Однако из-за обострения внутривосточной обстановки в Японии, вылившейся в итоге в «Реставрацию Мэйдзи» (1868), открытие обоих названных портов произошло на пять лет позднее, т.е. в 1868 году.

Первым губернатором Кобе был назначен Ито Сюнсуке, более известный в Японии и остальном мире под именем Ито Хиробуми (1841–1909), выдающийся политический деятель эпохи Мэйдзи (1868–1911). Во многом благодаря ему город Кобе, возникший практически на пустом месте, вскоре стал одним из символов обновления Японии, воротами, через которые западная культура проникала в еще недавно закрытое японское общество.

С 1870 года была установлена постоянная телеграфная связь Кобе с соседним городом Осака, в 1874 году туда пошли первые поезда, а с 1876 года была проложена железная дорога между Кобе и древней столицей Киото. Порт Кобе быстро рос и уже в конце XIX века вышел на второе место в Японии по объему торгового оборота, уступая только Иокогаме. С 1889 года два главных порта страны также связали железной дорогой, что способствовало развитию национальной экономики.

Первые иностранцы появились в Кобе с момента официального открытия порта в январе 1868 года. Уже через десять месяцев в Кобе проживало около 500 иностранных подданных, из которых 240 были китайцы, а среди прочих зафиксировано 116 англичан, 61 америка-

нец, 36 немцев, 19 французов, 36 португальцев [4, данные издания разных лет]. В 1872 году здесь была построена первая церковь (Union Church), строительство которой обошлось тогда всего в 4,2 серебряных доллара. Право экстерриториальности иностранцев, проживающих в Иностранном сэттльменте, придавало ему особую привлекательность в глазах зарубежных торговцев. В отличие от Иокогамы, где управление было сосредоточено в руках японской администрации, Кобе с самого начала обзавелся муниципальным советом иностранных консулов, который обладал всей полнотой власти на протяжении 30 лет. Одним из последствий такого исключительного положения стал отток в Кобе иностранцев из соседнего города Осака, несмотря на наличие там большого порта и развитой инфраструктуры. Например, в 1878 году в городе Осака размещалось всего 5–6 иностранных торговых компаний, а прочие (числом в несколько раз больше) сосредоточились в Кобе, где на тот момент проживало около 250 западных иностранных граждан (не считая китайцев) [10, p.77, 285]. В итоге Иностраный сэттльмент Осака начал чахнуть и со временем самоликвидировался.

В дальнейшем динамика численности иностранного населения Кобе показывает тенденцию устойчивого роста, и к 1899 году, когда в Японии были пересмотрены международные договора, заключенные в прежнюю эпоху (результатом чего стала отмена экстерриториальности), в Кобе проживало уже 940 европейцев и американцев, а в 1912 году – 1700 представителей западных держав. Консульскому совету удалось создать условия для нормального функционирования целого города и в первую очередь самого Иностранного сэттльмента, тем самым способствуя распространению его славы как «образцового» («Model Settlement») на всем Дальнем Востоке, что специально подчеркнул французский консул на церемонии отмены экстерриториальности в 1899 году. [10, p.79].

В годы Первой мировой войны число иностранцев в Кобе еще увеличилось (например, в 1915 году – 2617 человек, не считая китайцев), а в 1918 году в Кобе было зарегистрировано 2100 китайцев и 2462 выходца из 29 стран Европы и Америки. Тогда же, наряду с физическими лицами, там были размещены представительства 55 иностранных компаний. Несмотря на общее сокращение торговли со странами воюющей Европы, объем торгового оборота Кобе почти не пострадал и достиг в 1918 году 36 млрд. 638 млн. иен.

2. «Три волны» русской эмиграции

Появление в Кобе русских произошло позднее, в отличие от представителей других западных стран. Данные переписи 1872–73 годов показывают наличие в Кобе двух россиян, т.е. менее одного процента от общего числа иностранцев. И в последующие годы число россиян, проживавших в Кобе, не превышало десяти человек, хотя почти все описания Кобе, сделанные немногочисленными российскими путешественниками, содержат восторженные эпитеты в адрес города: все считали его наиболее «вестернизированным» местом в Японии, а значит и наиболее удобным и приятным для жизни иностранцев. Так, журналист и путешественник, член Императорского географического общества Д.И.Шрейдер писал, что «город Кобе действительно красив... по внешнему виду он скорее напоминает собой какой-нибудь европейский курорт, чем отдаленный городок Дальнего Востока. Дома... поражают своей красотой и изяществом» [9, p.152, 227, 249, 274]. В 1891 году Кобе посетил наследник российского престола цесаревич Николай.

Постепенно численность русской колонии в Японии, и в том числе в Кобе, начинает расти, чему способствовало общее улучшение торговых и дипломатических отношений между двумя странами. Так, в 1916 году в Кобе проживало уже 62 русских, т.е. около четверти от общего числа россиян в Японии (263 чел.) [5, p.125].

Первые месяцы после Февральской революции 1917 года и последовавшей за ней политической амнистии были отмечены резким увеличением числа транзитных пассажиров с российским гражданством, следовавших через Японию в западном направлении. Вскоре, однако, в Японии начинают появляться и первые «беженцы на Восток».

Достоверно выявить динамику численности российских эмигрантов в Японии представляется сегодня весьма сложной задачей. Причин для этого много: попытки смены эмигрантами гражданства, их стремление уклоняться от официальной регистрации из опасения возможной высылки из страны и т.д. Например, уроженцы западных губерний России отныне предпочитали именовать себя за рубежом «поляками»; евреи, даже крещеные, нередко именовали себя «иудеями»; верующие мусульмане-сунниты, многие из которых попадали в Японию благодаря поддержке различных исламских организаций (например, Национально-культурная Ассоциация тюрко-татар «Идель-Урал», образована в Кобе 9 мая 1934 г.), называли себя «татарами», а иногда и «турками» [8, p.144]. Впоследствии многие му-

сульмане из числа бывших российских подданных официально приняли турецкое гражданство, чем и объясняется непропорционально большое число «турецких могил» на японских кладбищах. В представлении же местной японской администрации и те, и другие, и третьи оставались «русскими», или «белыми русскими», в противоположность «красным русским» (большевикам), что порождало дополнительную неразбериху. Все это породило значительные расхождения в источниках, фиксирующих динамику эмиграции: например, согласно одному изданию, только еврейских беженцев в Японии в 1917–1918 годах находилось до пяти тысяч человек, что, как минимум, вдвое превышает реальные цифры [2, р.47].

Так или иначе, в середине 1920-х годов в Японии одновременно находились несколько тысяч эмигрантов из России, ставших после признания Японией советского правительства в январе 1925 года «лицами без гражданства». Основная масса их постепенно расселялась в крупных портовых городах, где иностранцам было легче найти работу и жилье, и имелась соответствующая инфраструктура. Так много иностранцев в течение короткого срока никогда не прибывало в Японию. На какое-то время русские стали здесь самым многочисленным национальным меньшинством – факт сам по себе исключительный. В целом в истории русской колонии в Японии и в частности – в Кобе, можно выделить три этапа ее формирования, иначе говоря – «три волны» русской эмиграции в Японию:

- 1) конец 1917 – первая половина 1923 года;
- 2) вторая половина 1923 – конец 1930-х годов;
- 3) конец 1940-х – первая половина 1950-х годов.

Водоразделом между первым и вторым этапами стало Кантоское землетрясение 1923 года, между вторым и третьим – Вторая мировая война. В целом можно утверждать, что основная масса россиян, сформировавшая эмигрантскую колонию в Кобе, относится ко «второй волне» эмиграции в Японию – к тем, кто прибыл в эту страну, начиная с конца 1923 года.

Следует особо отметить, что Кантоское землетрясение, изменив на несколько лет общую карту расселения иностранцев на территории Японии, во многом сформировало «лицо» местной русской диаспоры, обусловив ее социальный и профессиональный состав. «Вторая волна» состояла в основном из представителей низших сословий бывшей Российской империи: сибирских крестьян, мелких и средних торговцев, бывших солдат и т.д. Среди них было немало

«мигрирующих лиц», которые, сохраняя свои позиции в Маньчжурии и Приморье, параллельно готовились к будущей эвакуации и постепенно выводили за рубеж капиталы, открывая в Японии филиалы своих фирм. Одновременно возросло число эмигрантов, сознательно избравших Японию конечной точкой своих странствий. Многие из эмигрантов «второй волны» к моменту переезда в Японию уже имели опыт эмигрантской жизни в третьих странах. В отличие от представителей «первой волны», эти люди были инициативны, практичны и в большинстве своем имели конкретные планы относительно будущей жизни в Японии. Нередко переезд их в Японию был вызван расширением деятельности местных торговых компаний, в том числе и с русскими владельцами, которые поселились здесь раньше и нуждались в дешевой рабочей силе. Выписанные ими из Харбина бродячие русские торговцы (среди которых было особенно много этнических татар) ходили затем по Японии, нагруженные разной мелкой галантереей, отрезами материи и другими товарами [8, р.144]. Торговля отрезами и розничной мелочью была для этих людей привычным занятием – большинство из них занимались этим еще во время их жизни в Китае, где торговля вразнос, по выражению известного историографа дальневосточной эмиграции П.П.Балакшина, была в первые годы «наиболее популярным делом» среди русских беженцев. [1, р.330]. Они быстро освоились на чужой земле, выучили язык и начали «отвоевывать свою нишу» в японском обществе. У татар и других тюрков языковое привыкание шло быстрее, чем у славян (видимо, сказывалась общность алтайской языковой группы). Неудивительно, что их адаптация к непривычным условиям проходила менее болезненно. И хотя многие в дальнейшем не выдержали конкуренции и были вынуждены в итоге покинуть Японию, но в то же время они, как и многие другие из эмигрантов «второй волны», сумели не только вписаться в японское общество, но и добиться в нем достаточно высокого положения.

Российские эмигранты сыграли свою роль в бурно идущем в те годы процессе вестернизации Японии. Фигура иностранца с узлом материи на спине, едущего на велосипеде или бредущего по дороге от одной деревни к другой, в котором безошибочно узнавали одного из «белых русских», на какое-то время стала неотъемлемой чертой пейзажа японской провинции от острова Хоккайдо на севере и до Кюсю на самом юге страны. Торговля вразнос способствовала как общему знакомству их с Японией, включая самые глухие по тем

временам ее уголки, так и накоплению ими первичного капитала, чтобы иметь возможность открыть свое собственное дело.

Как правило, большинство эмигрантов при этом проходили через стандартные этапы своей деятельности:

- мелкую торговлю вразнос (преимущественно сукном, галантереей, отрезами тканей, продуктами питания);
- мелкое кустарное и полукустарное производство в арендуемой лавке с последующим переходом к открытию своей лавки либо магазина;
- переход к фабричному производству.

Редко в одном и том же здании одновременно размещались и производственная мастерская, и магазин для реализации продукции, а в верхнем этаже жили владельцы и наемные работники (если они были). Некоторые эмигранты сумели достичь известного успеха, расширить производство и даже со временем внедриться на японский рынок. Среди отраслей занятости преобладали пищевая промышленность (производство европейских сладостей, конфет, шоколада; рестораны русской кухни), а также посредническая торговля.

Редко в более выгодном положении оказывались те из эмигрантов, которые, не поселяясь в Японии окончательно, вели здесь торговлю через филиалы и представительства своих компаний. При этом сами торговые фирмы, как правило, располагались за пределами Японии, хотя владельцы имели право свободного посещения Японии и другие льготы, вплоть до возможности вести антрепренерскую деятельность и выступать в качестве гарантов для русских артистов из Шанхая и Харбина. Некоторые при этом сумели получить советское гражданство, что при сохранении официального статуса эмигранта во многом облегчало для них (с юридической стороны) ведение торговых операций.

К «третьей волне» относятся те эмигранты, кто прибыл в Японию после окончания Второй мировой войны в связи с «покраснением» Китая и угрозой насильственной депортации в СССР тамошних «белых русских». Но так как Япония до 1952 года сама находилась под режимом оккупации армией США, то въезд в страну иностранцев был фактически ограничен условием воссоединения семей. По этой причине «третья волна» эмиграции была самой малочисленной и не оказала заметного влияния на качественное и количественное изменение состава русской диаспоры в Японии.

3. Храмы и молельни

Как правило, русские эмигранты, попадая в новую страну и едва окрепнув, сразу же стремились к созданию культурных центров, школ и храмов. Нередко функции этих учреждений осуществлялись в одном помещении: так, в 1930 году при православной церкви Кобе была открыта русская школа, просуществовавшая около года. Позднее, уже в середине 1950-х годов, силами местного эмигрантского комитета и при активном содействии крупного предпринимателя П.Крайнова, предоставившего земельный участок, а также семьи кондитеров Морозовых, фактически оплативших строительство, на смену старой церкви, пострадавшей в годы войны, была построена новая православная церковь, сохранившаяся до наших дней.

Аналогичные процессы имели место и среди представителей других конфессий. Так, особый интерес вызывает история появления в Кобе мусульманской мечети, о чем автору в середине 1990-х годов рассказывал Фарид (Фред) Килки (Fred Kilke), уроженец Кобе (1927), чей отец являлся почетным имамом мечети в 1941–1983 годы.

Идея строительства мечети уходит в начало 1930-х годов, когда рост мусульманского населения (около 2000 человек в середине 1930-х годов) сделал невозможным совершать массовые ритуальные церемонии в частных домах, ресторанах и других общественных местах, как это делалось прежде. Около пяти лет ушло на сбор необходимых средств, и когда сумма достигла 117000 иен, за 67000 иен был приобретен земельный участок в Кобе по улице Накаяма-тэ-дори в районе компактного проживания иностранцев Китано-тё. В 1934 году к созданию мечети по проекту индийского архитектора приступила японская строительная компания Такенака-комутен, и в октябре 1935 года состоялась церемония открытия и освящения мечети. Во время церемонии мэр Кобе назвал новую мечеть «Меккой Востока», и это неофициальное название было принято населением. Когда 17 марта и 5 июня 1945 года Кобе подвергся сокрушительным бомбардировкам американских ВВС, город был практически полностью разрушен, но мечеть устояла. В наши дни (2015) она является одним из немногих зданий в Кобе, практически сохранившим свой довоенный облик. Современная мусульманская община Кобе включает представителей многих стран и этнических групп, с заметным преобладанием выходцев из Пакистана. Японская мусульманская община по оценке Ф.Килки на 2005 год насчитывала менее 100 человек, среди которых было много японских женщин, вышедших замуж за при-

езжих мусульман и принявших ислам. При мечети функционируют классы арабского языка и культуры.

В конце 1930 – начале 1940-х годов, уже после начала войны Японии с США, у некоторых эмигрантов в Кобе неожиданно появился новый источник дохода – киносъемки. В Японии стали выпускать подчеркнуто-пропагандистские фильмы, призванные поднять боевой дух населения в условиях, когда военная обстановка становилась все мрачнее. Для изображения неприятеля, прежде всего американцев, понадобились «иностранные» лица, и здесь нашли себе работу некоторые эмигранты. Так, на изображении президента США Ф.Д.Рузвельта «специализировался» эмигрант из Казани Старков.

4. Послевоенный Кобе и «русские хиросимцы»

В августе 1945 года в Хиросиме и ее окрестностях проживала небольшая колония русских эмигрантов. Это были: музыкант Сергей Пальчиков с семьей, владельцы мануфактурной лавки супруги Парашутины, В.П.Ильин и др., всего 13 человек. Сразу после ядерной бомбардировки вокруг Хиросимы были немедленно сооружены палаточные лагеря, где японские военные врачи оказывали первую помощь раненым жителям. Русских эмигрантов как иностранцев первое время содержали всех вместе на территории буддистского храма, где им была оказана необходимая помощь, а позднее переправили в Кобе.

В Кобе прибывавших хиросимцев уже ждали американские военные медики, в задачу которых входило выяснить последствия ядерного облучения для человеческого организма, используя в качестве информантов уцелевших жителей Хиросимы. Невероятно, но факт: за исключением одного человека, все остальные русские эмигранты не только благополучно пережили хиросимскую катастрофу, но и в дальнейшем отличались завидным долголетием. Так, супруги Федор (1895–1984) и Александра (1902–1987) Парашутины в Кобе возобновили свою коммерческую деятельность, прожили около 40 лет и были похоронены на местном Иностранном кладбище. Семья С.Пальчикова также благополучно пережила атомный взрыв. Глава семьи, в прошлом выпускник Казанского университета, армейский капитан, музыкант-скрипач, в годы эмиграции преподавал русский язык и музыку в ряде учебных заведений Хиросимы. Позднее Пальчиковы переселились в Токио, а в 1951 году уехали в США, где с 1941 года проживал их старший сын Николай. В Америке С.Пальчиков некоторое время преподавал русский язык в военной школе в Калифорнии, где в 1979

году скончался. Его жена пережила супруга на 6 лет. Старшая дочь Калерия также проживала в США, где позднее был опубликован ее рассказ-воспоминание о пережитом в Хиросиме.

После окончания войны многие русские были наняты американской администрацией в качестве переводчиков. Так, вышеупомянутый Ф. Килки, благодаря хорошему знанию английского языка, был взят на работу сначала в качестве переводчика, затем – водителя, а в дальнейшем он устроился в представительство компании «Форд мотор» и много лет работал автомобильным дилером «Форда» на японском рынке. По словам самого Килки, знаменитый Генри Форд в бытность свою в Японии называл его дружески «Turk» («Турок») [6, p.11].

Часть эмигрантов под действием пропагандистских призывов и обещания различных льгот (освобождение от уплаты японских налогов и др.) согласилась принять советское гражданство; некоторым из них при этом разрешили остаться в Японии, не требуя от них немедленного возврата на родину. Другие же поспешили воспользоваться упрощением выездных процедур в середине 1950-х годов и покинули Японию, либо постарались получить гражданство третьих стран. Как говорилось выше, мусульмане из числа татар и башкир обычно переходили в турецкое подданство, увеличив тем самым в несколько раз численность турецких граждан в Японии.

По данным на 1957 год, в Кобе еще числилось 102 «белых русских», что составляло 4-е место среди «западных иностранцев»: после американцев (1435), англичан (380), немцев (204) и впереди французов и итальянцев (по 100). Более поздние данные уже не выделяют «белых русских» из общей категории «лиц без гражданства», что также говорит о фактическом исчезновении эмигрантской общины. Можно сказать, что история русской колонии в Кобе в ее самостоятельном виде завершилась к концу 1950-х годов.

5. «Русская часть» Иностранного кладбища в Кобе

История Иностранного кладбища в Кобе насчитывает столько же лет, сколько сам город. Если быть точным, то первая погребальная церемония прошла здесь в канун Рождества, 25 декабря 1867 года: хоронили двух офицеров американского и британского флотов. Фактически одновременно с выделением первых земельных участков под организацию иностранного сэттльмента происходило и сооружение первого кладбища в Онохама, близ устья реки Икутагава. В дальнейшем Иностранное кладбище неоднократно меняло свое ме-

стоположение, пока в 1961 году не было открыто нынешнее кладбище в Суюогахара, неподалеку от Кобе. В настоящее время здесь, на территории размером приблизительно 14 гектаров, сосредоточено около 2500 могил (включая 666 самых первых могил, перенесенных из Онохама) представителей 56 стран, относящихся к 20 различным религиозным группам и течениям.

Наибольшее количество захоронений на исторической части Иностранного кладбища Кобе, согласно подробным, хотя и несколько устаревшим (1981 год) данным японской стороны, принадлежит подданным Соединенного Королевства (816 могил из 2492), что вполне соответствует состоянию и уровню развития японо-английских отношений в конце XIX – первой половине XX века. Далее идут могилы граждан США (311), Германии (268) и т.д. Всего здесь представлены *post mortem* 58 стран и регионов, а также группа лиц без гражданства [3, p.56].

В течение длительного времени доступ на Иностранное кладбище был закрыт для посещений посторонними лицами; допускались только те японцы и иностранцы, у кого там были похоронены родственники, и имелось документальное подтверждение родства. Эта ситуация стала меняться в конце 1970-х годов, когда, одновременно с расширением политики внутренней и внешней интернационализации и активизацией международных контактов, японское руководство стало глубже осознавать историко-культурное значение подобных мест. С июня 1979 года японским гражданам было разрешено посещать Иностранное кладбище Кобе в обычном порядке, как одну из туристических достопримечательностей, связанных с историей города и порта.

«Российские могилы» распределены по всей территории Иностранного кладбища несколькими группами, в соответствии с религиозной принадлежностью и временем захоронения.

Признаки, с помощью которых можно было определить принадлежность той или иной могилы выходцу из России, делятся на четыре группы, представленные ниже:

а) если имя и (или) фамилия на надгробной плите позволяют идентифицировать человека как русского, либо представителя других славянских народов из числа коренных жителей Российской империи;

б) если имя и (или) фамилия относятся к числу достаточно распространенных среди нерусского (неславянского) населения Российской империи;

в) если имя и (или) фамилия не позволяют достоверно судить об исходном гражданстве человека, но указано место его рождения на территории бывшей Российской империи;

г) если нет имени, места рождения, но имеются иные признаки, определяющие национально-культурную принадлежность человека (православный крест, буквы кириллицы и т.п.).

В настоящее время с довольно высокой степенью вероятности можно идентифицировать как «российские» около 200 могил (4-е общее место), среди которых выделено примерно 90–95 мужских, 70–75 женских, 5 детских (возраст до 10 лет) и прочие, где пол и возраст не установлены. В последнем случае либо отсутствует имя, либо оно есть, но не читается целиком из-за сильного разрушения надписи, однако наличие православного креста, отдельных букв кириллицы, соседство с другими русскими могилами и прочее позволяют отнести захоронение к «российской диаспоре». В общее число включены также могилы людей, чьи надгробные плиты указывают на принятие ими в дальнейшем гражданства других стран (в первую очередь Турции), но места рождения отчетливо прописаны и указывают на Казань, Уфу, Пензу и другие города России, что с высокой степенью вероятности позволяет считать их относящимися к «татарско-башкирской» (она же «мусульманская») части «белых русских». Таких могил на мусульманской части кладбища обнаружено 8. При этом следует отметить, что общее число «турецких могил» составляет 48 захоронений (9-е место). Подобным же образом идентифицировались могилы в еврейской, или «израильской» части кладбища (всего 11, 18-е место), которые также почти все (10 из 11) могут быть отнесены здесь к «русским»: в тех случаях если имеющиеся надписи на иврите либо идише, шестиугольная звезда Давида и прочая национально и культурно-ориентированная атрибутика сопровождались указанием места рождения человека в Витебске, Николаеве, Одессе и др. При этом все географические пометки выполнены, как правило, на английском языке, что и позволило автору статьи, не владеющему чтением арабских и еврейских текстов, провести соответствующую идентификацию.

Самые старые могилы из числа тех, чьи датировки установлены, относятся ко второй половине девятнадцатого века (в них захороне-

ны матросы из экипажа военного корабля «Адмирал Нахимов»), а также самому началу двадцатого века. В случае последних были установлены имена погребенных в них людей: «Иван Антонов» (умер 12 января 1903 года), некто «Аратенко» (умер в 1906 году) и «Александра Нагирина» (умерла в 1910 году). Могил, появившихся до конца 1917 года, в ходе исследования, впервые проведенного автором статьи в 1998 году (с повторным исследованием в 2009 г.), было выявлено шесть; за 1918 год – одна. Основная же часть «российских» захоронений относится к периоду жизни здесь «белых» эмигрантов. О некоторых из этих людей стоит рассказать более подробно.

Пожалуй, наиболее известен и прославлен из них в сегодняшней России волжский купец, ставший одним из «отцов японского шоколада», Федор Дмитриевич Морозов (1880–1971). Ф.Д.Морозов, покинувший родное село под Симбирском как раз 25-го октября 1917 года, по справедливости может быть назван **первым эмигрантом Октябрьской революции**. После попыток осесть в Китае (Харбин) и в Америке (Сиэтл), он в 1925 году обосновался в Кобе, где уже через год открыл производство шоколада и конфет, заложив тем самым основы двух крупных самостоятельных кондитерских компаний, существующих в Японии и в настоящее время. В старости, передав управление сыну, он поселился в деревне неподалеку, где в середине 50-х годов начал диктовать внукам свои мемуары. Морозов прожил долгую жизнь (он умер в возрасте 91 года) и успел дождаться нового подъема и подлинного расцвета своей фирмы, теперь уже под названием «Космополитан», управляемой сначала его сыном В.Ф.Морозовым, а впоследствии – внуком В.В.Морозовым.

Рядом с могилой Ф.Д.Морозова похоронен его сват, Сергей Дмитриевич Тарасенко (1880–1981), тоже русский купец, «последний защитник Порт-Артура», как гласит надпись на могильном камне. Так же называлась радиопередача о нем, подготовленная еще при жизни ветерана к 70-летию падения крепости, в 1975 году, на мюнхенской радиостанции «Свобода».

Здесь же похоронен журналист и писатель Н.П.Матвеев (Амурский), которого принято считать первым иностранцем, рожденным в Японии после прекращения ею политики изоляции (его отец служил в русском консульстве в Хакодате). Рядом с могилой Матвеева похоронен профессор П.П.фон-Веймарн (1879–1935), русский ученый из Петергофа. Горный инженер, действительный статский советник фон-Веймарн был известен научными трудами в области химии. Он

стал знаменит в Японии своими исследованиями свойств целлюлоида, работая в лаборатории целлюлоидной пластики в Осака.

Нельзя обойти вниманием Ореста Викторовича Плетнера (1892–1970), который вместе с братом Олегом некогда учился в Санкт-Петербургском университете на японско-китайском отделении, а позднее находился на стажировке в Японии – одновременно с выдающимися впоследствии исследователями Н.А.Невским, Н.И.Конрадом. С Невским Плетнер тесно общался и дружил в последующие годы, когда оба они работали преподавателями русского языка в различных университетах Японии. В отличие от своего брата и Н.А.Невского, Орест Викторович не вернулся в Советскую Россию. О.В.Плетнер проживал в Японии, и в течение ряда лет во Вьетнаме, откуда после войны вернулся в Японию, где продолжал работать в местных университетах. Выдающийся лингвист, специалист по фонетике японского языка и его диалектологии, он написал ряд работ по этим проблемам.

К российским захоронениям на Иностранном кладбище относится и могила Самуила Иваницкого (1891–1975), более известного в Кобе как «Сэм Эванс». Одесский еврей, уехавший из России еще до революции, стремясь избежать воинской повинности, в Японии он появился около 1916 года, то есть раньше большинства эмигрантов. Осев в Кобе и сменив имя, С.Эванс занялся торговлей. Эванс, прожив в Японии много лет, получил со временем японское гражданство, что неожиданно оказалось причиной возникновения у него ряда проблем сразу после капитуляции Японии и окончания войны, так как оккупационные власти обращались теперь с ним как с «японцем», что лишало его льгот, доступных прочим эмигрантам как «лицам без гражданства». В дальнейшем, однако, ему удалось поправить свой бизнес.

6. Заключение

В целом можно утверждать, что русская диаспора в Японии, несмотря на свою малочисленность, сумела стать заметным явлением в экономической и общественной жизни страны. Это тем более удивительно, что не имея исходно в своих рядах личностей уровня И.Бунина, И.Сикорского, Ф.Шаляпина и состоя в основном из представителей низших сословий, лишенных (в отличие от европейской и американской ветвей эмиграции) реальной поддержки со стороны международных и местных организаций, эмигранты в Японии могли

рассчитывать исключительно на собственные силы и способности. И тем не менее они добились успеха, проявив при этом творчество, мужество и созидательную деятельность. Хотелось бы также добавить, что хотя не все из российских резидентов сумели состояться и «быть кем-то» в период, предшествовавший их поселению в Японии, но зачастую многие из них «стали кем-то», уже живя в эмиграции, обрели здесь подлинное имя и известность, что также подчеркивает своеобразие этой ветви российской зарубежной диаспоры.

Библиография

1. Балакшин П.П. Финал в Китае. В 2-х тт. Сан-Франциско, 1958–1959.
2. Бюллетень Игуд Иоцей Син. Тель-Авив. 1997, №35.
3. Kobe-no rekishi [History of Kobe]. Kobe City Hall, Dec. 1981, No5.
4. Kobe-shi shi [History of the city of Kobe]. Kobe, 1965, 1971.
5. Курата Юка. Российская эмиграция в Японии между двумя мировыми войнами: динамика, численность и состав. – Acta Slavica Iaponica, Tomus XIV, Sapporo, 1996.
6. Parker, Ryan. An Islamic icon. – Kansai Time Out, №11, 2005.
7. Подалко П.Э. Япония в судьбах россиян. Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. М., Крафт+, 2004.
8. Sawada Kazuhiko. Hakkei roshiajin-to Nihon bunka. [White Russians and Japanese Culture]. Seibunsha, 2007.
9. Шрейдер Д.И. Япония и японцы. Токио, 1988 (репринт).
10. Williams, Harold S. Tales of the Foreign Settlements in Japan. Charles E. Tuttle Co., Tokyo, 1972.

Рис. 1. Российская часть Иностранного кладбища в Кобе (фото автора)

Рис. 2. Татарская диаспора в Кобе (фото из книги: Sawada Kazuhiko. *Hakkei roshiajin-to Nihon bunka*. [White Russians and Japanese Culture]. Seibunsha, 2007, с. 147

Приложение №2

1) Список россиян, погибших или пропавших без вести во время Кантоского землетрясения 1 сентября 1923 г.

1. Абрахманова Биби Хавер
2. Абрахманова Рамзея 1-летн.
3. Агафуров Нареддин Зареддинович
4. Агафурова Софья Исламова
5. Аитов Шаукат 1-летн.
6. Афанасьева Лариса Гавриловна
7. Афанасьева Наталия 10-летн.
8. Бергман, дети: Антонина, Вера, Раиса, Леонид
9. Блонский Иван Яковлевич Др.
10. Блонская Татьяна внучка Гурко-Осмольяненко
11. Боксер Рахиль Ильинична
12. Боксер Матвей 11 мес.
13. Бусыгин Михаил Михайлович
14. Бусыгина Варвара Александровна
15. Ваганова Биби Хадига
16. Ваганова Хаузия Хиалитдиновна
17. Ваганов Ахмет Ясовей
18. Ванштейн Александр Иосифович
19. Ванштейн Софья Петровна
20. Виницкий Владимир Ефимович
21. Власьевская Валентина Александровна
22. Власьевская Зоя 11-летн.
23. Гафарова Мариам 1 год
24. Гордон Клара Борисовна

25. Густарина Марья Дмитриевна
26. Довголевич Марья Васильевна
27. Земляков Владимир Иванович – умер и похоронен в Кобе
28. Кациенко Маргарита 13 лет
29. Криводушева – по-видимому, приезжая. Жила в Натори отель.
30. Криводушева – маленькая девочка
31. Курляндская Фрида
32. Ледер Нина Ивановна
33. Лысова Мария
34. Обедин Алексей Никифорович
35. Орделли – артист
36. Павленко Иван Николаевич – артист
37. Парре Лев Александрович – финляндский гражданин
38. Пивоваров Андрей
39. Попировник Иван Иванович 12 лет
40. Прозоровская Сусанна Федоровна
41. Птицына Вера Филипповна
42. Русин
43. Русина
44. Рьдник Софья Семеновна
45. Свидерский Аввакум Аввакумович
46. Сергеева Елена Федоровна
47. Сергеева Елена Николаевна
48. Серебренникова
49. ребенок
50. ребенок
51. Сокольников Николай Павлович
52. Стучинский
53. Сурачев
54. Сурачева
55. Толстая-Милославская Татьяна Михайловна
56. Урванцев Федот Степанович
57. Хрещатицкий Алексей 13 лет
58. Червянская Евгения Иосифовна
59. Шитикова Тамара Александровна

2) Список россиян, получивших ранения и/или увечья во время Кантоского землетрясения 1 сентября 1923 г.

1. Ваганова Фатима – ранена в голову
2. Вильм Артур Карлович – повреждена правая рука
3. Власьевский Лев Филиппьевич – ранена нога
4. Шер Лидия Борисовна – сломана нога
5. Шистовская – сломана нога

Примечание: Оба списка составлены в посольстве бывшей Российской империи в Токио 23 октября 1923 г. Все данные приводятся с сохранением стиля оригинала, находящегося в Институте Гувера, Университет Стэнфорд, США (See: Reports of the Russian Representatives in Japan, Hoover Institution Archives, Stanford USA)

Приложение №3

Список россиян, вывезенных из Токио и Иокогамы в Кобе 12–14 сентября 1923 г. (По материалам из Архива Музея Русской культуры в Сан-Франциско. Оригиналы составлены на английском языке)

Пароход «Императрица Канады», прибыл в Кобе 5 сентября 1923 г.

1. Апкара Д.А. (жен.) – армянка.
2. Апкара М. (жен.) – армянка.
3. Альхович А. (жен.)
4. Агафуров – 4 чел.
5. Бородин С.
6. Бекелов – 2 чел.
7. Беренов С.
8. Биткер И.
9. Беркенфельд А. (жен.)
10. Бертуллис М. (жен.)
11. Черновецкий – 4 чел.

Итого: 18 чел.

**Пароход «Императрица Австралии»,
прибыл в Кобе 10 сентября 1923 г.**

1. Аурих В.
2. Агафурова
3. Боровский П.
4. Бойчук К. (жен.)
5. Башкирова
6. Бесков – 3 чел.
7. Березняков Б.В.
8. Домиева
9. Галич Т.
10. Гралич (жен.)
11. Мижургина
12. Матов К.
13. Максимович С.
14. Саваров

15. Шервина Е.В.
16. Славинская – 2 чел.
17. Стемпинская
18. Варфоломеев Н.С.
19. Вознесенский Арсен

Итого: 22 чел.

Пароход «Президент Джефферсон» (даты прибытия нет)

1. Агафуров Е.
2. Агарова – 3 чел. (из Сан-Франциско)
3. Базиль В.
4. Демьянов
5. Бусугин В.

Итого: 6 чел.

Пароход «Донгола» (даты прибытия нет)

1. Абдрахманов – 3 чел.
2. Аитов – 2 чел.
3. Берман – 4 чел.
4. Червлянский Н.Х.
5. Федоренко Н. (муж.)
6. Гафаров Х.
7. Геллер П. (муж.)
8. Бон?трик, генерал-майор
9. неизв.
10. неизв
11. неизв.
12. Крупин В.
13. неизв.
14. Ловако (муж.)
15. Макаров
16. Фон-Мейер Е.
17. неизв.
18. неизв.
19. москвич
20. Николаева М.
21. Павлова
22. неизв

Итого: 28 чел.

Пароход «Андрэ Лебон», прибыл в Кобе 12 сентября 1923 г.

1. Агаджан – 6 чел.
 2. Бойко – 4 чел.
 3. Папаян
 4. Реймерс – мать и дочь.
 5. Фитова Е.
 6. Толстой – 2 чел.
 7. Лури (муж.)
 8. Шелковелев – 2 чел.
 9. Оверин
 10. Куликова
 11. Александров – 2 чел.
 12. Суromин – мать и сын
 13. Костин – 2 чел.
 14. Бауман
 15. Петра – 2 чел.
 16. Боровский
 17. Ярдволев – 4 чел.
 18. Киминдров – 3 чел.
 19. Раимов – 4 чел.
 20. Ротяский
 21. Галстян – 2 чел.
 22. Власьерский – 2 чел.
 23. Сокольский – 2 чел
 24. Ларёв – 2 чел.
 25. Кудрявцева
 26. Папазян
- Итого:* 53 чел.

**Пароход «Президент Вильсон»,
прибыл в Кобе 13 сентября 1923 г.**

1. Фунодворева. Н.
 2. Фунодворева
 3. Гозов А.
 4. Яник М. (жен.)
 5. Сегов Н.
 6. Сидель (Зидель?) Б. (жен.)
 7. Совалив И.В.
- Итого:* 7 чел.

Пароход «Президент Мак-Кинли», прибыл в Кобе 14 сентября 1923 г.

1. Ассанович (муж.)
2. Ассанович (жен.)
3. Кобсников Е.
4. Осипов Н.
5. Заневский С.Б.
6. Заневская Е.Б.
7. Ячменков М.

Итого: 7 чел.

Прочие лица, временно оказавшиеся в Кобе (в том числе доставленные военными судами)

1. Докулая	30. Мочолина З.
2. Елагина Е.	31. Никитин Д.
3. Куликова	32. Никитин А.
4. Гершкович – семья	33. Никитина О.
5. Окороков – семья 8 чел.	34. Сторожков – 2 чел.
6. Овчинников – семья	35. Шотов В.
7. Матов – 2 чел.	36. Шорохов М.
8. Саканова – семья	37. Шленко А.П. (жен.)
9. Шитиков – семья	38. Словинский Ф.С.
10. Склерова	39. Шогонин Д.
11. Соколов – 4 чел.	40. Стревин И.А.
12. Свидерский	41. Трегубова С.
13. Усков-Николаевский	42. Нацвалова – 2 чел.
14. Усков	43. Нацвалов П.
15. Толстой-Милославский	44. Исангулов Яриф
16. Куликов Е.	45. Девлет Кильдеев, Хранинц
(муж.)
17. Кузовский	46. Ульзулиев И.
18. Кивиорсовский	47. Ульрих – 2 чел.
19. Павловская	48. Варгазов – 2 чел.
20. Портодзов	49. Вильм М.А.
21. Папазян П.М.	50. Верлин С.
22. Романченко Е. (жен.)	51. Юссим М.
23. Говерог – 2 чел.	52. Елловиц (муж.)
24. Хлебникова – 2 чел.	53. Юдгенс (муж.)
25. Левицкий Е.Л.	54. Шмотин В.
26. Мезинов К.	55. Крынская Ольга
27. Мезинов И.	56. Гафарова М.
28. Микулучин Е.	57. Курляндская – 5 чел.
29. Мочолина Е.	

58. Моргин – 7 чел.	80. Тесманицкая – 3 чел.
59. Оверин Б.	81. Урусов Г. – семья.
60. Рахимов – 4 чел.	82. Урусов Б.
61. Реймерс – 3 чел.	83. Видингоф, барон, 2 чел.
(Анатоль и Вера)
62. Шелковников – 2 чел.	84. Валхонтреф (муж.)
63. Симонова	85. Золото Д.И.
64. Титова Ф.	86. Федотьев А.
65. Власьевская – 2 чел.	87. Филотов Ф.
66. Тушков	88. Фигуэйредо М. (жен.)
67. Заноддорова	89. Голчолк – 3 чел.
68. Урусова О., княгиня.	90. Горин А.
69. Пфитцен В. (муж.)	91. Грицина – 2 чел.
70. Продержицкий Х.	92. Горовиц – 3 чел.
71. Ренкевич – 3 чел.	93. Игнатов Е.А.
72. Ропылов – 2 чел.	94. Капцан – 6 чел.
73. Рьдник О. (муж.)	95. Клур А. (жен.)
74. Ставеровский – 2 чел.	96. Козлов – 2 чел.
75. Шитиков Н. – 2 чел.	97. Лури (жен.)
76. Шустров О. – 2 чел.	98. Ячмеников – 2 чел.
77. Смольянинов – 2 чел.	
78. Соколова Е.	
79. Шистонская Н. – 2 чел.	<i>Итого: св. 150 чел.</i>

Приложение №4

«Русские могилы» в Кобе (по материалам полевых исследований автора):

1. Антонианс Юзефа (1921–1973)
2. Антоновъ Иванъ (–12/1/1903)
3. Аратенко (–10/5/1906)
4. Ариф Максуди Фейзуррахман (Уфа)
5. Аурих Зинаида Петрона (17/9/1910–31/1/1945)
6. Аурих William John 14/3/1891–9/7/1962)
7. Бабенко Евгений Павлович (24/12/1890–2/4/1928)
8. Бабенко Сережа (31/10/1908–1/3/1934)
9. Бакшеева Вера Ив. (1878–1961)
10. Баранец Раиса Феодоровна (8/4/1921–6/7/1948)
11. Баранец Федор Маркович (– 1947)
12. Батенин Александр Михайлович (26/6/1884–21/6/1952)
13. Бермонт Антонина (–19/9/1923)
14. Бермонт Вера (–19/9/1923)
15. Бермонт Леонид (–19/9/1923)

16. Бермонт Раиса (–19/9/1923)
17. Борисов Константин Матвеевич (1878–1935)
18. Булыгин Тимофей (6/6/1868–10/11/1894)
19. Васкевич Павел Юрьевич (16/12/1876–29/3/1958)
20. Васьков А.И. (30/3/1891–10/9/1958)
21. Вертинский Жозеф Григорьевич (–25/1/1921)
22. Витте Владимир Павлович
23. Вихирев Сергей Иванович
24. Вольхин Иоанн Сергеевич (2/4/1894–6/5/1990)
25. Вольхина Ксения Григорьевна (6/2/1888–30/1/1975)
26. Галич Иван (–6/11/1933)
27. Гацко Алексей Адамович (18/11/1896–17/12/1981)
28. Голованов Владимир Михайлович (1894–1949)
29. Григорьев Аркадий К. (Г.?) (2/6/1900–18/9/1967)
30. Dick Vera (4/6/1935–6/6/1935)
31. Дмитриев Дмитрий Дмитриевич (1/11/1885–24/6/1950)
32. Дмитриев Владимир Петрович (–22/2/1924)
33. Dmitrieff Elena (7/1/1902–25/8/1996)
34. Dmitrieff Olga (16/2/1926–31/8/1996)
35. Dmitrieff Maria (26/3/1920–)
36. Добровольская Мария
37. Evans Sam (Самуил Иваницкий, Одесса) (15/2/1891–10/10/1975)
38. Ездошнин (?) И.К. (–12/5/1921)
39. Звягинцева Евдокия Васильевна (–1932)
40. Зирн(Zirn) Надя Анна (Иркутск) (5/5/1904–14/7/1994)
41. Злыгостев Василий Петрович (19/1/1879–21/10/1945)
42. Зубарев Алексей (18/8/1899–31/8/1963)
43. Иванова Александра В.(15/3/1884–26/12/1961)
44. Калинин Фаня-Урман (Одесса) (19/3/1888–9/9/1940)
45. Кантор Бенцион (Николаев) (14/2/1878–20/12/1941)
46. Карь Митя (20/12/1925–23/12/1925)
47. Каринь Радион Степанович (–13/8/1918)
48. Катаринь Влас (–25/1/1930)
49. Килки Тахира (Пенза) (2/2/1908–31/12/1969)
50. Клыков Василий Яковлевич (1874–1934), мещанин г.Чистополь (Казанской губернии)
51. Козюков Павел Максимович (1/9/1899–19/10/1989)
52. Коковин Михаил Михайлович (3/11/1885–6/5/1940)
53. Коковина Лидия Васильевна (2/1/1874–10/4/1952)
54. Колберг Якоб (Одесса) (11/11/1904–19/2/1975)
55. Колберг Ханна Рейса (Киев) (1/7/1882–18/5/1960)
56. Коноплев Сергей Владимирович (1879–7/1936)
57. Кохановский Виктор Юрьевич (Юльевич?) (–23/9/1926)

58. Кравцов Сергей Давыдович (ум. 6/4/1931)
59. Краино Сеня (-6/8/1927)
60. Крайнов Павел Григорьевич (6/11/1885–17/2/1953)
61. Красильников Александр Иванович (25/11/1889–10/1/1977)
62. Красильникова Елена Михайловна (25/5/1903–3/1/1973)
63. Крюков Алексей (Александр?) Петрович (1875–9/12/1936)
64. Крюкова Антонина Петровна, сестра (1878–29/12/1944)
65. Крынская Ольга Е. (7/11/1889–16/5/1967)
66. Кубайчук Клавдия (Бобкова С.) (2/4/1886–16/10/1992)
67. Кубайчук Трофим Ерофеевич (5/8/1897–5/3/1976)
68. Купилко Евгения Константиновна (22/2/1910–199(?)5)
69. Купилко Клавдия Фоковна
70. Кусакова Анна (3/2/1907–5/7/1999)
71. Kusnikoff (Kusmikoff?) P.V. (1892–1947)
72. Компаньон Мария Димитриевна (-1931)
73. Лазарев Константин Корнилович (1864–1963)
74. Лазарева Елизавета Ивановна (1887–1965)
75. Лаптев А. Романович (1920/5/1900–25/8/1973)
76. Ломаев Андрей Лукич (-5/1/1945)
77. Ломанов (? неразб.) Алексей Алексеевич (-1945)
78. Макаров Борис Александрович, полковник (9/4/1875–3/4/1949)
79. Макарова Мария Викторовна
80. Малинин Евгений Дмитриевич (-29/1/1923)
81. Малинина Анна Михайловна (-20/6/1958)
82. Малинина Вера Евгеньевна (1923–22/5/2001)
83. Малкова Татьяна (-9/1924)
84. Марич З.Д. (1/1884–2/1942)
85. Марич Виктория (1/1948–6/1948)
86. Матвеев Николай Петрович (3/11/1865–10/2/1941)
87. Матвеева, бабушка (?) (безым., неразб.) (-1924)
88. Медведев Иван (-14/4/1878), канонир с «Баяна»
89. Мейерис Н.Д. (5/9/1899–7/9/1964)
90. Мельников Алексей Матвеевич (-1931)
91. Мине. (?) (Минс-?) Евгений Федорович, священник (-1975)
92. Мищенко Иван Никанорович (31/10/1873–12/8/1944)
93. Морозов Федор Дмитриевич (9/1880–12/3/1971)
94. Морозова Дарья Николаевна (1/4/1882–22/8/1944)
95. Морозов Валентин Федорович (3/3/1911–1999)
96. Морозова Ольга Сергеевна (1913–2007)
97. Мухаммеди Ахмеди (Казань) ((1883–1963)
98. Нагирина (Негирина?) Александра (неразб.) (-7/1910)
99. Никишины (?) (спите спокойно, дорогие наши деточки)
100. Окунев (-7/12/1917)

101. Орлом(иноение?, неразб., англ.) Леонид Васильевич (–1940 ?)
102. Осипов Николай Владимирович (–18/4/1925, 47лет)
103. Павлова Аллочка (8/6/1936–18/4/1940)
104. Парашутин Федор Михайлович (2/1/1895–27/11/1984)
105. Парашутина Александра Николаевна (15/11/1902–18/7/1980)
106. Плетнер Орест Викторович (26/7/1892–29/1/1970)
107. Пономарева Евдокия (–1928, 33лет)
108. Попов Иоанн Федорович (15/1/1896–2/1/1967)
109. Попова Марфа Димитриевна (12/9/1907–24/12/1976)
110. Порошин Николай Феоктистович (23/11/1903–30/6/1988)
111. Порядкина Анна Петровна (–1913, 56лет)
112. Рогалев (–1927)
113. Романов (–30/8/1918)
114. Рутин Александр Михайлович (1/11/1865–16/4/1932)
115. Рутин Фанни, жена (17/2/1875–23/5/1947)
116. Савельев Константин Сергеевич (1/6/1886–23/4/1961)
117. Садри Ариф (Гариф?, Казань) (1/10/1899–1/5/1955)
118. Сакураги Зоя Ивановна (1909–2003)
119. Саховская Екатерина А. (18/11/1899–11/2/1966)
120. Сведов-Субботин(?) Александр Васильевич (8/1853–3/1935)
121. Сейид Абдул-Каюм Касим (Бухара) (28/12/1885–28/1/1959)
122. Серденкова(Серденкова?) Параскева Ефимовна (10/1897–9/1963)
123. Сидоренко Дарья Исаевна (1/4/1902–11/9/1966)
124. Симонова Мария Николаевна (1/3/1884–4/8/1957)
125. Скапчук (Скобчук?) Григорий (–8/5/1910)
126. Скожинский Иван Николаевич (–25/5/1929)
127. Скородумова Ирина Витальевна (2/10/1913–11/5/1973)
128. Скородумов Виталий Александрович (5/5/1880–9/6/1932), вице-консул Кобе 1924–1925.
129. (м.б., тоже) Анатолия Павловна (28/10/1892–28/2/1961) (мама, бабушка)
130. Смирницкий Николай С. (18/9/1903–21/8/1966)
131. Соколовский Вячеслав Адольфович (1888–21/3/1953)
132. Стадник Софья Антоновна (19/2/1893–8/9/1969)
133. Стариков Валериан (–9/4/1989)
134. Старикова Елизавета Петровна (4/9/1907–4/3/1946)
135. Старков Алие (Турция) (9/1918–12/1977)
136. Старков Махмуд (Турция) (19/7/1923–27/8/1977)
137. Старков Энвер (Турция) (9/7/1913–22/4/1978)
138. Suruff (Suroff?) U.S. スールフ (スーロフ?)
139. Тарасенко Анастасия Андреевна (1895–1984)
140. Тарасенко Сергей Дмитриевич (1880–1981) – Защитник Порт-Артура

141. Терентьевых Борис Антонович (17/6/1902–2/1/1944)
142. Торганова Александра Васильевна – даты неразб.
143. Trainin Wulf A. (Витебск) (–19/1/1946)
144. Удаевич (Юдаевич?) Элка М. (30/1/1890–31/12/1956) (Маринск)
145. Урванцева Марфа Степановна (9/6/1876–27/6/1954)
146. Фокина Прасковья Григорьевна (1872–18/7/1898)
147. Фоменко Михаил Николаевич (1870? –9/9/1939, 69лет)
148. Фон-Веймарн Надежда Николаевна (–21/1/1964) (род. Кронштадт)
149. Фон-Веймарн Петр Петрович (18/6/1879–2/6/1935) — род. Петергоф, ум. Шанхай, профессор химии, действительный статский советник, горный инженер.
150. Ханжина Акилина Е. (13/6/1879–2/1/1960)
151. Харитон(?) Charitan P. (неразб.) (1868–1939)
152. Ходоковский, отец Григорий (26/11/1879–24/8/1950) протоиерей
153. Ходоковская, Валерия Ивановна (20/6/1879–21/7/1949), матушка
154. Хустов Петр Прокофьевич (20/8/1888–3/8/1957)
155. Хутарева Людмила Дмитриевна (–15/9/1970)
156. Цогоев Григорий Иванович (3/5/1894–22/9/1945)
157. Цогоева Тамара Александровна (5/10/1919–9/10/1944)
158. Черников Николай Михайлович
159. Швец Дмитрий Никитич (8/11/1884–18/11/1934)
160. Швец Ефросинья Георгиевна (28/2/1885–20/12/1975)
- 161 Sheruff V.B.
162. Шрубак Ксения Леонидовна (1/1890–7/1940)
163. Щепкова Александра Александровна (15/12/1875–4/8/1946)
164. Щербаков Василий
165. Юшков Игорь В. (25/7/1939–11/7/1942)
166. Юшков Константин Яковлевич (3/6/1911–12/6/1934)
167. Юшков Яков В. (19/10/1888–2/27/1981), папа, дедушка
168. Юшкова З.И. (11/12/1888–2/27/1981)
169. Якубенко Григорий Ильич (19/1/1886–8/9/1941)
170. Якубовская Валентина (12/1892–28/1/1921)
171. Musfeld, Nadiya (27/11/1897–3/7/1987)
172. Kowalski Nora (1918–1922)

Примечание: В представленном выше списке отсутствуют случаи, в которых идентификация могилы представляется автору спорной по тем или иным причинам.

Лейсан Гибадуллина

Два поэта со схожей судьбой – Габдулла Тукай и Исикава Такубоку

Leisan Gibadullina

Two poets with similar destiny – Gabdulla Tukai and Ishikawa Takuboku

On the whole, it is said that there is no people with similar destiny and each person's life is unique. Although to some extent I do agree with this phrase, today I would like to present you lives of two poets each of who is well-known by their nations. One is Gabdulla Tukai who is, I dare to say, is the most famous and the most loved by Tatar nation. He represents himself Tatar culture, it is very hard to find a person who is interested in Tatar nation and does not aware of Tukai. Without Tukai it is hard to imagine Tatar nation's culture. And the other is Ishikawa Takuboku- one of the most well-known Japanese poets of the beginning of the 20th century, who is one of the most essential part of Japanese tanka poems. His poems are also been translated to Russian.

В целом говорят, что не существует двух людей с одинаковой линией судьбы, и судьба каждого человека по-своему уникальна. Хоть в некоторой степени я и согласна с этим, но сегодня хотелось бы привести обратный пример и рассказать о двух личностях, история жизни которых схожа друг с другом, каждый из которых любим и почитаем своей родной нацией. Один из них – Габдулла Тукай, который, осмелюсь сказать, самый знаменитый представитель татарской культуры и самый любимый поэт татарской нации. Он символизирует собой татарскую культуру, трудно найти человека, интересующегося татарской культурой и не знакомого с его творчеством. Другой – Исикава Такубоку – один из самых знаменитых представителей японской поэзии начала XX века. Его поэмы были также переведены и на русский язык.

Тяжело рассуждать о значении и символике поэмы, не зная о жизни и судьбе поэта, написавшего ее. Таким образом, начав изучать биографию Исикава Такубоку, с удивлением обнаружилось значительное количество схожих моментов с судьбой Габдуллы Тукая, о жизни которого практически каждый татарин знает с детства.

В Татарстане много мест, напоминающих о поэте Тукае. Это и сквер, и станция метрополитена, и Тукаевский район республики Татарстан. Татары и русские, обучающиеся в школах республики, с детства изучают его биографию и творчество, начиная с начальной школы. И в бывших республиках СССР, где проживает большое количество представителей татарской нации, есть улицы, названные в честь поэта – в Казахстане, в Узбекистане. «Габдулла Тукай – это один из тех немногих, кого можно назвать монументальной личностью, принадлежащей всему тюркскому миру»¹, так говорят о нем представители турецкой нации. Именно Габдулла Тукай оказал влияние на развитие как узбекской, так и казахской литературы, что признается представителями этих наций. Являясь представителем татарской культуры и тюркского мира, трудно было полагать, что в другой части света творит поэт судьбой и творчеством, напоминающий Тукая. Однако, по мере изучения японской поэзии, оказалось, что такой человек действительно существовал.

Теперь хотелось бы рассмотреть судьбы поэтов отдельно, сопоставив их, и исследовать схожие моменты в судьбе и творчестве.

Тукай родился 14 апреля (по старому стилю 26 апреля) 1886 года. Его отец был муллой в деревне Кушлавич. Отец умер, когда сыну было пять месяцев от роду, а через три года и мать покинула наш мир. Он воспитывался несколькими семьями, как в Казани, так и в деревнях Татарстана, из которых самой известной является деревня Кырлай, благодаря ее обессмертиванию в поэме «Шурале», пожалуй, самой известной поэме Тукая. В этой поэме он выразил любовь к своему народу и благодарность к родной земле, описав природу родного края и людей, окружающих его с детства. С самых малых лет Габдулла Тукай проникся жизнью татарского народа и пронес любовь и привязанность к нему через всю свою жизнь, посвятив ему поэмы, он не раз возвращался к описанию жизни простого народа в своих произведениях.

Исикава Такубоку (настоящее имя Хадзиме) родился 20 февраля 1886 года в небольшой деревушке Хиното, префектура Ивате, на северо-востоке Японии. Его отец был священником в деревне. Через год после рождения ребенка семья переехала в соседнюю деревушку Сибутами, где он и воспитывался. Исикава поступил в школу Мо-

¹ Из выступления Шюкрю Халук Акалын «Габдулла Тукай и Турция» на Международной научной конференции, посвященной 125-летию татарского поэта Габдуллы Тукая (Казань, 2011).

риока, здесь он познакомился с творчеством поэтессы Есано Акико и сам заинтересовался поэзией. В 1902 году поэт покинул Сибутами и переехал в столицу Токио, но спустя год вернулся обратно на Родину, где начал писать первые поэмы, восхваляющие родную землю.

Первые танка (31-слоговая пятистрочная японская стихотворная форма), написанные Исикава, были опубликованы в 1902 году в журнале «Муоцѳоу» (Звезда). В 1905 году он издает первый сборник поэм – «Желание». В том же году Тукай публикует свой сборник в газете «Яна гасыр» (Новый век).

Исикава некоторое время работал в одной из самых массовых газет Японии «Асахи Симбун», в то время как Тукай сотрудничал с «Яшен» (Молния) и «Эл-ислах» (Реформа).

Исикава умер 13 апреля 1912 года от туберкулеза. Тукай покинул наш мир через год, 15 апреля, вследствие той же болезни. Обоим было по 26 лет.

Теперь хотелось бы проанализировать отрывки из поэм двух поэтов.

Выше уже была упомянута поэма Тукай «Шурале». Шурале – это нечто вроде русского лешего, существо, покрытое мехом, с длинными и тонкими пальцами, которыми он любит щекотать людей до смерти. Поэма начинается с описания деревни Кырлай, где провел детство Тукай, приводятся изображения природы, которые переплетаются с воспоминаниями самого поэта. Затем Габдулла Тукай переходит к описанию джигита (молодого парня). Он отправился за дровами в лес и встретился с Шурале, который намеревался «поиграть» с ним, но в итоге сам пал жертвой хитрости и остроумия джигита.

Шурале не был придуман Тукаем, истории о подобных существах, живших в лесах, издревле передавались из уст в уста, но именно Тукай познакомил читателей, в том числе представителей других народов, с этим мифическим героем.

*Русский перевод описания деревни в начале поэмы:
Есть аул вблизи Казани, по названию Кырлай.
Даже куры в том Кырлае петь умеют... Дивный край!
Хоть я родом не оттуда, но любовь к нему хранил,
На земле его работал – сеял, жал и боронил...
Эта сторона лесная вечно в памяти жива.
Бархатистым одеялом расстилается трава...
От малины, земляники все в лесу пестрым-пестро,
Набираешь в миг единый ягод полное ведро.*

*Часто на траве лежал я и глядел на небеса.
Грозной ратью мне казались беспредельные леса...²*

Поэмы Исикава также полны любовью и восхищением родной землей. Вот несколько примеров:

*Как сердцу мил
Родной деревни говор!
На станцию хожу лишь для того,
Чтобы в толпе
Его услышать³.*

Вышеуказанная поэма запечатлена на постаменте одной из самых оживленных станций Токио – Уэно, откуда в родную деревню Исикавы уходил поезд в год его жизни в Токио.

Другие известные стихотворные строки начерчены на памятнике Исикава на острове Хоккайдо.

*На северном берегу,
Где ветер, дыша прибоем,
Летит над грядюю дней,
Цветешь ли ты, как бывало,
Шиповник, и в этом году?⁴*

Отрывок из стихотворения Тукая «Родная деревня»:

*Стоит деревня наша на горке некрутой.
Родник с водой студеной от нас подать рукой.
Мне все вокруг отрадно, мне вкус воды знаком,
Люблю душой и телом я все в краю моем⁵.*

Поэма Исикава о деревне Сибутами:

*Что б ни случилось со мной,
Я не забуду тебя,
Деревня моя Сибутами!
Со мною горы твои!
Со мною реки твои!⁶*

² Перевод на русский язык С.Липкина.

³ Перевод В.Марковой.

⁴ Перевод В.Марковой.

⁵ Перевод В.Тушиновой.

⁶ Перевод В.Марковой.

Трудно переоценить значение Тукая для культуры татарского народа. Очевидно и то, что Исикаву нельзя назвать самым великим поэтом японского народа, но фактически в Японии нет поэта, значение которого можно было бы сравнить с Тукаем. Однако в том, что они оба являются истинными представителями своей нации, сомневаться не приходится. Тукай и Исикава находили вдохновение в своем народе и в природе родной земли. Они выражали любовь и привязанность к своей родине с помощью поэм и стихотворений.

Marat Gibatdinov

The Tatar Materials in the Hattori Shiro Archive and the prospects of research the History of Tatar Education¹

Keywords: Minorities Education, Schools for migrants, education for diaspora, Tatar system of Education, archive materials.

During the previous research in Hattori Shiro Archive in Media centre of Shimane University on July 2014, the more than 200 books related with the Tatar history and culture discovered. The whole catalogue of Tatar part of the Hattori Archive was prepared and will be published soon. Researched documents written in Tatar (on Arab (60 items), Latin (46), Cyrillic (26) alphabets), Turk, Russian, Hungarian, Arab, German, English etc. These books printed in Kazan (39), Ankara (21), Istanbul (23), Berlin (5), Budapest (3) also in Leipzig, Krakow, Helsinki, London, Munich, S. Petersburg. However, part of the books printed by Tatars in Mukden (15), Tokyo (15), Kobe and Harbin have the particular interest for us. Majority of them is educational materials for the Tatar schools established by Tatar migrants in Manchuria and Japan.

The complex of teaching materials include textbooks (Arithmetic, Writing, primary knowledge about Islam), readers of Tatar literature, Alphabet books (Turk-Tatar and Arab ABC-books) etc. And the particularly interesting unique teaching materials: Movable Tatar Alphabet on the Arab graphic, published in Mukden on 1936 and founded by Hattori Shiro during his expedition in Afghanistan.

These books and teaching materials give us a unique chance to reconstruct the system of Tatar education in exile. First we can reconstruct Curricula of these schools, investigate textbooks (authors, teaching methods). We can compare textbooks with those which used in Tatar madrasa before the revolution, in order to see whether continuity in educational tradition exist and which examples Tatar authors in exile use to produce new textbooks. We can examine school buildings not only through the photographs, but also original building still existed in Tokyo and some other places.

¹ The theses of the paper presented on the panel of international conference in Matsue.

The biographies of teachers also can be interesting object for study to discover how Tatar community resolve the problem of choosing and preparing teachers for their schools, as well as the Students memoirs (we still have a chance to interview some of the last eyewitness – the graduates of the Tatar schools in Japan).

This research can be part of the more wide international research project: “Schools of Migrants – Schools of Minorities”. The topic of migrants became extremely urgent last time, especially in Europe, and Tatar experience of integrating in the European (Finland) and Asian (China, Japan) societies can be very useful. This project can help to compeer the history of development and modern situation in the field of education of migrants and minorities groups in the various periods of time and in the different geographical areas around the world: Tatar schools in Japan, Finland, Manchuria; Turkish schools in Germany and other countries; Swedish schools in Finland; Korean schools in Tokyo; Jewish schools out of Israel and Arab schools in Israel; Armenian schools around the world etc. The other relevant cases also can be included.

The following main problems in Minorities Education will be analyzed on example of the different cases:

- Preserving native language and identity
- Religious & Cultural education
- Integration vs assimilation.

Иноуэ Осаму

**Редкие материалы по монголоведению, хранящиеся
в архиве Хаттори Сиро: журнал «FRONT»
и материалы по фонетике монгольского языка¹**

Inoue Osamu

**Rare materials for Mongol studies kept in Hattori Archive:
‘FRONT’ and materials related to phonetic of Mogholian language**

Paper presents unique and rare materials about inner-mongolian intellectuals mid WWII (journal ‘FRONT’) which are kept in Hattori Shiro’s Archive. Among them there are also audiotapes of spoken Mogholian language which were recorded in Afghanistan during the Hattori’ expedition in 1961.

Среди материалов, имеющих отношение к монголоведению и хранящихся в архиве урало-алтайских языков японского лингвиста Хаттори Сиро, который находится в медиа-центре Университета префектуры Симанэ, следует отметить несколько редких и уникальных материалов, представляющих, несомненно, научный интерес. Вслед за монгольским профессором Монгкедалай, который представил материалы, связанные с изучением «Сокровенного сказания монголов», в этой статье мной будут представлены еще несколько материалов.

Японский ученый Хаттори Сиро (1908–1995), яркий представитель японской лингвистической науки, родился в 1908 году в префектуре Миэ. Осознав, что хочет раскрыть истоки происхождения японского языка, он стал изучать лингвистику и языки алтайской группы, а также корейский, монгольский, турецкий, китайский языки на филологическом факультете Токийского университета. После окончания университета в период с 1933 по 1936 год он продолжил исследования группы алтайских языков, в частности монгольского и татарского в северной части Маньчжурии. По возвращению на родину Хаттори Сиро начал работать в качестве преподавателя филологического факультета Токийского университета, в основном продол-

¹ Перевод с японского языка Л.Р.Усмановой.

жая исследования корейского, алтайского и других языков и сконцентрировавшись на изучении и преподавании монгольского языка. Ученый играл ведущую роль в послевоенных лингвистических исследованиях, получив особые результаты в сравнительных исследованиях диалектов японского языка, установив связь корней с языком рюкю (Окинава), а также фонетическую связь японского языка с древнеяпонскими предшественниками.

Среди материалов по монголоведению, хранящихся в архиве урало-алтайских языков Хаттори Сиро Университета префектуры Симанэ, одним из важных материалов, имеющих действительно высокую научную ценность, является иллюстрированный журнал «FPONT», его версия на монгольском языке, два номера из которых посвящены японским военно-морским силам (№1–2) и два – японским сухопутным силам (№3–4).

Журнал «FPONT», выходящий в период с 1942 года по 1945 год, представлен 14 номерами (№1–2, 3–4, 5–6, 7, 8–9, 10–11, 12–13, 14). Он печатался со второго номера издательством «Тохося» и являлся на самом деле группой журналов, издаваемых с целью внешней пропаганды Великой Японской империи. Целью этой группы журналов было распространение пропагандистских материалов о силе, идеях и национальной безопасности Великой Японской империи, направленных на представителей местных народов тех регионов мира, где Япония стремилась оказывать свое влияние. Поэтому это был многоязычный пропагандистский иллюстрированный журнал, переводимый как минимум на 15 языков мира: китайский (мандаринский), английский, немецкий, французский, русский, испанский, датский, португальский, тайский, вьетнамский, датско-индонезийский, англо-индонезийский, монгольский, бирманский и пали.

С 1989 по 1990 год издательство «Хейбонся» издало репринтным способом все номера журнала «FPONT». Однако это не означает, что были изданы все экземпляры номеров на всех издававшихся языках. К счастью, для повторного издания были отобраны номера, посвященные военно-морским силам, на монгольском языке, поэтому для монголоведов было легко достать эти номера. Однако оригинальные номера этого журнала на монгольском языке также хранятся в архиве Хаттори Сиро. Кроме двух оригинальных номеров на монгольском языке в архиве хранятся также номера других версий журнала «FPONT», посвященные военно-морским и сухопутным силам, в частности на русском языке, и номера 5–6, посвященные Маньч-

журской железной дороге, на английском языке. Это очень редкие материалы. Во время войны и после нее многие номера были утеряны. Оригинальные экземпляры монголоязычных версий этого журнала очень редки: нет информации о том, что другие библиотеки мира их имели.

Прекрасно иллюстрированный высококачественными фотографиями журнал представляет исследовательский интерес и с точки зрения изучения влияния японской пропаганды того времени на регион Восточной Азии.

Руководителем редакции и издательства, создававших и печатавших все версии журнала, был историк Ивамура Синобу, который известен своими исследованиями по истории Монгольской империи. Предполагается, что тексты японоязычной и монголоязычной версий писал профессор Хаттори Сиро. Издательство принадлежало «исследовательскому институту Северо-Востока» и имело тесные связи с «институтом национальностей». Японская империя проводила активную национальную политику среди народностей, населяющих колонизируемые территории, поэтому привлекала к осуществлению ее ученых, знавших эти регионы. Естественно, что впоследствии ни Ивамура, ни Хаттори нигде не упоминали о своей деятельности в этом журнале. Однако информация об их деятельности пришла из Китая.

И здесь появляется интересный факт, который представляет интерес в связи с монгольской версией журнала «FPONT». К изданию монгольской версии журнала имеет прямое отношение создатель современной литературы Внутренней Монголии, писатель Сайчунга (Saichunga), автор книг «Родственная душа» и «Родина в пустыни». По признанию Сайчунга, он во время своего обучения в университете Тойо помогал профессору Хаттори переводить статьи журнала «FPONT» на монгольский язык, в частности из номера, посвященного военно-морским силам. Возможно, что и номер, посвященный сухопутным силам, также был сделан Хаттори в сотрудничестве с Сайчунга. Хаттори Сиро никогда и нигде не упоминал о своей работе в редакции журнала «FPONT» вместе с монгольским студентом, однако о том, что они были знакомы с монгольским писателем, он упоминает позже в главе «Фонетические основы чахарского диалекта монгольского языка» в книге «Лингвистические исследования» (1951, с. 68–102). В архиве ученого также хранится копия книги «Родственная душа» с авторской надписью Сайчунга «Мисте-

ру Хаттори». Однако оба, и Хаттори Сиро, и Сайчунга, никогда не встречались в послевоенное время.

Сайчунга серьезно пострадал в период культурной революции в Китае как «пособник японского империализма». И одной из причин его ареста была работа переводчиком в редакции журнала «FPONT», о которой он признался на допросах. В период заключения он заболел раком и скончался в 1973 году. Пострадавший в период культурной революции из-за негативной оценки его прошлого, сегодня Сайчунга высоко оценивается как писатель и основатель современной литературы Внутренней Монголии. В Китае выходят полные сборники его сочинений (в 1999 году вышло полное собрание сочинений писателя), избранные работы и исследования, посвященные его творчеству. Однако в них не упоминается его работа в редакции журнала «FPONT». Два номера журнала, над переводом которых работал в сотрудничестве с японским лингвистом Хаттори Сиро студент, а впоследствии выдающийся писатель Сайчунга, с научной точки зрения являются ценными материалами для изучения истории монголоведения в Японии.

Хаттори Сиро обращался за помощью к носителям монгольского языка и в довоенное время. Так, соавтором Хаттори Сиро при редактировании японской книги «Монгольская версия «Сокровенного сказания монголов», опубликованной в 1939 году, был монгольский ученый Хуасаи Дугаржав (Huasai Dugarjav), который скончался в 2013 году в возрасте 103 лет. В своем интервью, данном в 2004 году, Дугаржав говорил: «Я написал книгу о монгольском языке, я хотел бы увидеть ее...»

Следующим, но не менее важным материалом, хранящимся в архиве Хаттори Сиро, являются «Фонетические материалы по монгольскому языку».

Монгольский язык – язык, на котором разговаривают моголы, представители небольшой народности, проживавшей в центральной и северо-западной части Афганистана. Монгольский язык был впервые представлен миру в работе финского лингвиста Г. Дж. Рамштедта (G.J. Ramstedt), который в 1903 году по дороге из России на восток, на российско-афганской границе встретил двух братьев, говорящих на монгольском языке, и записал их. Рамштедт утверждал, что моголы в обычной жизни для общения используют персидский язык или язык пушту. Монгольский язык с точки зрения лексики и грам-

матики находится под влиянием персидского языка, половина лексического словаря взята из персидского языка.

В 1936 году венгерский ученый Лигети (L.Ligeti) провел свое исследование монгольского языка, но ограничился простыми путевыми записками. А японский исследователь истории Монгольской империи Ивамура Синобу (тот самый издатель журнала «FRONT») до 1954 года, когда он совершил поездку в Афганистан, вообще не упоминал об этом языке. Таким образом, понятно, что исследования монгольского языка до середины 1950-х гг. активно не проводились.

Есть несколько версий относительно того, почему в Афганистане живут монголы. Согласно первой, они являются потомками оставшихся в Афганистане солдат войск Чингисхана, вторгшихся в Афганистан в XIII веке. Однако остается загадкой, где в Афганистане компактно проживают эти потомки. Профессор Киотского университета Ивамура Синобу, посетив в 1954 году Афганистан, получил факты, подтверждающие существование поселков, где проживает монгольское население, которых называют на местном языке «моголами». В 1955 году он совместно с группой ученых (лингвист Ямасак Тадаси, биолог Умесао Тадао) Киотского университета предпринял «Экспедицию в Каракорум и Гиндукуш». Они посетили поселок Зирни в провинции Герат и обнаружили, что жители используют арабскую графику для записывания слов монгольского языка, а также то, что в разговорной речи жители часто употребляют слова персидского языка. Им также удалось сделать аудиозаписи монгольской речи. Материалы экспедиции не были опубликованы, было лишь сообщение о полученных результатах. Чуть позже, в 1961 году, Ямасаки отправился в Тегеран для публикации материалов экспедиции, но неожиданно там скончался. К сожалению, все материалы, в том числе аудиозаписи, которые были с ним, исчезли и до настоящего времени не найдены.

Вслед за профессором Ивамура в экспедицию в Афганистан отправился профессор Хаттори Сиро, которому не удалось принять участие в предыдущей экспедиции. Однако в своей поездке ему удалось сделать 10 часов аудиозаписи монгольского языка. Но результатов своей экспедиции он почему-то не представил, и о существовании таких записей не было известно в течение 40 лет, вплоть до передачи материалов в архив после смерти ученого. Материалы были обнаружены в архиве Хаттори лишь в 2003 году профессором Иноуэ Осаму. Они были скопированы с оригинальных магнитных лент сыном Хат-

тори, профессором Хаттори Асаке, и переданы Университету префектуры Симанэ на хранение. Эти аудиозаписи составляют собой 500 часов разговорного монгольского языка. Это очень редкий, уникальный материал для изучения монгольского языка. Именно эти записи в неразобранном и неисследованном виде хранятся в архиве ученого. Их изучение финансируется сегодня японским государственным грантом (профессоры Иноуэ и Монхдалай входят в эту группу).

После экспедиции Хаттори в течение трех лет с 1969 по 1971 год изучением монгольского языка в Афганистане занимался немецкий ученый Вейерс (M. Weiers). Он смог получить 10 материалов записей монгольского языка на арабской графике по предложенной носителем языка схеме, на основе которых он смог добиться великолепных результатов. Привезенные из Афганистана Вейерсом записи до сих пор хранятся в университете города Бонна. Однако это всего лишь две открытые катушки с магнитными лентами. Такой скудный результат выглядит странным, так как, проведя трехлетние полевые исследования, ученый записал лишь две катушки аудиоматериалов. Возможно, часть материалов также является утерянной. С этой точки зрения 10 часов аудиозаписей, сделанных профессором Хаттори Сиро в 1961 году, представляют собой результат более эффективный и более ценный.

Ценность этих аудиозаписей в том, что монгольский язык является исчезающим языком, а по оценкам ЮНЕСКО – «критически исчезающим». В то время, когда японские ученые проводили свои исследования, на монгольском языке разговаривала лишь небольшая группа пожилых людей. С тех пор прошло 50 лет, возможно, сегодня носителей монгольского языка уже не существует. Таким образом, «материалы по фонетике монгольского языка», хранящиеся в архиве Хаттори Сиро, являются уникальным материалом для передачи человечеству живой речи, живого звука исчезнувшего или исчезающего монгольского языка.

Фото 1. Слева: журнал «FRONT», номер о военно-морских силах, японская версия «Dai-Toua Kensetsu Gahou» (фотовестник строительства Великой Восточной Азии). Справа: номер о военно-морских силах, монгольязычная версия.

Фото 2. Журнал «FRONT», номер о сухопутных войсках. Монголоязычная и русскоязычная версии.

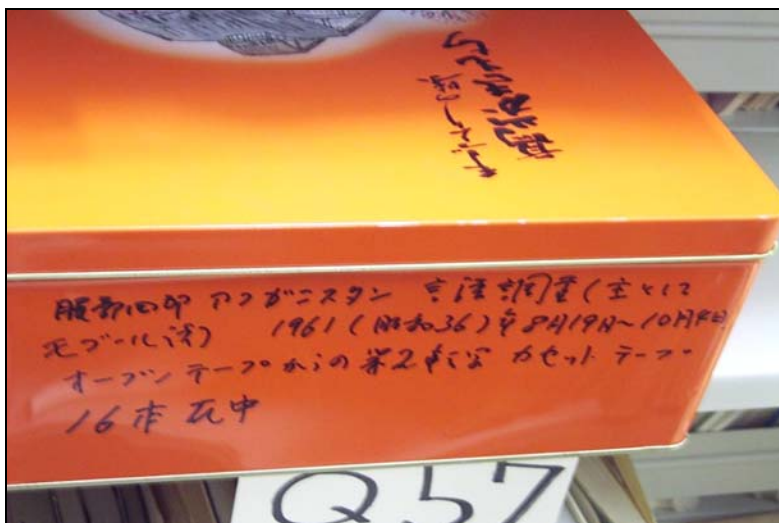

Фото 3. Металлическая коробка с «Материалами по фонетике монгольского языка».

**НАСЛЕДИЕ ТЮРКО-ТАТАРСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

МАТЕРИАЛЫ

Международных Татарстано-Японских семинаров,
посвященных деятельности ученого-тюрколога

Хаттори Сиро (Hattori Siro),

организованных

Институтом истории им. Ш.Марджани АН РТ
и Университетом префектуры Симанэ
в 2014 г. в Москве, Казани и Хамаде

Ёсуке Кусакабе

Уважаемые дамы и господа!

В первую очередь, позвольте выразить искреннюю радость по поводу проведения в Москве Татарстано-Японского международного семинара «Наследие тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке», организованного по инициативе Полномочного представительства Республики Татарстан в Российской Федерации.

Профессор Хаттори Сиро, всемирно известный японский лингвист, был одним из тех, кто заложил основы лингвистики как области науки в Японии. Его вклад в изучение языков урало-алтайской языковой группы и в мировую лингвистику в целом трудно переоценить. Его многолетний труд был оценен самим императором Японии, и в 1983 году ученый стал кавалером Ордена Восходящего Солнца. Для меня большая честь присутствовать на симпозиуме, посвященном деятельности профессора Хаттори Сиро.

Благодаря усилиям и трудам огромного числа людей, данный симпозиум приобрел международный статус. Мне очень приятно видеть в числе участников симпозиума господина Иноуэ Осаму из Университета префектуры Симанэ, а также представителей немецкого Института кавказских, татарских и туркестанских исследований, что, вне всяких сомнений, позволит расширить и обогатить дискуссию по целому ряду направлений. Пользуясь случаем, я хочу выразить почтение заместителю Премьер-министра Республики Татарстан – Ахметшину Равилю Калимулловичу, а также поблагодарить организаторов, участников и всех тех, благодаря усилиям которых стало возможным проведение симпозиума.

В заключение разрешите выразить искреннюю надежду на то, что этот симпозиум, наравне со многими другими мероприятиями, послужит дальнейшему процветанию и углублению японо-татарских отношений.

Благодарю Вас за внимание.

Сабри Тонч Ангылы

*Уважаемые участники, благодарю за приглашение
принять участие в этом прекрасном семинаре.*

Всем нам известно, что между Турцией и Татарстаном существуют крепкие связи, уходящие своими корнями в далекое прошлое. Мы помним и чтим тот ценный вклад, который внесли представители татарской интеллигенции, такие как Юсуф Акчура, Гаяз Исхаки, в создание Турецкой Республики.

Однако менее известен для нас тот факт, что татары помогли в свое время туркам и исламскому миру узнать Дальний Восток и в особенности Японию. Несомненно, что главная роль в этом деле принадлежит Абдуррашиду Ибрагиму. До приезда в Казань я осуществлял свои обязанности в Посольстве Турецкой Республики в Токио, и у меня была возможность посетить могилу уважаемого Абдуррашида Ибрагима. Этот великий мыслитель был одним из первых, кто рассказал о японских традициях и обычаях исламскому миру и в то же время помог японцам узнать исламский мир.

После большевистской революции 1917 года татары, мигрировавшие в Китай, а затем в Японию, открыли мечети и школы в таких крупнейших городах, как Токио и Кобэ. Татарская диаспора в Японии успешно интегрировалась в японское общество и дала этой стране талантливых деятелей искусства, предпринимателей.

Когда в 1950 году Турция воевала в Корею вместе с НАТО, раненые турецкие солдаты вывозились в Японию, а во время их лечения в качестве переводчиков для них выступали татары. Членам татарской диаспоры, которым не было предоставлено японское гражданство, в 1950-х годах было предоставлено гражданство Турецкой Республики. Таким образом, татары, которые были уже гражданами нашей страны, играли очень важную роль в наших взаимоотношениях с Японией.

На сегодняшний день, к сожалению, в Токио проживает не так много представителей татарской диаспоры. Второе и третье поколение, в большинстве случаев, мигрировало в Турцию или США. Однако построенная татарами в одном из красивейших районов Токио и переданная позже Турции мечеть и библиотека при этой мечети, в которой до сих пор хранятся книги на татарском языке, напоминают

нам о том, насколько активно и успешно работали татары в Японии в один из периодов истории.

Думаю, что данная мечеть в Токио будет функционировать и жить долгие годы, как прекрасный символ того, что братство турок и татар может продолжаться и в далеких краях.

Выражаю всем присутствующим свое глубокое уважение.

Николай Сухов

Уважаемые участники семинара!

От имени Федерального агентства Россотрудничество приветствую инициативу, направленную на активизацию российско-японских научных контактов и нашедшую сегодня воплощение в семинаре, посвященном татароведению и тюркологическим студиям в Японии.

Изучение тюркских, включая татарский, и алтайских языков, распространенных на территории современной России, японским ученым имело в своей основе как академический филологический интерес, так и определенные идеологические и политические причины, особенно в период до Второй мировой войны, когда в Китае возникла уникальная татарская эмиграция. В наши дни мне кажется важным сделать вклад Хаттори Сиро в алтаистику и тюркологию известным, как для японцев, знающих его в другом качестве, так и для россиян. К сожалению, многие, даже в научных кругах, не знают о японском ученом Хаттори Сиро, который занимался такими важными направлениями языкознания. Более того, мало кто знает – я имею в виду общественность двух стран – что в Японии была татарская диаспора. Эта проблема перекликается со сферой моих научных интересов – эмиграцией из России в арабские страны, также малоизвестным историческим и социальным феноменом. Такую информацию о гуманитарных контактах и межкультурных связях необходимо доносить до широкого круга людей. Подобные исторические факты дают понять и нам, в России, что мы, народы, живущие в ней бок о бок, объединены долгой совместной историей.

Лариса Усманова

Роль тюрко-татарской эмиграции в распространении ислама на Дальнем Востоке

Уважаемые участники конференции!

Во-первых, хочу вас поблагодарить за то, что вы пришли на наш международный научный семинар. Идея этого семинара была у меня с момента возвращения в Россию из Японии три года назад. И вот благодаря поддержке, прежде всего Института истории АН РТ, представительства РТ в Москве, а также благосклонной моральной поддержке Японского посольства в Москве и Турецкого консульства в Казани, она реализовалась.

Как вы, наверное, уже видели в программе, основной целью семинара является попытка организации академического сотрудничества между РТ и Японскими университетами и научными учреждениями. Пожалуй, ни один другой регион России, кроме исторически сложившихся соседских отношений Дальнего Востока и столицы России – Москвы, не имеет столь серьезных исторических оснований для того, чтобы претендовать на особые отношения с Японией.

Последние 10 лет в Японии, Турции, а также России активно развиваются исследования истории миграционных процессов. Феномен российской эмиграции на Дальний Восток изучается во всем мире, и известно, что эмиграция разнородна по своему этническому составу и политическим предпочтениям. Однако импульс к серьезному пониманию феномена дальневосточной эмиграции дал факт открытия доступа к новым источникам информации в российских и китайских архивах, а также обнаружение материалов в других странах, таких как, например, Япония и США.

Оказалось, что история эмиграции тюркских народов России на Дальний Восток имеет не только свою специфику, но и большое гуманитарное значение. Так, благодаря исследованиям стало понятным, что тюрко-мусульманская эмиграция из России способствовала распространению ислама в этом регионе в начале XX века, процессам экономической и культурной вестернизации, выступая посредником не только между так называемой западной и дальневосточной культурами, но и медиатором между исламской и дальневосточной культурами.

Если удастся создать международный проект, включающий ученых Татарстана и России, Турции, Японии и США, белые страницы истории российско-японских отношений будут заполнены фактами толерантного взаимодействия, пониманием процессов интеграции России и ее многонациональной культуры в регион Дальнего Востока и Тихоокеанский регион. Что, несомненно, приведет к современному сближению и гармонизации межстрановых отношений.

Другая сторона этого проекта выражается в возвращении российскому, в частности, татарскому народу архивных материалов, связанных с историей татарской эмиграции, что представляет не только исторический интерес. Переосмысление истории и возвращение имен забытых соотечественников позволяет народу по-новому самоидентифицироваться, что в нынешнем глобализирующемся мире неизбежно. Размывание традиционных ценностей идет наряду с процессом интеграции разрозненных частей исторического прошлого и процессом поиска новой идентичности, новой идеи развития.

Сегодняшний семинар посвящен памяти выдающегося японско-го лингвиста Хаттори Сиро. Любой японец, более или менее интересующийся развитием собственного языка, знаком с работами этого ученого, который за свою деятельность был удостоен высшей японской награды – ордена Восходящего Солнца. Для нас, представителей российского народа и татарской нации, важен и другой факт, который, возможно, и неизвестен большинству японцев. Хаттори Сиро благодаря единственному браку с Магирой Агеевой, российской эмигранткой, способствовал знакомству японцев с тюркскими языками и историей татар России, а также сохранил немало ценных исторических материалов, связанных с историей татарского народа за пределами родины. Это книги и газеты, например «Милли Байрак», издаваемые дальневосточной тюрко-татарской эмиграцией. О них сегодня подробнее расскажет профессор Иноуэ Осаму. Татарский народ должен быть благодарен Хаттори Сиро и его семье, которые сохранили эти материалы. А также Университету префектуры Симанэ, который сегодня хранит архив профессора в своей библиотеке и произвел оцифровку документов.

Еще один важный момент, который актуализирует тему академического сотрудничества между нашими странами – это приближающийся юбилей тюрко-мусульманской эмиграции в Японии. В 2015 году мусульманская община Японии будет праздновать 80-летний юбилей со дня строительства и открытия первой мечети страны

(мечеть в Кобе, которая до сих пор сохранилась), что ознаменовало тогда признание японским государством исламской религии на всей своей территории. Инициатива строительства принадлежала тюрко-татарской общине, которая была в то время костяком мусульманской общины. Надеюсь, что сегодняшний семинар станет толчком к совместному проекту по активному участию российских мусульман, а также тюркоязычных народов России в юбилейных мероприятиях.

Так как время ограничено, я постараюсь коротко рассказать присутствующим об истории появления тюрко-татар в Японии и их влиянии.

По некоторым данным в первой половине XX века на Дальний Восток эмигрировало около десяти тысяч россиян тюркского происхождения. Многие из них регистрировались как «российские мусульмане», поэтому по документам невозможно было определить, кто это был по национальности – татарин, башкир или кто-то иной. Термин «тюрко-татарская» для обозначения эмиграции представителей тюркоязычных народов России выбран неслучайно. Дело в том, что официальным языком коммуникации внутри общин, а также языком печатных изданий этих общин на Дальнем Востоке, был татарский язык. Во-вторых, этот термин был официально признан принимающей страной, в частности, Японией, что подтверждают документы Министерства иностранных дел. И в-третьих, пресса крупнейшей эмигрантской организации на Дальнем Востоке декларировала самоидентификацию данной общности под названием «тюрко-татарская». Происхождение этого самоназвания также имеет исторические корни. Как свидетельствует Гаяз Исхаки, участник татарского национального движения, а затем и лидер эмиграции, мусульманские съезды 1917 годов «...дали тюркам, населяющим Идель-Урал, новое название, наименовав национальное управление «тюрко-татарским». И поэтому с этого времени все тюрки Идель-Урала начали называться тюрко-татарами...».

Можно выделить пять периодов эмиграции тюркского происхождения из России на Дальний Восток.

Первый период – с начала строительства КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога, 1898 г.) до революции 1917 года. Эмигранты тюркского происхождения, в основном пензенские и казанские татары, так называемые мишары, в 1904 году создали мусульманскую общину города Харбин. Название «*мусульманская община*» подчеркивает существовавшее в начале XX века понятие «*российские мусульма-*

не», когда религиозный фактор превалировал над национальным в самоидентификации российских тюрок. Харбинская мусульманская община привлекла внимание японских военных, которые наблюдали за развитием антигосударственных настроений в России. В свою очередь, война с Японией 1904–1905 годов, поражение России, стимулировавшее революцию 1905 года, дала импульс для развития национальных движений в среде азиатских, в том числе тюркских народов России, надежду на то, что изменится национальная политика или, в крайнем случае, помощь «придет с Востока». Тогда установились первые контакты. В 1906–1907 годах Японию с миссионерскими целями и в поисках поддержки российских мусульман посетил мусульманский деятель Рашид Ибрагим(ов). Ибрагим пытался убедить японцев в том, что ислам выгоден Японии с политической точки зрения. Идея была подхвачена японскими националистами, в частности членами общества «Кокурюкай» (Черного Дракона), которые сознательно приняли ислам. Многие тогда было завязано на военной стратегии Японии, поэтому первыми мусульманами-японцами были сотрудники спецслужб. Так, Ибрагим(ов) лично сопровождал сотрудника военной разведки Японии, первого японского хаджи Котаро Ямаока в Мекку, который после возвращения основал Мусульманскую ассоциацию Японии и начал приобщать японцев к исламу.

Ибрагим(ов) лично внес огромный вклад в распространение информации о Японии в мусульманских странах. После своей поездки в Японию он написал путевые дневники, которые оказали огромное влияние на формирование позитивного имиджа Японии в исламском мире. К сожалению, несмотря на то что книга, являющаяся одним из интереснейших источников информации о Японии периода Мейдзи, переведена как на японский, так и турецкий языки, в России она до сих пор неизвестна. На сегодня в институте востоковедения КФУ осуществляется проект перевода данной книги на русский язык силами кафедры тюркологии. Мы с Дилярой Усмановой готовим ее к изданию. И возможно, обратимся за помощью в ее издании в Японский фонд, а также за поддержкой в российские организации, например, Россотрудничество.

Профессор Токийского университета Хисао Комацу и его жена профессор Университета Цукуба Каори Комацу в послесловии к своему переводу книги Р. Ибрагимова напишут следующее: «Представления Ибрагимова о Японии вскоре стали влиять как минимум на формирование образа Японии в турецком обществе. Мусульманские

интеллектуалы не только осознали чувство близости к описанным Р. Ибрагимовым японцам и Японии, но и, открыв внутри быстро развивающейся Японии модель развития, отличающуюся от европейской, настроились на ожидание изменений в международных отношениях, последовавших за подъемом Японии. С другой стороны, для нас, японцев, также образ Японии периода Мейдзи, увиденный глазами путешественника из другой культуры под названием «исламский мир», действительно представляет большой интерес. В своей книге Ибрагимов проявился как совершенно другой, незападный, нехристианский, культурно отличающийся, общий с нами наблюдатель. Ее действительно можно назвать «встречей Японии периода Мейдзи с исламом».

Хотя утопические цели Рашида Ибрагим(ов)а (уговорить японцев принять ислам в качестве государственной религии) не реализовались, почва для толерантного восприятия мусульманской культуры в Японии, носителями которой впоследствии стали в основном российские мусульмане-эмигранты, была создана. Пожалуй, только тюрко-татарская эмиграция впоследствии (в течение второго, после-революционного периода эмиграции) была столь доброжелательно принята в Японии (в 1927 году они получили право создания национальной школы, в 1935 году им было разрешено построить первую в Японии мечеть в Кобе, в 1936 году – в Нагое, в 1938 году – в Токио. Мечети существуют до сих пор, кроме Нагои). До 1980-х годов имамами мусульманской общины в Токио были казанские татары, в том числе первым ее имамом до своей смерти в 1944 году был и Рашид Ибрагим(ов), похороненный в Токио.

По мнению Сельчук Эсенбель, несколько представителей японских военных и гражданских кругов с азианистской идеологией и их мусульманские друзья сформировали «исламский кружок» в Японии в начале XX века. Эти отношения привели, в конце концов, к принятию японским правительством исламоориентированной политики «кайкё сейсаку», или «кайкёрон», в предвоенный период и к толерантному восприятию тюрко-татарской эмиграции.

Второй период тюрко-мусульманской эмиграции из России охватывает время с начала революции 1917 года до периода 1933–1935 годов. В 1935 году татарских эмигрантов на Дальнем Востоке насчитывалось около десяти тысяч. В это время шел интенсивный процесс образования «мусульманских общин» из числа вынужденных эмигрантов по типу харбинской в Китае, Японии, а после разрушительно-

го землетрясения 1923 года в Токио – и в Корею. Наиболее политически активная часть эмиграции, разочаровавшаяся в возможности создания национальной государственности в Советской России (падение Забулацкой республики в Казани, объявившей Волжско-Уральский штат, а также создание отдельных Башкирской и Татарской республик), основала центр тюрко-татарской эмиграции сначала в Варшаве, а затем и в Берлине. Именно в это время тюркская эмиграция на Дальнем Востоке начала активно участвовать в формировании «исламской политики» Японии – мер, направленных на привлечение внимания со стороны мусульманского мира, особенно в Маньчжурии. Присутствие татарской эмиграции в Японии способствовало изучению тюркских и арабского языков в вузах страны. Татары повлияли на распространение ислама, создали мусульманскую общину в Японии. Многие татары работали переводчиками, например, М. Курбангалиев принимал участие в создании русско-японского словаря. Кстати, именно башкир Курбангалиев стал основателем Токийской общины и инициатором строительства соборной мечети Токио (перестроенная существует до сих пор). Таким образом, татары играли своеобразную роль медиаторов между западной и восточной культурами.

Личность Курбангалиева, прибывшего на Дальний Восток в составе войск Колчака, а затем Атамана Семенова в качестве руководителя мусульманских полков, неоднозначна. С одной стороны, обладая недюжинными организаторскими способностями, он фактически основал мусульманскую общину в Токио. С другой стороны, он, сторонник мусульманского, а не национального развития, предпринял ряд некрасивых действий в отношении Г. Исхаки, что, по мнению японских властей, не способствовало объединению тюрко-татар. Поэтому в 1938 году он был выслан из Японии в Дайрен, где и прожил рядом с атаманом Семеновым вплоть до своего ареста Советской армией.

В ноябре 1933 года лидер тюрко-татарской эмиграции в Европе Гаяз Исхаки был приглашен в Японию для объединения усилий западной и восточной ветви эмиграции в национальной борьбе. С этого момента вплоть до начала Первой мировой войны 1 сентября 1939 года можно охарактеризовать по-настоящему национальным периодом (третий период) в тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке. В это время наряду с мусульманскими общинами стали создаваться комитеты независимости Волго-Урала, такие же, как и в Ев-

ропе. В мае 1934 года в Кобе состоялся учредительный съезд, чуть позже в феврале 1935 года в Мукдене (Маньчжурия) – первый объединительный съезд тюрко-татар Дальнего Востока. В соответствии с резолюциями съезда с 1935 года (по 1945 год) начала выходить еженедельная газета «Милли Байрак». Фактически в течение всех 10 лет редакционный состав газеты не изменялся: редактором был генеральный секретарь исполнительного комитета (**Меркеза**) **Ибрагим Девлет-Кильди**, главным журналистом – председатель учебного отдела **Рукия Мухамедиш**, издателем – председатель финансового отдела **Сельман Айти**.

С началом Второй мировой войны (четвертый период) вся тюрко-татарская эмиграция начинает использоваться Германией и Японией в своих целях. Так, в Европе эмигранты активно вовлекались в деятельность Восточного легиона. На Дальнем Востоке Второй Курултай тюрко-татар Восточной Азии прошел в начале войны – 28–31 августа 1941 года – «при высоком покровительстве начальника японской Военной миссии в Харбине генерала Янагита и при благожелательном содействии руководителей Военной миссии города Мукдена» и с целью мобилизации.

С окончанием войны, наступлением в Китае и Японии советских и американских войск для тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке наступает время перемен. Некоторые, как сотрудники газеты «Милли Байрак» и мулла Курбангалиев, арестовываются СМЕРШом и после 10-летней отсидки в ГУЛАГе, а затем нескольких лет на поселении возвращаются на родину, в Татарстан, Казахстан, на Урал. Более везучим удается достичь Турции, Австралии и США, где они создают современные татарские диаспоры.

Тюрко-татарская эмиграция на Дальний Восток на первом этапе, несомненно, была спровоцирована экономическими причинами и национальной политикой самодержавной России. В послереволюционный период в эмиграции наблюдался рост националистических настроений и надежд на помощь в осуществлении своих целей с помощью Японии. Тюрко-татарская эмиграция внесла свой неопределимый культурный вклад: распространение знаний об исламе в таких странах, как Корея и Япония связано с деятельностью мусульманских общин, созданных тюрко-татарскими эмигрантами. Кроме того, занимаясь коммерческой деятельностью, преимущественно торговлей сукном и европейского покроя одеждой, они немало способствовали опосредованному знакомству с европейской культурой.

Сейчас в Японии проживает несколько татарских семей. Все они входят в турецкое общество, так как являются гражданами Турции. После Второй мировой войны многие переехали в Турцию, США, Австралию. Мусульманская община передала всю свою собственность Турции, сегодня дом-школа на территории Токийской мечети, в котором размещалась община, находится в турецкой собственности. До своей смерти в апреле 2009 года турецкое общество Токио возглавлял **Темимдар Мухит**, чей отец эмигрировал из России в 1920-х годах. Еще несколько семей живут в Токио, но их дети уже живут в Америке, Австралии, Турции. Все они сохранили свою национальную идентичность. Последний татарский имам Токийской мечети **Гайнан Сафа** прослужил до 1984 года. В послевоенное время эмигранты смогли не только адаптироваться в японском обществе, но и сыграть довольно яркие, в прямом смысле этого слова, роли. Рой Джеймс – псевдоним Абдуллы Сафа (или Сафина) – и Осман Юсуф стали известными киноактерами и шоуменами: первый сыграл в четырех фильмах, в том числе у режиссера Акиры Куросава, второй – в 27 фильмах, среди которых знаменитые фильмы о Годзилле.

До сих пор табличка на стене Токийской соборной мечети напоминает о том, что она была выстроена тюркскими эмигрантами (казанскими тюрками) из России в 1938 году. А турецкая община чтит их как зачинателей общества турецко-японской дружбы.

Osamu Inouye

Tatar Language Materials in Arabic in Ural-Altai Archive of Shiro Hattori

I am Osamu Inoue and I came from the University of Shimane, Japan. I am a researcher in Mongolian and Chinese history and culture, and do not have any research experience on Tatar. I have no command of Tatar language, either. I am competent in Mongolian and Chinese language, yet not very good at English. So, please let me speak today from the script I translated into English beforehand, while showing the photos of the documents on PowerPoint slides. As for your questions and comments on my presentation, my former student Dr. Larisa Usmanova will be kindly translating them for us.

I came Moscow and Kazan this time with some purposes in my mind. Firstly, I wanted to let you know the existence of a collection called “Ural-Altai Archive of Shiro Hattori”, which is held in the Media Center of my institution, the University of Shimane. Secondly, I wanted to introduce some Tatar language materials written in Arabic, which are included in this Archive. Thirdly, I wanted to hear your thought about potential research and usage of these materials. From now on I refer to this “Ural-Altai Archive of Shiro Hattori” as “Hattori Archive”.

Hattori Archive consists of about 15,000 [fifteen thousands] books and research materials collected by the late Professor Shiro Hattori. Professor Hattori was a leading linguist in Japan and left great footsteps in the studies of Japanese language and Ural-Altai languages. His first son, Asake, donated these books and materials to the University of Shimane, and they are now kept in the Media Center of the University of Shimane. Today I do not have enough time to introduce Professor Hattori himself in details. But one thing I would like you to remember is that when Professor Hattori conducted his research in Hailar, that is on northern part of former Manchukuo, from 1933 to 1936, he met a Tatar woman named Mahira who was in refuge from Penza. They got married, and stayed together for the rest of their lives.

Now, let me introduce some Tatar language materials in Arabic, held in Hattori Archive. The one that should be introduced first is a weekly newspaper called *Milli Bayraq*, which Dr. Usmanova here used as a main material when she did her research for her PhD in the University of Shimane. I am sure that you know better than I do about *Milli Bayraq*, so I will speak briefly about the very basic information about this material. The first issue of this newspaper was issued in 1 [first] November, 1935 in Shenyang, China, which was then called Fengtian or Mukden. It continued until the 400th issue, which was published in 20 [twentieth] March 1945. It was issued by a body called “The National Organ of Idel-Oural Turko-Tatars in the Far East”, which was organized by a Tatar nationalist Ayaz İshaki.

The latest record at the University of Shimane indicates that in Hattori Archive out of 400 issues published, 343 issues are preserved. These 57 missing issues are issues 1 to 50, and the issues 297, 301, 308, 350, 389, 397 and 399. According to Dr. Larisa Usmanova’s research, *Milli Bayraq* kept in Hattori Archive is a good collection in the world, with relatively small number of missing issues. I wonder if you know a better collection of *Milli Bayraq* than the one in Hattori Archive.

Hattori Archive also keeps the envelopes which were used when *Milli Bayraq* was sent from Mukden to Hattori's home. They are addressed to "Hattori Mahira". This suggests that it was Mrs. Hattori who was reading *Milli Bayraq*. Of course, I suppose Professor Hattori was also reading it together with his wife.

Now, as you know very well, this is the symbol of the Idel-Ural Republic. In Hattori Archive, there are some books on which this symbol is printed. Let me show you the photos of these books. As I said earlier, I do not read Tatar. So I will refer to these six books by alphabet, as Book "A" to Book "F". If you could identify what kind of books they are, please let me know later and I would be grateful.

This is Book "A". In the last page of this book, there is an inscription in Japanese characters as "hisabu kitabi (sanjutsu kyoukasho)". If I translate this Japanese passage, it literally means mathematic textbook.

This is Book "B". I am unable to identify what kind of book it is. On the last page, we can find some inscriptions such as "REDAKTION "YANA MILLI YUL", Berlin-Charlottenburg 1".

This is Book "C". I cannot figure out what this book is about, either. I guess this may be a text book of Tatar language. On the last page, an address in Mukden is written down.

Book "D" has been torn apart into pieces. I do not know what kind of book this is. Some documents are inserted into this book.

This is Book "E". I do not know what this is about, either. My guess is it is a text book of Tatar language. On the very last page, an address in Mukden is written down.

This is Book "F". Again, I am not sure what sort of book this is. Towards the end of the book, a book title is written in Japanese characters. On the last page, an address in Mukden is written down.

Although small in number, I have introduced six books which carry the symbol of the Idel-Ural Republic. The materials in Hattori Archive have not been organized thoroughly. Thus there is a possibility that there are some other books which carry the symbol of the Idel-Ural Republic. Also there are books which were published in Kazan in 1902, 1907, and 1909, but without this symbol. The total number of this kind of books in the Archive is yet to be determined.

These books may be of lower value in terms of rarity, compared with *Milli Bayraq*. They may be kept in various libraries in different places. Yet these are Tatar language materials I wanted to show you today.

Now, another reason I am here today is because I am keen to hear your thought about the potential use of these materials.

My first concern is that these materials are being damaged day by day. As you saw on the earlier photos, some materials are torn apart, and some characters are now hard to read. As for *Milli Bayraq*, we have scanned them as an emergency measure, yet the quality of the images is poor. And we have not done anything about other books. What is desirable is to digitalize them in high quality images, but we have not been able to start this yet. This is partly due to the situation in the University of Shimane. The Media Center of the University of Shimane recognizes the need of preserving the valuable books of Hattori Archive in high quality digital image. The University of Shimane also allows photo taking of old books and documents whose copyrights have expired, on the condition that the researcher comes to visit the Media Center and takes photos there, and that it is for the purpose of academic research and not for direct publication. What is lacking is money. At the moment, the University of Shimane does not have enough budget for this. But this means that if we could get funding from outside, it is possible to make high quality digital image for long-term preservation.

Another issue is that of manpower. At the moment, there is no one who understands Tatar language at the University of Shimane. And I am the only one who has research interest in the materials held in Hattori Archive. Without a cooperation from external researchers who is competent in Tatar language, we cannot make use of these Tatar language materials I showed you earlier today. There is no Japanese researcher, for example, who is doing research on *Milli Bayraq* as a whole. Above all, the University of Shimane is located quite far from big cities like Tokyo and Osaka, where many researchers reside, and has difficulties in attracting Japanese researchers in terms of geographical location. Given these situations of the University of Shimane and Japanese researchers on Tatar, I came to think that in order to proceed with overall research on Tatar language materials in Hattori Archive, including *Milli Bayraq*, it is desirable to seek a cooperation of Tatar researchers. In fact, Dr. Larisa Usmanova has already conducted a fine research using *Milli Bayraq*, and this is a good example which proves the potential and value of such cooperation.

One more issue that needs to be taken into account is the University of Shimane's basic stance toward the utilization of these materials, that the wishes of Professor Hattori's family is to be respected. Professor Hattori's library was donated to the University of Shimane by his first son,

Asake, who is a researcher in Japanese literature and folklore. He is now over 70 years old and retired from the university he used to work for. Asake's expectation is that if these materials collected by his father is kept at the University of Shimane, those who wish to research them come to visit the University of Shimane and the University of Shimane will gain a wider recognition. He also wishes that when materials from Hattori Archive are published, they should be done so as a research outcome of the University of Shimane. According to his rather stoic idea, it is not academically valuable to publish only photos of some materials in print or online without any research into these materials. The University of Shimane would like to seek the ways in which the materials in Hattori Archive can be utilized in accordance with such an idea held by Asake.

I must admit that at the moment the University of Shimane has no capacity to overcome the lack of funding and manpower. Neither has it a resource to meet Mr. Asake Hattori's expectation. Therefore, I once asked Dr. Larisa Usmanova if there is a possibility that some funding can be granted from the Republic of Tatarstan, in order to conduct a research on a precious materials left by Tatar. I also asked her if a researcher can be sent from Tatarstan to the University of Shimane for a long-term stay, using the funding from the Republic of Tatarstan, and engage in such works as the high quality digital photo taking of the damaging materials, and the overall research of a large number of *Milli Bayraq*, and publish the research outcome jointly with the Media Center of the University of Shimane. In my visit here this time, I am keen to hear a lot of ideas for potential ways in which research can be launched and advanced. If we could find an idea which can gain Mr. Asake Hattori's permission, and the necessary fund can be found for this, I think a way to make use of the materials in Hattori Archive will be opened.

That is what I had to say in today's talk. Thank you very much indeed for your attention.

P.S. During the Seminar in Moscow we was able to see the first results of cooperation in our project – we could identify the real names of Tatar books mentioned by prof. Osamu Inoue as follow:

Book “B”. Гаяз Исхаки. Өйгә таба. – “Toward the home” the novella of famous Tatar writer Gayaz Iskhaki.

Book “C”. Мөхетдин Корбангали. Гарәп теле әлифбасы. – M.Korban-galiev's Arab ABC-book.

Book “D”. Зәйтүнә Шакир. Уку китабы. – an Tatar reader by Zaituna Shakir.

Book “E”. Төрки-Татар әлифбасы. Мукден, 1935. – Turk-Tatar ABC-book. Mukden, 1935.

Book “F”. Уку китабы. – an Tatar reader (Editor’s comments by Marat Gibatdinov).

Мунфу Далай

Архив урало-алтайских языков Хаттори Сиро: о материалах, связанных с «Сокровенным сказанием монголов»¹

Möngkedalay

Archive of Ural-Altai languages of Hattori Shiro: about materials related to ‘The Secret History of the Mongols’

The paper represents personal working cards of Japanese linguist Hattori Shiro for research of well-known ‘The Secret History of the Mongols’. These cards are kept only in the archive of Hattori Shiro, the University of Shimane. They are unique source for research of old Mongol language.

«Сокровенное сказание монголов» («Mongyul-un niyuča tobčiyun», или Юань-чао-ми-ши) – текст неизвестного автора, созданный в период династии Мин (XIII в.). Это произведение было записано китайской иероглифической транскрипцией на монгольском языке в 1240 году и рассказывает об истории монгольского государства и деятельности Чингисхана. Единственная рукопись была выкуплена в 1872 году в Пекинской библиотеке главой Русской духовной миссии в Китае архимандритом Палладием (Кафаровым) и привезена в Россию, она хранится в Санкт-Петербургском университете.

Текст «Сокровенного сказания монголов» записан китайскими иероглифами, передающими фонетическое звучание старо-монгольского языка. Этому тексту посвящено множество исследований, как лингвистических, так и исторических. В частности, исследованием «Сокровенного сказания монголов» занимался профессор Хаттори Сиро, который попытался восстановить фонетику старо-монгольского языка, изучая китайскую транскрипцию. Результаты его иссле-

¹ Перевод с японского языка Л.Р.Усмановой.

дования представляют огромное значение, так как он провел масштабное и скрупулезное фонетико-лингвистическое изучение текста «Сокровенного сказания монголов». Ученый изучил и описал все 12 томов, записанных иероглифами фонетической транскрипции, «Сокровенного сказания монголов» на монгольском языке. Результаты его исследования были представлены на защиту докторской диссертации в Токийском университете в 1943 году, за которую он был удостоен степени доктора наук.

Результаты исследования, текст диссертации должны были быть опубликованы в виде монографии летом 1945 года. Однако издательство сгорело вследствие американской бомбардировки, и на руках ученого остался один экземпляр, который был издан в 1946 году в издательстве «Рюмон» под названием «Исследование иероглифов, транскрибирующих фонетическое звучание монгольского языка в тексте «Сокровенного сказания монголов». Эта работа, восстановившая фонетику старо-монгольского языка, была признана во всем мире.

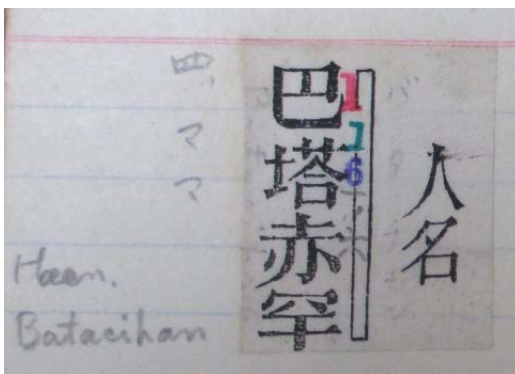
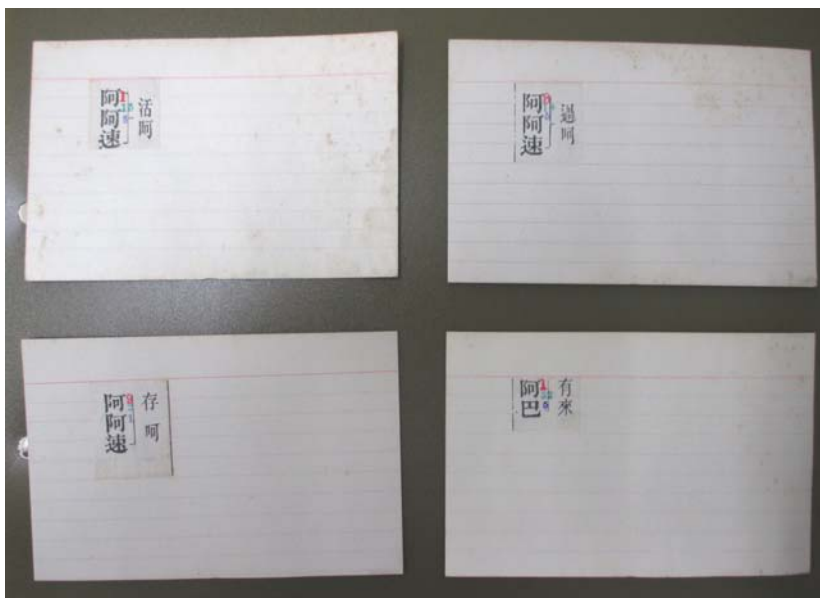
В архиве урало-алтайских языков Хаттори Сиро Университета Симанэ хранятся исследовательские карточки, с помощью которых он восстанавливал фонетику старо-монгольского языка. Хаттори Сиро составил словарь монгольского языка на основе текста «Сокровенного сказания монголов».

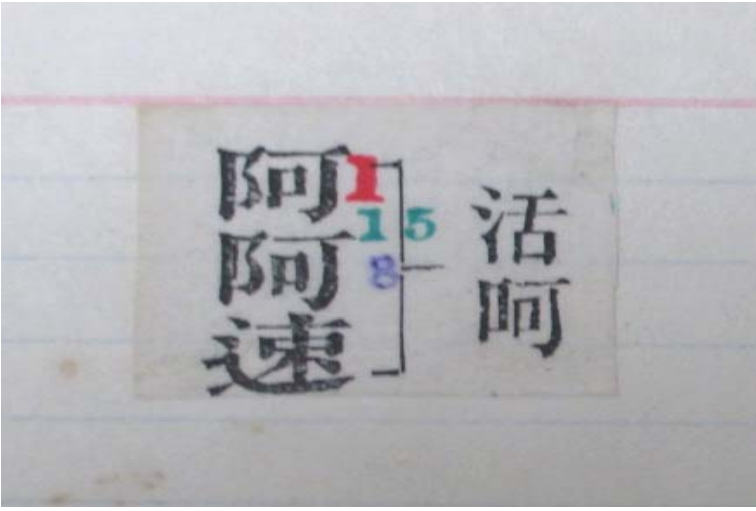
Словарь монгольского языка «Сокровенного сказания монголов», который хранится в архиве Хаттори Сиро, представляет несомненную ценность. Он представляет собой собрание карточек. В основном тексте произведения около 27800 слов. Хаттори Сиро сделал карточки для каждого слова, использованного в тексте друг за другом. На карточке слева записано транскрибированное китайскими иероглифами слово, а справа – его фонетическое чтение по-японски. Каждая карточка представляет собой лист формата В4, на котором ученым вручную записаны иероглифическая транскрипция и ее фонетическое звучание по-японски. Всего в архиве хранится 936 карточек. На них для фонетического написания использованы 563 вида иероглифов с обозначением на карточках – тома, параграфа, строки.

Сам словарь состоит из трех томов. В первом томе описаны слова от 1-го до 312-го иероглифа, во втором томе карточки с 312-го до 621-го иероглифа и в третьем томе от 622-го до 936-го иероглифа. К сожалению, этот словарь является неполным и охватывает только 3 и 4 тома 12-томного текста «Сокровенного сказания монголов». Вероятно, вследствие пожара в издательстве, основная масса карточек

была утеряна. Те, что сохранились, хранятся только в архиве Хаттори Сиро и нигде более. И даже по этому небольшому количеству карточек можно представить какой колоссальный объем работы по восстановлению фонетического словаря старо-монгольского языка предпринял лингвист Хаттори Сиро.

Карточки со словами из «Сокровенного сказания монголов»:

Лариса Усманова

**Японский лингвист Хаттори Сиро и татары:
академические и личные связи**

Larisa Usmanova

**Japanese linguist Hattori Shiro and Tatars:
academic and personal connections**

In this article the academic achievements and facts of personal biography of well-known Japanese scientist Hattori Shiro are presented. His research of Tatar and Turkic languages made him sure the concept of Ural-Altaic origin of Japanese language is correct. Due his marriage with Tatar emigrant from Russian Empire, Magira Agi, he was able to keep in own archive many materials of Turk-Tatar emigration on the Northeastern Asia including almost all issues of newspaper “Milli Bairağ”.

Как исторически развивалась тюркология и татароведение в странах Восточной Азии в целом и в Японии, в частности, в России малоизвестно. Во многом это связано с тем, что период бурного развития тюркологии и арабистики в Японии пришелся на 1930-е годы, традиционно считающиеся «темным временем» японской истории, о котором стараются не вспоминать. Однако именно тогда в этой стране были основаны научные школы, а в университетах начато регулярное преподавание языков Центральной Евразии.

Одним из основателей изучения языков урало-алтайской языковой группы и в целом лингвистики как области науки в Японии являлся профессор Хаттори Сиро² (1908.5.29, Каменяма – 1995.1.29, Токио), чей 100-летний юбилей довольно широко отмечался в 2008 году. Всемирно известный японский лингвист, почетный профессор Токийского университета, возглавлявший Японское лингвистическое общество, за свою научную и преподавательскую деятельность в 1983 году был награжден японским императором высшей наградой страны, присуждаемой за достижения в области культуры, – орденом Восходящего Солнца. В том же году Международное общество ал-

² Используется японский порядок написания японских имен: сначала фамилия, потом имя.

таистики присудило ему золотую медаль за достижения в области лингвистики. Сочинения Хаттори Сиро по алтаистике составляют четыре тома – «Исследования алтайских языков. Избранные статьи Сиро Хаттори» (Токио, 1986–1993). В них имеются статьи о татарском языке.

Хаттори Сиро родился в городе Камеяма префектуры Миэ. В 1931 году он закончил отделение лингвистики филологического факультета Токийского императорского университета, так как еще в школьном возрасте увлекся проблемой происхождения японского языка, ставшей затем главной темой его научных исследований. С целью изучения языков урало-алтайской группы, к которой, как он убедился в результате собственных исследований, принадлежит и японский язык, после окончания университета в 1933 году уехал в Маньчжурию, получив трехлетний грант Японского общества поддержки науки. Живя в Маньчжурии, он выучил монгольский, бурятский и татарский языки, практиковался в русском и английском. Именно в Маньчжурии он заинтересовался татарской культурой и историей, стал близко знаком со многими представителями татарской эмигрантской культуры. Так, уроки татарского языка он брал в Харбине у известного татарского поэта-эмигранта Хусаина Габдюшева, а затем, переехав в Хайлар, специально остановился для проживания в доме татарского купца-эмигранта Мухаммедши Агеева. Именно в этой семье он встретил свою будущую жену Магиру.

Так он писал о своих первых впечатлениях от татар в очерке 1935 года «Лингвистические исследования в Маньчжурии. Из окна с двойным стеклом, покрытого инеем»³: «...Харбин к тому же – большой интернациональный город. Хотя это и несколько преувеличенно, но говорят, что здесь можно увидеть человека любой расы мира. Однако в действительности объектов для изучения алтайских языков было меньше, чем я предполагал. И монголы есть. И башкиры, и киргизы, и тюрки есть. Однако среди языков, которые удалось наблюдать, свободно используемых в качестве языка повседневного общения, кроме татарского, как уже сказал выше, других языков нет. Я приехал впервые в Харбин в ноябре прошлого года, собирался остановиться весной в Хайларе, но из-за серьезной болезни слег в больницу в апреле и не смог избежать неожиданного обучения, которого

³ Перевод сделан со статьи из сборника произведений Хаттори С. (Хаттори Сиро. Хитокото гогакуся но дзуисо / Случайные мысли лингвиста в несколько слов. 1992. С. 14–20).

бы следовало избежать после болезни, у учителя татарского языка Хусаина Габдюша, 33-летнего молодого национального поэта, с великолепно тонким чувством языка, дающего четкие ответы на вопросы, которые затрагивали различные темы, и внесшего в мои записи по грамматике татарского языка такое большое количество исправлений, что, в конце концов, мое пребывание растянулось до середины октября, и в целом я провел в Харбине 11 месяцев. Однако, ценность исследования алтайских языков намного выше в Хайларе...».

На фотографиях: Хаттори Сиро и Хусаин Габдюш, внизу – семья Мухаммедши Аги вместе с Хаттори Сиро (1934–1936 гг.)

Фотографии из личного архива дочери Хаттори Сиро любезно предоставлены его внуком Танака Макото.

Его будущая жена Магира Агеева родилась в 1912 году в деревне Нагур (русское название Подгорный Шустрой) Краснослободского района Пензенской области, на родине отца. Мать происходила из деревни Татарский Юник Тамбовской области. В августе 1916 года семья Агеевых переехала в Хайлар, а после Второй мировой войны эмигрировала в Турцию. Выйдя замуж за Хаттори Сиро в 1936 году, Магира переехала в Токио, где и скончалась в 1999 году, пережив мужа. Ее сестра Асия также вышла замуж за японца, но, прожив несколько лет в Японии, развелась и переехала к родителям в Турцию. Сын и две дочери Магиры Агеевой и Хаттори Сиро живы и проживают в Токио.

Магира Аги и Мухаммедша Аги.

Если представить себе всю сложность политической ситуации в то время и отношение к иностранцам в самой Японии, нетрудно догадаться, что женитьба на дочери простого татарского эмигранта из России для перспективного выпускника Токийского императорского университета – очень смелый поступок. Однако, помимо романтических причин, существовала и вполне идеологическая. Семья Мухам-

медши Агеева была активным участником татарского национального движения в эмиграции, которое поддерживалось Японией. В академической и военной среде существовало мнение об одних корнях происхождения японской и тюркской наций, таким образом, японцы рассматривали тюрков в целом и российских тюрков-эмигрантов в частности в определенной степени родственным им народом.

На фотографиях: Магира Аги и Хаттори Сиро (слева – предположительно 1936 год, Хайлар; справа – предположительно 1990-е годы).

Несмотря на то что Магире пришлось уехать в 1936 году в столицу Японии, она поддерживала постоянную связь с семьей и регулярно получала эмигрантские издания, включая газету «Милли Байрак» – орган тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке, выходящий в Мукдене с 1935 по 1945 годы. Благодаря профессору Хаттори и его жене этот уникальный источник информации о жизни тюркских эмигрантов из России сохранился почти в полном объеме до настоящего времени, он оцифрован и хранится в библиотеке Университета префектуры Симанэ.

Хаттори Сиро знал несколько языков: японский, северо-корейский, монгольский, маньчжурский, тюркский (татарский и, возможно, турецкий), китайский, английский и русский языки, а также язык айну и окинавский. Одним из главных методов изучения языка он считал персональное общение с его носителем. Это дало ему, как ученому, возможность более глубоко, чем другим, понять возникновение того или иного произношения в японском языке. Он первым подтвердил сходство японского и окинавского языков, а также выяснил происхождение старомонгольского языка. Ученый провел скрупулезное исследование языка и графики «Сокровенного сказания монголов», чему была посвящена его докторская диссертация по филологии, защищенная в 1943 году в Токийском императорском университете.

После смерти Хаттори Сиро, а затем и его жены, в 2003 году архив ученого был передан Университету префектуры Симанэ, где в архиве урало-алтайских языков хранятся оригинальные выпуски газеты «Милли Байрак» и другие материалы, издаваемые тюркской эмиграцией, как например школьные учебники. В 2006 году здесь была защищена диссертация о тюрко-татарской эмиграции в Северо-Восточной Азии, опирающаяся в своем исследовании в том числе и на материалы из архива ученого. В 2014 году в Казани и Москве прошел первый семинар, посвященный жизни и деятельности японского ученого-тюрколога Хаттори Сиро. А в 2015 году, благодаря заключенному договору об академическом обмене между Институтом изучения Северо-Восточной Азии Университета префектуры Симанэ и Институтом истории имени Ш.Марджани АН РТ, был проведен проект оцифрования газеты «Милли Байрак», и копия представлена в распоряжение ученых Республики Татарстан.

Марат Гибатдинов, Диляра Усманова, Лариса Усманова

Первые итоги изучения татарских материалов в архиве Хаттори Сиро

Данная статья посвящена итогам обследования фондов архива Хаттори Сиро, хранящегося в библиотеке Университета префектуры Симанэ. Целью изучения указанного архива было выявление материалов, связанных с тюрко-татарской историей и татарской филологией. Обследование архива, предпринятое в рамках реализации Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–

2016 г.)» (п. 1.9. «Документы по истории татар в архивохранилищах Европы и мира»), заняло несколько дней. В ходе данной работы авторами этих строк было просмотрено более двухсот различных изданий, имеющих отношение к татарской истории и литературе. Также нами был составлен черновой каталог этих трудов, сделано краткое библиографическое описание, и определена научная ценность выявленных тюрко-татарских изданий, обозначены некоторые перспективные исследовательские темы и направления, при изучении которых можно было бы привлечь выявленные материалы.

Прежде чем говорить собственно об итогах проделанной работы, несколько слов следует сказать о человеке, стоявшим у истоков данной богатой и разнообразной коллекции, а также об обстоятельствах, при которых происходил сбор книг и документов, легших в основу архива.

Профессор Хаттори Сиро (1908–1995) был признанным лингвистом и специалистом в области изучения урало-алтайских языков, автором ряда работ по проблемам лингвистики и тюркологии⁴.

Известно, что среди многочисленных языков, которыми владел проф. Хаттори Сиро, был и татарский язык. Интересно начало его соприкосновения с татарским языком и тюрко-татарским миром. Будущий признанный японский языковед закончил отделение лингвистики филологического факультета Токийского университета (1931), затем отправился в Маньчжурию для совершенствования своих познаний в урало-алтайских языках. В Маньчжурии он выучил монгольский, бурятский и татарский языки. Уроки татарского языка брал в Харбине у татарского поэта-эмигранта Хусаина Габдюшева⁵. Некоторое время проживал в доме татарского купца-эмигранта Мухаммедшаха Агеева⁶ в Хайларе, в семье которого и встретил свою буду-

⁴ 日本語の系統 (岩波文庫) – 1999/3/16 (Хаттори Сиро, Генеалогия японского языка (нихонгоно кейто), Токио, Иванами: 1993).

⁵ **Габдюш (Габдуш) Хусаин Рахимджанович**, тат. Хөсәен Габдүш (1901, Троицк – 1944, Харбин) – татарский писатель, журналист, театральный режиссер, драматург, автор ряда сборников ностальгических рассказов и стихотворений, издававшихся в эмиграции в Харбине и Токио.

⁶ **Мухаммедшах Агеев** – имам мусульманской общины г. Хайлар в 1934 г. Член тюрко-татарского Идель-Уральского общества г. Хайлар с 1937 г., член правления тюрко-татарского Идель-Уральского общества г. Хайлар с 15 января 1940 года. Делегат Первого и Второго конгрессов тюрко-татар Идель-Урала на Дальнем Востоке 1935 и 1941 гг., член финансовой

шую жену Магиру. Именно благодаря ей в семейном архиве сохранились многочисленные книги на татарском языке, в том числе и изданные в эмигрантской среде⁷, а также практически полный комплект газеты «Милли Байрак», издававшейся в 1935–1945 гг. в Мукдене родителями известного турецкого ученого татарского происхождения Надира Давлета⁸.

Конечно же, в личной библиотеке ученого были не только эмигрантские издания, но и сугубо научные сочинения, труды советских и европейских специалистов, а также литературные произведения на разных тюркских языках.

После смерти ученого его наследники – сын и две дочери – приняли решение передать богатый научный архив отца на хранение в Университет префектуры Симанэ.

В последние годы особенно популярными становятся исследования архивных коллекций не просто как собрания отдельных документов, а как специфического интегрированного метаисточника, значение и ценность которого не ограничивается только суммой ценностей отдельных документов, которые он в себя включает. Подобные комплексные исследования архивов связаны не только с применением современных информационных технологий⁹ и применимы отнюдь

комиссии Центрального комитета (Меркез) тюрко-татар Идель-Урала на Дальнем Востоке с 1941 года.

⁷ For more details about Tatar diaspora in Manchuria please refer to: **Larisa Usmanova**, *The Türk-Tatar Diaspora in Northeast Asia: Transformation of Consciousness: a Historical and Sociological Account Between 1898 and the 1950s*. Tokyo, 2007. 367 p.; **Ali Merthan Dündar**, *Japonya'da Türk izleri: Bir kültür mirası olarak Mançurya ve Japonya Türk-Tatar camileri*. Ankara: Vadi, 2008. 272 p.; **Ali Merthan Dündar**, **Nobuo Misawa**. *Books in Tatar-Turkish printed by Tokyo'da Matbaa-i Islamiye (1930–38)*. Tokyo, 2010. 49 p.; **Akira Matsunaga**. *Ayaz İshaki vâ uzaq şârqdâki Tatar Türklâri (Ayaz İshaki and Turk-Tatars of Far East)*. Baku, 2004. 104 p.; **Адутов Р.** Татаро-башкирская эмиграция в Японии. Н.Челны, 2003.

⁸ **Давлет (Дәүләт) Надир** (р. 15.07.1944, Мукден) – историк, автор трудов по истории и культуре тюркских народов, д.и.н., профессор, с 1949 г. в Турции, окончил Стамбульский университет (1971) и Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана (1974), преподавал в Мармарском, Колумбийском, Висконсинском университетах (1984–1997), директор Института тюркских исследований (1997–2001).

⁹ **Юмашева Ю.Ю.** Метаисточник: к вопросу о верифицируемости данных // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. тр. Вып. 6 /

не только к электронным архивам и ресурсам, но и к традиционным бумажным. Сегодня при изучении архивных фондов, прежде всего частных и личных, важно не только то, что нам сообщают документы о той или иной исторической эпохе, событиях и т.д., а то, что эти документы могут нам сказать о их собирателе, владельце архива, о его внутреннем мире, мировоззрении, творческой лаборатории ученого, исследователя или писателя, которому принадлежал данный архив¹⁰. Такой подход к изучению архива в целом может помочь реконструировать ментальную картину его владельца¹¹. Первоначальное обследование татарской части архива Хаттори Сиро – первый шаг в данном направлении.

Процедура обследования материалов на тюрко-татарских языках, хранящихся в архиве Хаттори Сиро и ее предварительные результаты

Итак, в ходе обследования архива ученого нами было выявлено и просмотрено около 200 экземпляров книг, имеющих какое-либо отношение к тюрко-татарскому миру. Некоторые издания были отсеяны в ходе просмотра, также ряд произведений встречался в дубликатах. В итоге этого «отсева» мы зафиксировали в списке 155 наименований, которые по ряду оснований привлекли наше внимание и могли бы стать основой для дальнейшего углубленного их исследования.

Уральский государственный ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2006. – С. 309–317. **Яник А.А.** Анализ современных тенденций в развитии цифровой инфраструктуры гуманитарных исследований за рубежом // NB: Экономика, тренды и управление. – № 4, 2014. – С. 114–139.

¹⁰ **Neal Lerner.** Archival research as Social Process. In: Working in the Archives: Practical Research Methods for Rhetoric and Composition. Alexis E. Ramsey, Wendy B Sharer, Barbara L'Eplattenier, Lisa Mastrangelo Eds. SIU Press, 2009. Pp. 195–205; **Patrick Geary.** Medieval Archivists as Authors: Social Memory and Archival Memory. In: Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory: Essays from the Sawyer Seminar. Francis X. Blouin, William G. Rosenberg Eds. University of Michigan Press, 2007. Pp. 106–113; **Maryanne Dever, Ann Vickery, Sally Newman.** The Intimate Archive: Journeys Through Private Papers. National Library of Australia, 2009. 198 p.

¹¹ **Gerdien Jonker,** Reconstructing the Berlin mosque library. In: Missionising Europe. The Ahmadiyya Quest for Adaptive Globalisation 1900–1965. Leiden: E.J. Brill, 2015.

Из этого числа нами выделены в отдельную группу периодические издания. Речь идет лишь о монографиях, сборниках статей и оттисках отдельных публикаций.

Просмотренные издания были подвергнуты предварительной классификации по таким параметрам, как *язык, место издания, издатель, жанр издания и содержание*.

По языку и графике (алфавиту). Среди обследованных книг преобладает татароязычная литература, издававшаяся на арабской графике. Таких книг выявлено не менее 55–60 наименований, что составляет треть изученной нами части коллекции. В основном речь идет о дореволюционных и раннесоветских изданиях, выходивших в России и прежде всего в Казани. Также к этой группе причислены эмигрантские издания, т.е. литература, издававшаяся в основных эмигрантских центрах Дальнего Востока. Об этих изданиях будет подробнее сказано чуть ниже.

Другую группу, довольно многочисленную, составляют татароязычные издания, напечатанные латинской графикой или кириллицей. На латинице книги издавались в Татарстане в течение 1930-х гг., тогда как уже с 1940 года вся тюркоязычная литература издавалась в Советском Союзе только с использованием кириллицы.

Третью группу составляет литература на турецком языке, изданная на латинице. В основном речь идет о научных статьях и монографиях, опубликованных в Турции в 1950–1970-х гг. Наше внимание привлекли труды, хотя и изданные на турецком языке, но авторство которых позволяет отнести их к сфере «татарских интересов». Речь идет о трудах представителей татарской эмиграции первой волны, которые сделали в Турции видную научную карьеру и внесли большой вклад в развитие мировой тюркологии (Ахмет-Заки Валиди (Валиди-Тоган)¹², Агдес Нигмат-Курат¹³, Рашит Рахмати Арат¹⁴, Саадат Чагатай¹⁵, Тахир Чагатай¹⁶ и др.).

¹² **Валиди Ахмет-Заки Ахметшахович** (в Турции – Заки Валиди-Тоган, Zeki Velidi Togan, 1890–1970) – политический деятель, публицист; историк, востоковед-тюрколог, доктор философии (1935), профессор Стамбульского (1939–44, 1948–70), Боннского (1935–37), Геттингенского (1938–39) университетов, почетный доктор Манчестерского университета (1967), руководитель Института исламских исследований при Стамбульском университете (с 1953). Книги № 73, 119, 170, 261.

¹³ **Нигматов Акдес Тагирович** (Kurat Akdes Nimet (Nigmat), 1903–1971) – историк, доктор философии (1933). С 1924 г. в эмиграции в Турции.

Наконец, последняя группа: это русскоязычные издания, в основном научно-исследовательская литература, связанная с языковедением, литературой, в меньшей степени – с историей татарского народа.

По месту издания. Среди издательских центров, где печаталась эта литература, первое место занимает Казань. Таких казанских изданий нами было выявлено 40 наименований. В основном это дореволюционные издания. Вероятнее всего, они оказались в коллекции благодаря супруге ученого – Магире, так как могли быть вывезены ее родственниками из России в период эмиграции на Восток. Но, вполне возможно, некоторые из подобных изданий были приобретены в букинистическом (антикварном) магазине или куплены у других татарских эмигрантов самим Хаттори Сиро как результат его научного интереса¹⁷.

Вторую группу составляют книги, изданные в Турции, в Стамбуле (23) и Анкаре (21). В основном это научные труды – монографии или отписки отдельных статей названных авторов. Среди них

Преподаватель Стамбульского университета (1933–37), педагогического Института Гази (Анкара) с 1939 г., проф. (1944), декан факультета языка, истории и географии (1953–55). Три книги: две без номера и под № 241.

¹⁴ **Арат Рашид (Абдурашит) Рахмати** (Reshit Rahmeti Arat), Рахматуллин Габдерашид (1900–1964), тюрколог, д. филологии (1928), профессор (1933). В 1920 г. эмигрировал в Китай, с 1922 г. – в Германии, с 1933 г. – в Турции. С 1951 г. являлся директором Института тюркологии при Стамбульском университете, автор трудов по истории, языку и литературе тюркоязычных народов. Исследователь древнетюркского литературного памятника XI в. «Кутадгу билиг» Ю. Баласагуни. Один из основателей и редакторов «Энциклопедии ислама» (Стамбул, 1930-е гг.). В архиве Хаттори Сиро имеется не менее 8 книг и отписок Рашита Рахмати-Арата: книги №№ 14, 43, 65, 67, 68, 70, 72 и одна без номера.

¹⁵ **Чагатай Саадег, Saadet İshaki Çağatay** (1907–1989) – тюрколог, доктор филологии (1933), дочь Гаяза Исхаки, супруга Тахира Чагатая, с 1922 г. в эмиграции в Германии, с 1939 г. в – Турции, профессор Анкарского университета (с 1941), внесла большой вклад в развитие тюркологии в Турции. Книги №№ 74, 76, 77, 79, 80 по каталогу библиотеки.

¹⁶ **Тахир Шакир (Чагатай)** (1902–1984) – доктор социологии и экономики, зять Гаяза Исхаки. Книги № 63, 171, 171-а, 2 книги без номера.

¹⁷ Например, книга «Алты бармак китабы» (Казань, 1902) ранее принадлежала Деушеву и была куплена Хаттори Сиро в Хайларе в 1954 г. (книга отмечена в каталоге под № 359).

очень много книг и оттисков публикаций с дарственными надписями, что свидетельствует об интенсивном научном обмене между японским профессором и учеными Турции.

Третью группу составляют труды, вышедшие в эмигрантских типографиях Дальнего Востока и Японии: всего 34 издания, в том числе в Мукдене – 15, Токио – 15, Харбине – 2, Кобэ – 2. Речь идет исключительно о книгах и брошюрах, которые были подготовлены и изданы татарами-эмигрантами. Эта часть коллекции Хаттори Сиро является наиболее важной и ценной с точки зрения тюрко-татарской истории, поскольку данные эмигрантские издания сохранились в единичных экземплярах и очень плохо представлены в других книгохранилищах и архивах. Следовательно такие уникальные издания имеют особое значение для изучения тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке. Вероятно, некоторые из указанных книг были приобретены его женой Магирой, другие – лично Хаттори Сиро. Например, в его коллекции есть две книги Хусаина Габдюшева, в доме которого он проживал некоторое время в период своей маньчжурской командировки и брал у него первые уроки татарского языка¹⁸.

Четвертая группа представлена книгами на татарском языке, которые увидели свет в европейских типографиях, но являются эмигрантскими изданиями: Берлин – 5, Берлин/Лейпциг – 1, Хельсинки – 1, Лондон – 1. Берлинские издания – в основном произведения классика татарской литературы Гаяза Исхаки (№№ 33, 34, 35 и др.).

Некоторая часть европейских изданий (Будапешт – 3, Краков – 1) принадлежит к числу научной литературы, имеющей отношение к тюркологии.

Научная литература по тюркологии и языкознанию, а также художественные произведения татарских и иных тюркоязычных авторов преобладают среди изданий, вышедших в свет в Москве (не менее 16 наименований).

По жанрам и содержанию публикаций выделяются следующие группы изданий:

Научные издания по лингвистике, преимущественно по тюркской филологии и языкознанию. Эти книги отражают преимущественно сферу научных интересов ученого, его личные контакты и каналы, по которым происходил научный обмен и пр. В этом смысле

¹⁸ **Габдуш Хөсәен**. Дүрт хикәя. Токио: Токиода матбуга исламия, 1931. (№ 125, второй экземпляр № 135); Он же. Татар шагыйрьләре: Габдулла Тукай (үлеменә 19 ел тулу уңае белән). Харбин, 1932 (№ 128).

интересны книги с дарственными записями и автографы. Например, среди обследованных книг мы встречаем автографы Ахмет-Заки Валиди, Агдеса Нимета Курата, Рашита Рахмати Арата, Тамурбека Давлетшина¹⁹ и других тюркологов татарского происхождения. В условиях, когда нормальное общение с советскими тюркологами было сильно ограничено из-за «железного занавеса», одним из основных центров мировой тюркологии являлись университеты и научно-исследовательские центры Турции.

Значительное место в библиотеке Хаттори Сиро занимали *словари*, которые выступали важным инструментом в его научной работе. Интересно, что среди татаро-русских и иных словарей встречаются очень интересные экземпляры в виде дореволюционных словарей²⁰.

Большую группу составляют издания, так или иначе связанные с педагогикой, школой, сферой образования (учебники, хрестоматии и пр.). Эти издания в основном эмигрантские, и они позволяют нам изучить уровень развития педагогической мысли в эмиграции, каналы и способы сохранения воспроизводства дореволюционной исламской и татарской традиции в условиях вынужденной изолированности. Интерес для исследователей истории педагогической мысли татарского народа представляют не только имена татарских педагогов, активно работавших в эмиграции, но и содержание и методика издававшихся здесь учебников и пособий, программы обучения школ. Перспективным представляется изучение той роли, которую система образования играла в сохранении национальной идентично-

¹⁹ **Давлетшин Тамурбек Динмухамметович** (1904–1983) – татарский историк, юрист, общественный деятель, один из идеологов послевоенной татарской эмиграции. Учился на юридическом факультете Казанского (1924–1926), Иркутского (1926–1928) и Московского (1928–1930) университетов, сотрудник (1932–1934), руководитель (1934–1938) НИИ экономики в Уфе, профессор гражданского права Казанского филиала Всесоюзного юридического института (1938–1941), научный сотрудник Института по изучению СССР (Мюнхен) (1951–1969).

²⁰ Например, в коллекции Хаттори Сиро имеется ксерокопия «Аинско-русского словаря М.М. Добротворского» (Казань, 1875. Без каталожного номера); два издания «Полного русско-татарского словаря», составленного Султаном Рахманкуловым и Абдрахманом Карамом в 1921 г. (Без каталожного номера). Интересно, что один из этих словарей был куплен Хаттори Сиро в Харбине, в магазине Н.И. Вахрушева, торговавшего новыми и старыми, подержанными книгами. Адрес магазина: Харбин-Пристань, улица Диагональная, дом 17.

сти татар в эмиграции, каково было место школы в жизни татарской общины. Важным представляется изучить, каким образом авторы учебников видели образовательный идеал татар, как происходил отбор ключевых фактов, героев, иконических фигур – выдающихся личностей, персонифицирующих национальную историю и культуру татар.

Аналогичные функции выполняли и разнообразные религиозные издания, как дореволюционные (вывезенные из России бежавшими на Восток людьми), так и изданные в 1930-х годах. Причем среди последнего рода книг встречаются как оригинальные сочинения местных имамов (например, имама мечети в Кобе Мадьяра Шамгуни²¹, имама токийской общины Габдулхая Курбангалеева²²), так и эмигрантские переиздания видных теологов начала XX столетия – Ахмет-Хади Максуди²³ и др.

Также для татарской эмиграции важным для сохранения национальной идентичности было сохранить и распространить среди членов общины образцы татарской художественной литературы. Лучшее всего в архиве Хаттори Сиро представлено творчество классиков татарской литературы Гаяза Исхаки и Габдуллы Тукая²⁴. Это, с одной стороны, отражает вкусы и пристрастия основной их читательницы – Магиры Хаттори. С другой стороны, такое большое их количество (в сравнении с произведениями других авторов начала XX столетия) отражает в целом общие тенденции, характерные для эмиграции. Именно эти два автора были наиболее любимы представителями татарской эмиграции в 1930–1940-х гг. Книги с произведениями Габдуллы Тукая особенно интересны тем, что по ним видно, как Хаттори Сиро учился татарскому языку, так как они содержат многочисленные пометки и записи.

²¹ Книги № 116, 154 и 368 по каталогу.

²² Курбангалиев. Фэн тэжвид. Токио: Токиода матбугаи исламия, 1932. 28 б. (№ 130).

²³ Книги № 26, 27, 28, 29 (все изданы в Мукдене в 1940–1942 гг.), № 106, 121, 124, 132 (изданы в Токио в 1930–1931 гг.). Все эти книги являлись своего рода краткими популярными пособиями по религиозной догматике и ритуалу, они рассказывали что такое закат и хадж, как совершать омовения и как следует молиться и пр.

²⁴ **Тукай Габдулла, Габдулла Мухамедгарифович Тукаев** (1886–1913) – выдающийся татарский народный поэт, литературный критик, публицист, общественный деятель и переводчик, один из родоначальников новой татарской литературы.

Как особую группу можно выделить **периодические издания на татарском языке**. Среди них: газета «Милли байрак»²⁵, журналы «Яңа милли юл» (№ 5, 6 за 1937 год), «Яңа япон мөхбире» (№ 10, 12 за 1933 год), «Милли байрак» (№ 2–4 за 1954 год) и др. Думается, что сохранившиеся периодические издания представляют собой лишь маленькую толику периодики на татарском языке, которая циркулировала в 1930–1940-х гг. в эмигрантской среде и была в распоряжении семьи профессора Хаттори Сиро. Вероятно, многие экземпляры просто не уцелели, так как газеты и журналы хранятся хуже всего.

Предложения по дальнейшей работе:

1. начать каталогизацию архива Хаттори Сиро;
2. сделать полный список наименований книг, связанных с татарской (тюрко-татарской) историей, языком и литературой;
3. отсканировать наиболее ценные и уникальные эмигрантские издания (выпущенные типографиями в городах Мукден, Токио, Кобэ, Харбин)²⁶.

Данная работа позволит собрать воедино сведения о тюрко-татарской части коллекции Хаттори Сиро. На основе этих сведений в дальнейшем можно будет провести более глубокий анализ отдельных групп изданий в зависимости от фокуса исследований и выявить наиболее перспективные исследовательские темы.

²⁵ В архиве Хаттори Сиро сохранилось примерно 325 из 400 номеров газеты, изданных в 1935–1945 гг., что составляет самую полную коллекцию этой газеты, сохранившейся в библиотеках мира. Газета «Милли байрак» была осмотрена и изучена проф. **Хисао Коматцу**, а также **Ларисой Усмановой** (См.: Larisa Usmanova. *The Türk-Tatar Diaspora in Northeast Asia*. Токио, 2007. Рр. 63–71).

²⁶ К моменту выхода данного сборника все три задачи, поставленные в данной статье, были успешно выполнены благодаря реализации Договора о сотрудничестве между Институтом истории АН РТ и Университетом Симанэ и при финансовой поддержке Президента Республики Татарстан Рустама Нургалеевича Минниханова.

Диляра Усманова

Габдрашид Ибрагимов: религиозная и общественно-политическая деятельность среди военнопленных российских мусульман лагеря Вюнсдорф (1915–1917)

С началом Первой мировой войны ведущие мировые державы были втянуты в военные события, а мусульманское население этих стран оказалось в той или иной степени жертвами военных событий и даже «разменной картой» в большой геополитической игре мировых держав. В настоящем сообщении речь пойдет о российских мусульманах, оказавшихся военнопленными на территории Германии, а также деятельности среди этих россиян видного мусульманского религиозного и общественного деятеля **Габдрашида Ибрагимова (1857–1944)**.

Лагеря для военнопленных-мусульман – россиян в Германии были созданы по указанию Вильгельма II зимой 1914–1915 гг. Между двумя небольшими городками Цоссен (Zossen) и Вюнсдорф (Wünsdorf) недалеко от Берлина было образовано два специальных лагеря для военнопленных мусульман: «Weinberglager» («Лагерь на виноградной горе») и «Halbmondlager» («Лагерь полумесяца»). В годы войны в обоих лагерях содержалось около 15000 военнопленных-мусульман, подданных России (в основном, татар и башкир из Волго-Уральского региона, а также представителей кавказских народов), выходцев из мусульманских колоний Франции и Великобритании (арабы, индусы, африканцы и пр.). Число российских мусульман колебалось от 10000 до 13000 в разное время. Недалеко от Вюнсдорфа, в местечке Церенсдорф (Zerensdorf), было также разбито кладбище, на котором хоронили умиравших от ран и болезней военнопленных. По некоторым данным, на этом кладбище похоронено около 2700 солдат, в том числе около 1100 российских мусульман, 700 африканцев, 600 индийцев и пр. Последние захоронения российских мусульман датируются осенью 1920 г. Кладбище было разбито на соответствующие сектора. 31 июля 1916 г. на татарской части кладбища был установлен мемориальный памятник с надписью: «Могилы мусульман казанских татар, которые погибли во время мировой войны при императоре Вильгельме II». Памятник пришел в ветхость во второй

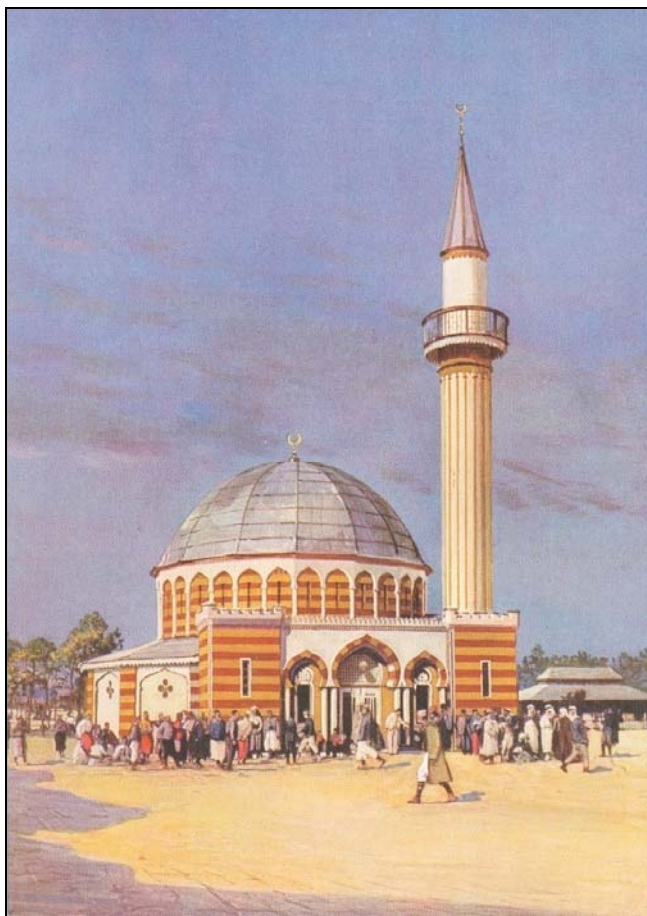
половине XX столетия и был восстановлен в начале XXI столетия (см. фото).

Лагеря для военнопленных создавались не только и не столько для изолирования попавших в плен мусульманских поданных враждебных стран, но и для ведения среди них пропаганды с целью дальнейшего использования в боевых и иных действиях против стран Антанты. Одним из главных инициаторов и идеологов подобной политики был известный немецкий ориенталист Макс фон Оппенгейм (Max von Oppenheim, 1860–1946), который в начале Первой мировой войны подал в МИД Германии докладную записку (меморандум) под названием «Революционизирование исламских областей наших врагов» с предложением революционизировать исламские регионы в странах-противниках. В частности, он полагал возможным использовать для ослабления стран Антанты мусульманский фактор под лозунгом «священной войны» (*джихад*). Главную роль при революционизировании мусульман должна была выполнять Османская империя, чей глава носил титул *халифа* – духовного лидера всех му-

сульман. С пропагандистской целью при МИДе была создана специальная «Восточная новостная служба» (или «Служба информации по Востоку»), по-немецки «Nachrichtenstelle für den Orient»). В соответствии с центральной задачей – осуществление пропаганды среди мусульман в странах Антанты и их колониях – ВНС состояла из четырех подразделений, которые вели соответствующую работу на фронте, среди мусульманских военнопленных, в колониях стран-союзниц Антанты (главная цель – британская Индия), а также на территории Германской империи. ВНС издавала журнал «Der Neue Orient» («Новый Восток»), собирала и обрабатывала корреспонденцию из мусульманских стран, а также получаемую от военнопленных-мусульман, содержащихся в указанных лагерях. В обязанности сотрудников ВНС входила и цензура всей корреспонденции, получаемой мусульманскими военнопленными указанных лагерей.

Исходя из этих пропагандистских задач, условия пребывания военнопленных мусульман в этих лагерях были относительно комфортные. В лагерях имелись свои молельные дома, довольно богатая библиотека, был организован оркестр народных инструментов, выходили газеты (общелагерная газета, а также ряд изданий на различных языках – татарском, арабском, русском, хинди, грузинском и пр.). Деятельность многочисленных творческих коллективов разнообразила монотонную жизнь военнопленных. На территории лагерей были образованы специальные учебно-производственные колонии, где пленные были заняты в производстве, обучались прогрессивным способам ведения хозяйства и приобретали собственный опыт в использовании новейшей производственной техники. Эти колонии должны были служить образцом дружественного отношения немецких властей к мусульманам, что было частью пропагандистской кампании. Подобная же цель преследовалась и при организации лагерных школ, в которых военнопленные могли учиться грамоте, углублять свои знания, изучать русский и немецкий языки, знакомиться с достижениями Германии в области промышленности, сельского и лесного хозяйства.

Большая деревянная мечеть на территории «Лагерь полумесяца» («Halbmondlager») была торжественно открыта 13 июля 1915 года (см. фото). Мечеть долго оставалась единственной не только в округе, но и в стране и функционировала до 1928 г. После закрытия она простояла вплоть до начала 1930-х гг., когда была снесена за ветхостью. Первоначально обязанности имама выполнял известный татарский религиозный и политический деятель Габдрашид Ибрагимов (1857–1944), переехавший в 1915 году в Германию из Турции с целью оказания помощи мусульманским военнопленным. В 1915–1918 гг. Габдрашид Ибрагимов, не оставаясь долго на одном месте, курсировал с пропагандистской целью между Германией (Берлин), Турци-

ей (Стамбул), Швецией (Стокгольм) и Швейцарией (Лозанна). Так, в мае 1916 года, Габдрашид Ибрагимов участвовал в конгрессе угнетенных народов России, проходившем в Стокгольме, от имени которого был обнародован «Протест угнетенных народов», обращенный к президенту США Вудро Вильсону и всему человечеству.

Как и большинство других татарских пропагандистов, состоявших на службе МИДа, Габдрашид Ибрагимов проживал за пределами лагеря (в Берлине или Вюнсдорфе), но бывал в лагере не менее четырех дней в неделю, проводя беседы с военнопленными. Кроме того, Габдрашид Ибрагимов активно занимался издательско-редакционной деятельностью. Одним из важнейших его проектов была газета «Аль-Джихад» (1915–1918), в которой на начальном этапе он выступал в качестве издателя и редактора татарской версии. Впоследствии его на посту редактора татарской версии газеты, как и в должности основного лагерного имама, сменил Галимджан Идриси (Алимджан Идриси, 1887–1959), выполнявший эти обязанности с марта 1916 г. и вплоть до закрытия лагеря. Большая часть российских военнопленных, в том числе мусульман, была репатрирована на родину после окончания мировой войны до июля 1921 г. Лагеря мусульманских военнопленных были официально закрыты 1 мая 1922 г.

Помимо этой религиозной и общественной деятельности в рамках лагеря для военнопленных, Рашид Ибрагимов в эти годы активной сотрудничает с журналом «Der Neue Orient» («Новый Восток»), который выходил два раза в месяц в 1917–1943 гг. в Берлине в качестве печатного органа германских ориенталистов. В течение 1917–1918 гг. в журнале была опубликована целая серия статей Рашида Ибрагимова.

В целом, следует сказать, России и российским мусульманам на страницах журнала отводилось значительное место. Все наиболее важные, можно сказать, судьбоносные события, происходившие в восточных регионах Российской империи, были отражены. В частности, до революции было довольно много новостей из думской деятельности мусульман (выступления М.Ю. Джафарова, полемика между К.М. Тевкелевым и С. Максуди о направлении и характере деятельности мусульманской фракции в Государственной Думе и др.). Когда был издан указ о мобилизации среднеазиатских мусульман на работы в тылу, который спровоцировал волнения в Туркестане (1916), то журнал поместил как хронику событий, так и думский за-

прос по этому поводу. Большинство статей и заметок, имевших отношение к российским мусульманам, были анонимными.

В числе наиболее активных авторов публикаций на татарскую тематику мы встречаем и «шейха Абдеррешид Ибрагим». Первое упоминание имени Габдрашида Ибрагимова на страницах журнала датируется 1915 г. (Korrespondenzblatt, 8 июля 1915, № 8), когда вероятно и началось его сотрудничество с ВНС. Затем в № 1 за 1917 г. была помещена его краткая биография (в которой, правда, много неточностей), а через несколько номеров слово было предоставлено самому шейху. Три большие статьи, принадлежавшие перу Габдрашида Ибрагимова, появились в течение 1917 года (апрель, август и октябрь): «Прошлое и настоящее татарской нации», «Возрождение тюрко-татарских народов России» и «Мое письмо Папе Римскому». Все статьи были написаны на немецком языке и были обращены к европейскому читателю. Все эти три статьи недавно впервые были переведены на русский язык и опубликованы автором этих строк в сборнике, посвященном Рашиду Ибрагимову (Габдерашит Ибрагим: научно-биографический сборник. Казань: изд-во «Жыен», 2011. С. 172–215).

Посредством этих публикаций автор стремился поведать миру о российских мусульманах, об их истории, образе жизни и культуре, о проблемах, существующих в мусульманском мире, об угнетении российских мусульман со стороны российского правительства. «Письмо Папе Римскому» (написано в сентябре 1917, а опубликовано в октябре того же года) оказалось последней публикацией Габдрашида Ибрагимова в данном журнале. Впрочем, и сам автор вскоре уезжает из Европы: сначала коротко на родину в Сибирь, затем в Турцию и, наконец, в Японию, где начинается новая страница его биографии, связанная с деятельностью мусульманской общины в Японии.

*Марат Гибатдинов, Мисте Хоттон-Риеке,
Стефан Тилиг*

**Документы по истории и культуре татар
в архивах Германии
(совместный Татарстано-Германский
архивный проект)**

В ходе реализации Государственных программ Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 гг.)» и «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2020 годы» Институтом истории им. Ш.Марджани АН РТ активизированы исследования в сфере изучения, сохранения и популяризации письменного наследия татарского народа, хранящегося в зарубежных архивах. В 2014 году начата новая книжная серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage», открываемая изданием транскрипции и факсимиле «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми.

Благодаря сотрудничеству с нашими европейскими коллегами, прежде всего, с ИКАТАТ (Институтом кавказских, татарских и туркестанских исследований, Магдебург-Берлин) и Главным архивным управлением при КМ РТ больших успехов удалось добиться в выявлении и изучении документов, хранящихся в германских архивах и коллекциях.

В ходе исследования были выявлены новые, ранее неизвестные факты в истории татаро-германских контактов:

- 1420 год – военный альянс немецких крестоносцев и татар Литвы и Крыма;
- 1599 год – первый дипломатический контакт между Крымским ханством и Пруссией-Брандербургом;
- 1675 год – первые татарские волонтеры в Прусской армии;
- 1790-е годы – около 2000 татар служат в Прусской армии;
- 1732 год – первая татарская мусульманская религиозная община Германии (Потсдам).

Источники, отражающие историю этих и позднейших контактов, отложились в следующих архивных фондах:

Архив МИД Германии – выявлено около 600 листов документов (из них изучено около 50%).

Федеральный архив Германии (два офиса в Берлине и один во Фрайбурге) – более 2000 документов (в большинстве не изучены).

15 местных архивов в разных Федеральных землях – общее число документов, касающихся татар, неизвестно (не изучены).

Частные архивы из коллекции Центра современной ориенталистики – включают в себя коллекции востоковеда Герхарда Хёппа по татарскому лагерю в Вюнсдорфе и др. – содержат 1 ящик с множеством папок (не изучены).

Прусский секретный государственный архив – содержит несколько сотен документов XVI–XVII вв. (не изучены, не опубликованы).

Архив рукописей Восточного департамента Берлинской государственной библиотеки – один ящик с дневниками, письмами, рукописными словарями; книги и рукописи (XIX–XX вв.) – изучены поверхностно, не переведены, опубликованы только отдельные документы.

Архивы Фонда Франке («*Franckesche Stiftungen*»), Халле – несколько десятков документов по истории миссионерской активности в Волго-Уральском регионе и о татарах в Потсдамской гвардии («*Lange Kerls*»).

Центры документации и архивы Второй мировой войны – несколько тысяч документов о военнопленных, узниках лагерей и принудительных рабочих («остарбайтеров»).

Представим вашему вниманию лишь несколько из вновь выявленных документов.

Один из самых ранних контактов между татарами и немцами ознаменован посольством 1599 г. крымского хана Гази Гирея во главе с Мохаммет агой во Франкфурт на Одере. Сохранились письма (ярлыки) ханов (рис. 3), ответные письма немецких правителей (рис. 2) и документы, связанные с татарской дипломатической миссией Мейдан Гази Мурзы, посланного Мехмедом IV Гиреем в Штеттин в 1659 г. (рис. 1). Как уже отмечалось, татары служили во многих армиях немецких княжеств, попадая туда как дипломатические подарки либо в ходе войн, когда территории, на которых они проживали, переходили под власть нового правителя. В прусской и саксонской

армиях татары были известны как босняки, уланы, гусары, «*towarczys*». Татарские имена известны не только в немецкой кавалерии, но даже в рядах Потсдамской гвардии короля Фридриха Великого. Многие зарубежные правители передавали в дар Фридриху высокорослых солдат, чтобы заручиться его поддержкой. Так, Петр I прислал в Пруссию несколько солдат в благодарность за подаренную ему Янтарную комнату. Возможно, именно так в элитную прусскую гвардию попал и Shverid Rediwanow (Фарид Ридванов ?) (рис. 7). XIX–XX вв. также представлены большим объемом документов, отражающих преимущественно внешнюю политику Германии по отношению татар-мусульман, это личные дела, письма и фотографии татарских военнопленных и эмигрантов в период между двух мировых войн (рис. 4, 5, 6). Определенный интерес представляют документы из архива МИД Германии, отражающие дискуссию по поводу татарских периодических изданий «Яңа юл», «Тан», «Яңа сүз», «Милләт» и связанные с деятельностью Гаяза Исхаки, Алимджана Идриси, Джафера Сейдамета, Османа Токумбетова и др.

Результатами реализации данного архивного проекта должны стать:

- Путеводитель по татарским архивным фондам и материалам в Германии;
- Сборники избранных документов, представляющих все этапы истории с XIII по XX вв.
- Научные аннотированные публикации наиболее ценных документов с переводом на татарский, русский, английский языки.

Немецкий архивный проект неожиданно выявил и материалы о жизни татарской общины в Японии, опубликованные Карлом Арифом Бейкером в журнале «*Moslemische Revue*», издаваемом в Берлине, и сообщающие об открытии первой мечети в Кобе. (рис. 8). Надеемся, что нам также удастся осуществить подобный проект в архивах Японии с участием наших японских коллег.

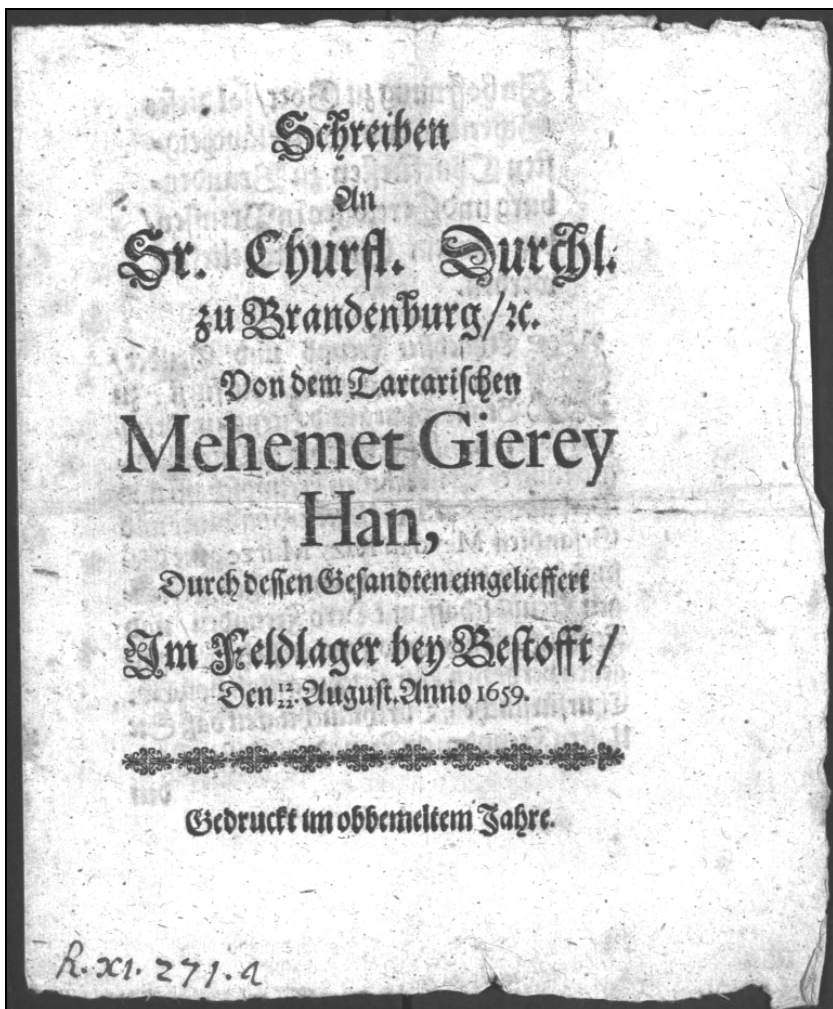

Рис. 1. Первое печатное издание на немецком языке Циркуляра о прусско-татарских отношениях по случаю прибытия делегации крымских татар во главе с Мейдан Гази Мурзой в 1659 г.

Serenissime et Celsissime Han Tartarorum
Domine Amice et Frater Charissime,

Pergratum Nobis semper fuit, quod Ser.^{tas} V.^{ras}
tuum literis suis longe gratissimis cum Ablegatis suis
subinde Nos invisere voluerit. At praesens hac ablega-
tio eo Nobis gratior fuit quod de optima Ser.^{tas} V.^{ras} valetudine
ac prospero rerum vestrarum statu, quoniam Deus perennem
esse velit, per honoratum Eiusdem ac Nobis singulariter dile-
ctum Ablegatum intellexerimus. Quod vero simul Ser.^{tas} V.^{ras}
per Eundem de moderno statu nostro, et an bellum habeamus, et
cum quo, et Num indigemus auxiliis Eiusdem sciscitari voluerit
de eo ut Ser.^{tas} V.^{ras} multas agimus gratias, ita non possumus, quin pro
singulari quo in Ser.^{tas} V.^{ras} ferimur affectu, Eandem certiorum redda-
mus frui nunc Nos post gesta gravissima, ac feliciter superata bella,
optata Pace, ac per Divinam benedictionem ita ut habere res nostras
ut feliciter statum via optare possemus. Quod si aliquando praesentem
Pacem turbare contingeret, non dedignaremur Auxilia Ser.^{tas} V.^{ras} tan-
quam amici Principis, et cuius Virtutes ac Merita magni facimus, quod
brevis per ablegationem Nostram testabimur; Quae omnia uti prolixius Ser.^{tas}
V.^{ras} Ablegato examini curavimus, ita is eodem sine dubio bona fide referet.
De accessu Vestrum veneramus, ac Ser.^{tas} V.^{ras} ac Celsissimam Candrum Temur.
Duxra sua tutela ac omni desiderata prosperitate, deare sustineat.
Dabantur ex Aere nostro Coloniae ad Sobrum die 24. Mensis Augusti, Anno
post Christum natum Millesimo, Sexcentesimo Octogesimo primo.

Ser.^{tas} V.^{ras} bonus Amicus et Frater

Рис. 2. «Светлейший и высокороднейший хан татар, дорогой друг и брат...». Письмо на латинском языке курфюрста Бранденбургского Фридриха Вильгельма хану Мурад Гирею (1681 г.).

Рис. 4. Представители татарской диаспоры на фоне мечети в Вюнсдорфе. Намаз в «Лагере полумесяца» (Halbmondlager).

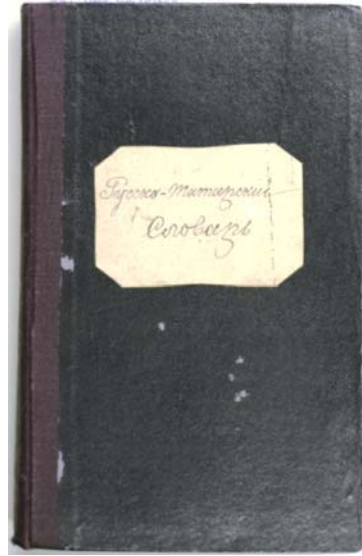

Рис. 5. Рукописный русско-татарский словарь, составленный немецкими лингвистами, посещавшими лагерь в Вюндсдорфе.

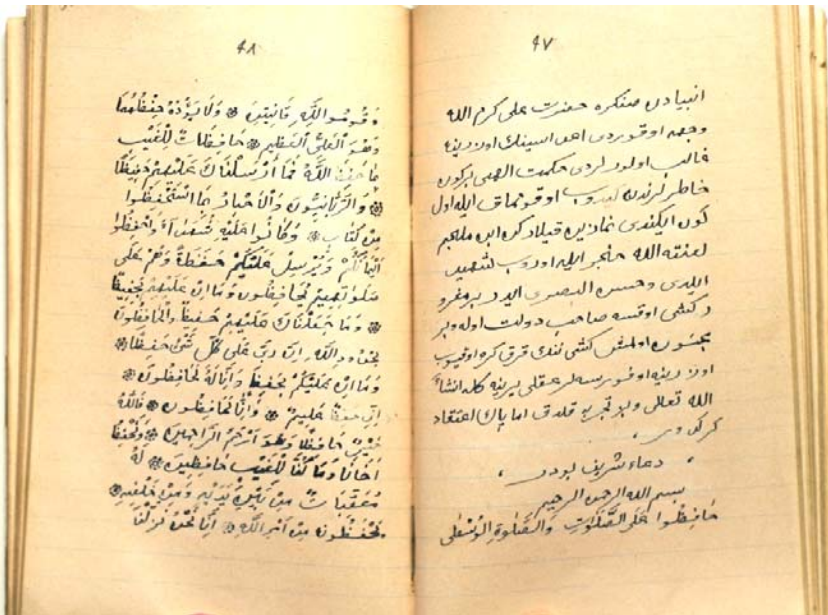

Рис. 6. Рукопись из собрания Восточного департамента Берлинской государственной библиотеки.

Рис. 7. Shverid Rediwanow, прусский гвардеец.

MOSLEMISCHE REVUE

HERAUSGEGEBEN VON { MAULANA SADR-UD-DIN
DR. PHIL. S. M. ABDULLAH
Ehemals Professor zu Lahore (Indien)

12. Jahrgang

Schawwal 1354 A.-H.

Januar 1936

Heft 1

INHALT:

1. Quran-Gedanken	Seite 1
Von E. Knophius	
2. Islam als Lebensform	" 2
Von Omar Rolf Ehrenfels	
3. Moslemischer Schicksalsglaube	" 6
Von H. Marcus	
4. Der Islam in Japan	" 27
Von Karl Arif Becker	
5. Bücherschau	" 29
6. Notizen	" 30

Wie erlangt man
die Einbürgerung in Moslemischen Ländern?
Wo herrscht das alte
moslemische Familien-Erb- und Eherecht?
Das vorige Heft gibt Auskunft!

Erscheint vierteljährlich // Bezugspreis: jährlich M. 4.—

BERLIN - WILMERSDORF
BRIENNER STR. 7, MOSCHEE // TEL.: WILMERSDORF (H 7) 1930

Рис. 8. Номер журнала «Moslemische Revue», Берлин, с информацией о жизни татар-мусульман в Японии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Бедретдин Кадрия (Kadriye Bedretdin)**, докторант факультета искусств Департамента мировых культур Университета Хельсинки (Финляндия).
2. **Габдрафикова Лилия Рамилевна**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ.
3. **Гибадуллина Лейсан**, сотрудник центра изучения Северо-Восточной Азии Университета Симанэ, Япония.
4. **Гибатдинов Марат Мингалиевич**, кандидат педагогических наук, руководитель Центра истории и теории национального образования Института истории им. Ш.Марджани АН РТ.
5. **Ёнэхара Кен (Yonehara Ken)**, почетный профессор Университета Осаки.
6. **Ёсуке Кусакабе**, советник посольства Японии в Москве, представитель Японского фонда в Москве.
7. **Иноуэ Осаму (Osamu Inouye)**, профессор факультета политических исследований Университета Симанэ (Япония).
8. **Какуда Нориюки (Noriyuki Kakuda)**, профессор, сотрудник Исторического музея древнего Идзумо, префектура Симанэ.
9. **Мунфу Далай (Möngkedalay)**, сотрудник центра изучения Северо-Восточной Азии Университета Симанэ, Япония.
10. **Накамура Мизуки (Nakamura Mizuki)**, Школа гуманитарных исследований и культуры, Университет Цукуба (Япония).
11. **Подалко Петр Эдуардович**, профессор Университета Аояма Гакуин, Токио.
12. **Сабри Тонч Ангылы**, Генеральный Консул Республики Турции в Казани.
13. **Сухов Николай Вадимович**, начальник отдела планирования Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество).
14. **Сакурама Акира (Sakurama Akira)**, Общество развития наук, Университет Токио.
15. **Салихов Радик Римович**, доктор исторических наук, заместитель директора Института истории им. Ш.Марджани АН РТ.

16. **Сейдалиев Эмиль Исаевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш.Марджани АН РТ.

17. **Тилиг Стефан**, директор Прусского исторического музея Вюстрау (Германия).

18. **Усманова Диляра Миркасымовна**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и стран ближнего зарубежья Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.

19. **Усманова Лариса Рафаэлевна**, доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ; доцент УНЦ «Философия Востока» Российского государственного гуманитарного университета.

20. **Хоттоп-Риеке Мисте**, директор Института кавказских, татарских и туркестанских исследований, ИКАТАТ (Германия).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Sakurama Akira</i> . Middle Volga Region as a Contact Zone: From the Post-socialism Anthropological Perspective	5
<i>Ёнэхара Кен</i> . Свет и тень японского национализма: Куга Кацунан	14
<i>Радик Салихов</i> . Модернизации традиционной татарской общины в конце XVIII – начале XX века	20
<i>Лилия Габдрафикова</i> . Образ Японии в восприятии татар начала XX века	24
<i>Noriyuki Kakuda</i> . Origin of Japanese ancient iron production: Comparison of history of iron production in Japan and Korea	33
<i>Emil' Seidaliev</i> . Metal Mining and Metalworking in Mediaeval Crimea and among the Crimean Tatars: A Historical and Archaeological Commentary	38
<i>Kadriye Bedretdin</i> . Preserving of mother tongue, religious and cultural identity of Tatar migrants (as an example the Tatar community in Finland)	43
<i>Nakamura Mizuki</i> . Language Situation and Attitude Towards the Tatar Language: The Case of Tatars in Tashkent, Uzbekistan	53
<i>Петр Подалко</i> . Русская колония в Кобе. Из истории послереволюционной эмиграции	61
<i>Лейсан Гибадуллина</i> . Два поэта со схожей судьбой – Габдулла Тукай и Исикава Такубоку	89
<i>Marat Gibatdinov</i> . The Tatar Materials in the Hattori Shiro Archive and the prospects of research the History of Tatar Education	94
<i>Иноуэ Осаму</i> . Редкие материалы по монголоведению, хранящиеся в архиве Хаттори Сиро: журнал «FRONT» и материалы по фонетике монгольского языка	96

Наследие тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке.
Материалы Международных Татарстано-Японских семинаров,
посвященных деятельности ученого-тюрколога
Хаттори Сиро (Hattori Siro)

<i>Ёсукэ Кусакабе.</i> Приветствие	105
<i>Сабри Тонч Ангылы.</i> Приветствие	106
<i>Николай Сухов.</i> Приветствие	107
<i>Лариса Усманова.</i> Роль тюрко-татарской эмиграции в распространении ислама на Дальнем Востоке	108
<i>Osamu Inouye.</i> Tatar Language Materials in Arabic in Ural-Altaiс Archive of Shiro Hattori	115
<i>Мунфу Далай.</i> Архив урало-алтайских языков Хаттори Сиро: о материалах, связанных с «Сокровенным сказанием монголов»	120
<i>Лариса Усманова.</i> Японский лингвист Хаттори Сиро и татары: академические и личные связи	125
<i>Марат Гибатдинов, Диляра Усманова, Лариса Усманова.</i> Первые итоги изучения татарских материалов в архиве Хаттори Сиро	130
<i>Диляра Усманова.</i> Габдрашид Ибрагимов: религиозная и общественно-политическая деятельность среди военнопленных российских мусульман лагеря Вюнсдорф (1915–1917)	140
<i>Марат Гибатдинов, Мисте Хоттон-Риеке, Стефан Тилиг.</i> Документы по истории и культуре татар в архивах Германии (совместный Татарстано-Германский архивный проект)	146
Сведения об авторах	156

**Культурные, экономические, технологические контакты
и взаимодействие Японии и Татарского мира:
история и современность:**

Сборник материалов Международной научной конференции,
посвященной 80-летию мечети в г. Кобе
(Токио-Мацуэ, 19, 23 октября 2015 г.)

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*

Подписано в печать 23.12.2015 г. Формат 60×84 1/16

Усл. печ. л. 10,0. Тираж 100 экз.

Отпечатано в множительном центре

Института истории АН РТ

г. Казань, Кремль, подъезд 5

Тел.: (843) 292–95–68, 292–18–09

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф